

ISSN 0206-8680

Кс

КИНО

СЦЕНАРИИ

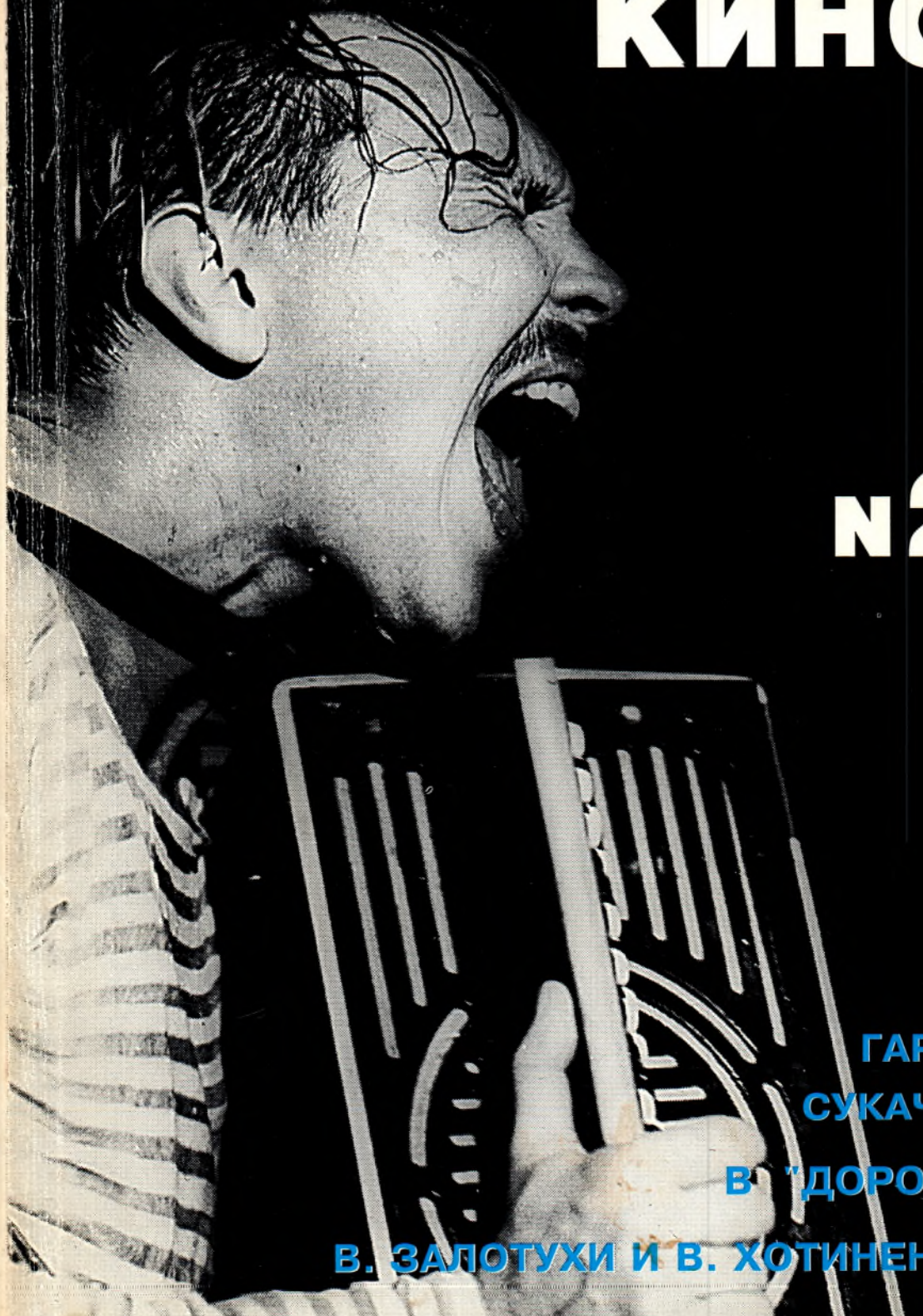
№2

2
95

ГАРИК
СУКАЧЕВ

В "ДОРОГЕ"

В. ЗАЛОТУХИ И В. ХОТИНЕНКО

**Авиакомпания "Аэрофлот –
Российские международные авиалинии" –
лидер гражданской авиации России.**

Аэрофлот – это:

- надежная техника и высокопрофессиональный персонал в небе и на земле;
- уникальный опыт нескольких десятилетий работы на западном рынке;
- регулярные полеты в 160 городов 103 стран мира, в том числе СНГ и Балтии;
- организация международных чартерных рейсов для пассажирских и грузовых перевозок;
- разветвленная сеть агентов и деловых партнеров.

Аэрофлоту доверяют во всем мире!

Телефоны авиакомпании в Москве:

155-50-45 – международная справочная
155-66-41, 155-66-48 – коммерческая служба
155-59-48, 155-51-34 – пресс-центр

№ 2 КИНО СЦЕНАРИИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

Учредители:
Комитет кинематографии при
правительстве Российской
Федерации
Конфедерация Союзов
кинематографистов
Редакция журнала
"Киносценарии"

Журнал издается с 1973 года

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ

О. Иоселиани 11 "ОХОТА НА БАБОЧЕК"

А. Пятигорский 50 "ЧЕЛОВЕК
О. Кантли НЕ КАК ДРУГИЕ"

Г. Параджанов-Анин 88 "УРОДИНА"

В. Залотуха 101 "ДОРОГА"

В. Фрид 116 "58 1/2"

В. Черных 135 "ПОДЖИГАТЕЛЬНИЦА"

П. Бескинд 143 "КВЕНТИН
ТАРАНТИНО"

Мастерская ВГИКа 157 "НА ПОЗИЦИИ"

М. Дитрих 186 "АЗБУКА МОЕЙ
ЖИЗНИ"

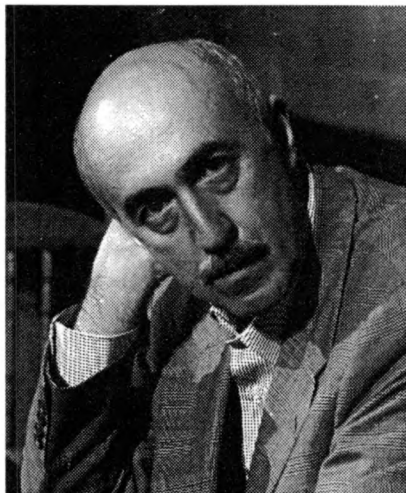
ՕՏԱՐ ԻՍԵՆԼԻԱՆԻ:

"...Для меня, я считаю,
позволительно снять фильм
немножко о Франции,
немножко о России,
немножко о Грузии..."

Отар Иоселиани родился 2 февраля 1934 года в Тбилиси. Закончил математический факультет Московского Университета по специальности астрономия, после этого режиссерский факультет ВГИКа (мастерская А.П.Довженко).

Автор фильмов: **"Цветы"** (1959); **"Апрель"** (1962); **"Чугун"** (1964); **"Листопад"** (1966), Премия ФИПРЕССИ на МКФ в Каннах, 1968; **"Старинные грузинские песнопения"** (1970); **"Жил певчий дрозд"** (1970), Приз за лучший зарубежный фильм 1972 года в Италии; **"Пастораль"** (1976), Премия ФИПРЕССИ на МКФ в Берлине, 1981; **"Семь пьес для черно-белого кино"** (1982); **"Страна басков"** (1982); **"Фавориты луны"** (1984), Большой специальный приз жюри на МКФ в Венеции, 1984; Приз католического киноцентра; **"Маленький монастырь в Тоскане"** (1988), Приз SCAM за лучший французский документальный фильм, 1988;

С 1982 года Отар Иоселиани работает во Франции.

"И стал свет" (1989), Большой специальный приз жюри на МКФ в Венеции; **"Охота на бабочек"** (1992), Премия итальянской кинокритики МКФ в Венеции; Европейская премия SICAE (Международной Ассоциации киноискусства эксперимента в Гамбурге); Премия Берлинской Академии искусств за лучшее произведение искусства 1992 года; Премия комиссии Министерства культуры Италии; Премия московских кинокритиков за лучший зарубежный фильм 1992 года; Премия за лучший сценарий 1992 года (Италия); Премия фонда Андрея Тарковского на XVIII МКФ в Москве (1993); Российская премия **"Триумф"** (1993); **"Грузия одна"** (1994), телефильм.

– **Отар, первый вопрос дурацкий, но он необходим для начала разговора: как дела у вас в Париже?**

– Дела обстоят так, что мне очень стало трудно написать сценарий. Я хочу снять фильм в Грузии и при этом избежать нытья, описания дряни, которая происходит вокруг, а фильм сделать о том, что если и было все плохо, то всегда так было, ничего особенно нового в этом нет. Не с тем, чтобы успокоить моих зрителей, а с тем, чтобы просто поставить все в ряд обычных человеческих безобразий, скажем так.

– **Это историческая картина?**

– Комедия.

– **Но она не современная, не сегодняшний день?**

– И сегодняшний, и вчерашний.

– **Вы говорите, что не хотите показывать всей грязи, которая происходит. Вам удастся видеть какие-то наши современные фильмы?**

– Нет, я вообще фильмы стараюсь не смотреть... После того как я пару раз обжегся и пришлось мне бежать из зала, я стараюсь смотреть как можно меньше и только когда уверен, что фильм доставит мне радость, или... когда вынужден.

– **Обожглись на наших фильмах?**

– На наших.

– **Не секрет – что попало к вам?**

– Не секрет. Это фильмы, грубо говоря, два-три фильма, которые я посмотрел, – это спекуляция именно на том, о чем я хочу сделать картину, – на нашем несчастье. Экспорт нашего прошлого и настоящего несчастья с целью наживы мне отвратителен. Как правило, это совместные постановки. Идет такое оплевывание, уже дозволенное и даже похвальное, всего, что было вчера. Вот это очень некрасиво. Не нравится как средство существования, которое нашли себе мои коллеги. С другой стороны, я отношу это все к разряду коррумпированных работ, как это было при Ермаше. Только конъюнктура изменилась, и в соответствии с этим стало очень выгодно, и модно, и нужно вписаться в общий тон. Вот это мне не нравится.

– **“Общий тон” – это как бы продажа нас туда в таком неприличном виде? А как французы реагируют и почему они вообще смотрят это кино? Им доставляет удовольствие?**

– Ну, во Франции, той, которую я вижу, если говорить о людях, чье мнение заслуживает уважения, то они относятся ко всему этому с явным презрением. А полуграмотная, полунинтеллигентская масса считает, что вот, мол, правда о России, это им интересно.

– **Очень любопытно – где можно было в наше время найти сюжет для комедии, да еще чтобы снимать его в Грузии? Даже страшно себе представить.**

– Поэтому я говорю, что это очень трудно. А иначе я никак не могу.

– **Действие картины происходит только в Грузии?**

– Оно может произойти и в России, но мне лучше снимать в Грузии по одной простой причине: в Грузии привыкли меня относить к категории людей, которые всегда не очень лестно отзывались о том, что у нас происходило. Поэтому эту традицию легче продолжить. А если я буду не очень лестно относиться к тому, что происходит в России, допустим, – какая-то неловкость в этом есть. Это чисто этическая сторона...

– **Вы получили приз как лучший французский режиссер за французский фильм “Фавориты луны”. Вы собираетесь снимать фильм в Грузии, вы кто – французский, грузинский, русский режиссер? Кем вы себя ощущаете, каким режиссером? Или это общемировая профессия и не имеет отношения к проблемам какой-то страны?**

– Вы понимаете, каждый из нас относит себя к той культуре, в которой он вырос, в которой он выпестовался. Все мы кем-то воспитаны – соседями, друзьями, приятелями, родителями. Я жил в конкретной ситуации (и я даже не могу сказать, что это специфически грузинская ситуация, так же, как вы не можете сказать, что вы все знаете про Россию, – вы знаете лишь про тот круг людей, которые были с вами, когда вы росли). Поэтому все, что я делаю, в какой-то мере связано с моим детством, этим я обязан тем, с кем мне повезло или не повезло провести это детство. Это было в Грузии, но там же, в Грузии, другой социальный слой, другая группа людей может резко не принимать мою точку зрения. А так как эта, впитанная мной, культура все-таки относится к основам той культуры, которая существует сегодня на боль-

шей части европейской территории, для меня, я считаю, позволительно – снять фильм немножко о Франции, немножко о России, немножко об Италии, о Германии. Но осторожно очень.

– Мне кажется... может быть, причиной ваши связи с философами, в частности с Пятигорским... в ваших фильмах всегда присутствует некоторый культурологический коктейль. Вы смешиваете культуры, по всей видимости, не специально. Но всегда присутствует какой-то общий фон, культура, на фоне которой происходит действие фильма. И всегда вторгается, привносится какая-то иная культура, восточная, скажем... Внутри фильма возникает некая таинственная данность, не подлежащая пониманию. Ее надо принять, и все... Вы используете это как прием?

– Я такой стати и таков склад моего ума, что счастливым или несчастливым образом у меня в голове это все перемешалось. Я думаю, это отражение общего культурного фона, в котором я живу.

– Вот вы собираетесь ставить новую картину. Здесь большой вопрос, как, наверное, и везде, с наличием денег на постановку. Режиссеры и продюсеры, если таковые у нас появились, вынуждены обращаться к самым разным спонсорам, которые подчас не имеют отношения к искусству, а имеют деньги. Порой их уговаривают вложить деньги неизвестно куда, неизвестно во что, обещают золотые горы. Но бывает наоборот – отличные сценарии не могут найти денег для того, чтобы их поставили. В вашей ситуации эти деньги вы находите сами или у вас есть менеджер, кто-то, кто помогает вам?

– Денег на кино нет никогда. К счастью, есть еще продюсеры, которые любят это ремесло и стараются сделать все, чтобы оно не погибло, не стер-

лось с лица земли. Такого же рода установка (очевидно, не без их влияния) принята государственными организациями... Это авансы на постановку фильма от Министерства культуры, национального Центра кинематографии, это Европейский фонд кино, телевидение, которое государство обязывает вкладывать деньги в такого рода произведения. Они, как правило, бывают некассовыми, потому что с прокатом дело очень плохо. Если рассчитывать на прокат, то вообще никто не даст денег. Это деньги, которые никогда, – и государство знает, и все продюсеры, которые этим занимаются, знают, – никогда не окупятся. И государство эти деньги назад не востребует с продюсера в качестве дохода. Но эти деньги – от проката – возвращаются все время в лоне фирмы, которая производит такого рода картину. Все доходы идут на следующую картину, то есть их никому не возвращают.

– **Доходы все-таки какие-то получаются?**

– Доходы получаются, если тысяч пятьдесят зрителей посмотрят картину. Если картина будет продана в какие-то страны, если она будет показана по телевидению, если телевидение каких-то стран ее купит, – все это относится к разряду доходов.

– **Фирма является хозяином? Владеет авторскими правами?**

– Фирма является хозяином.

– **Это имеет отношение к государству или это частная фирма?**

– В основном такие фирмы существуют на вложенные кем-то в кинематограф капиталы. В частности, фирма, с которой я работаю сейчас и уже, наверно, буду, если все будет в порядке, продолжать работать, имеет такой вклад от швейцарского мецената, на основе которого она существует как фирма. Этот основной капитал постепенно убывает, потому что все нерентабельно и уходит на зарплату, на переезды, на содержание бюро, на съем помещения.

– **Вам они платят зарплату или это разовый контракт?**

– Они заключают с режиссером контракты, да.

– **А на чьи деньги снималась "Охота на бабочек"?**

– Это были деньги итальянского государственного проката, Института ЛЮЧЕ при "Чинечитта". Государственный аванс – деньги французского третьего телевизионного канала. Деньги немецкого прокатчика. И Фонда европейской помощи кино. Поэтому собралась небольшая сумма, порядка трех миллионов долларов.

– **Столько сейчас, следовательно, стоит постановка?**

– Три миллиона. Не очень сложная.

– **Картина окупилась?**

– Нет, она не окупилась. Она считается прошедшей с успехом в прокате, так как окупилась затраты по прокату, окупилась затраты на персонал фильма, выплачены гонорары. А доходов нет.

– **А государство принимало в этом участие?**

– Нет, государство принимает участие только на начальной стадии субсидирования, действуя через комиссию. Национальный центр Кинематографии Франции, к примеру, дал нам два с половиной миллиона франков, то есть

пятьсот тысяч долларов. Телевидение дало еще три миллиона франков.

– **Но факт поддержки государства что-то значит? После этого легче доставать деньги или нет?**

– Французское государство ввело сейчас очень странное понятие – “франкофонный фильм”. То есть моя будущая картина уже не имеет права на государственную помощь, потому что она не франкоговорящая. Критерий этот странный потому, что он не опирается на основное определение кинематографа как способа выражения при помощи зрелища, при помощи видимого действия. Он, скорее, подчеркивает диалоговую и языковую, семантическую сторону кинематографа ...что, правда, опирается на французскую традицию говорить с экрана без остановки, вести длинные беседы, которые объясняют то, чего нет в изображении. И во что никак не укладываются ни фильмы традиционные, старые, ни Тати, ни даже Ренуара, где неважно вообще, о чем говорят, – все понятно.

– **Но это же можно, видимо, как-то объяснить?**

– У них появилась забота о потере франкоговорящих территорий, которые уменьшаются и попадают все больше под влияние англофонии. Поэтому они такую главу ввели в статус.

– **В принципе, они молодцы, что они так...**

– И как они делают: раз закон принят парламентом – то есть органы, которые следят за соблюдением этого закона. Поэтому есть комиссии, которые приглашают в зал глухонемых, те смотрят фильм, ничего не слышат, но по движению губ определяют: по-французски фильм был снят или нет.

– **Скажите, а если вы знаете, что фильм будет продан на телевидение и вообще в основном люди будут его смотреть по телевизору, вы все**

равно снимаете как кино? В "Охоте на бабочек" практически нет крупных планов, хотя телевидение, наоборот, требует крупных планов.

– Телевидение просто является участником в бюджете фильма. Если бы я снимал только для телевидения, то я бросил бы эту профессию давным-давно.

– **Вам не нравится телевидение?**

– Нет, я сделал для телевидения четыре часа о Грузии, но это я сделал для телевидения специально, это такой жанр, и больше из этого жанра выжить, я думаю, нельзя. Для него нужно делать именно то, что люди должны посмотреть и воспринять как информацию, понять, а всякие художества – они, по моему, к телевидению неприменимы. Поэтому, если бы не было фильма на пленке, если бы его не было в осязаемом материальном виде, если бы не было темного зала и экрана, на который люди смотрят все вместе, то я бы кинематограф покинул.

– **Все-таки именно кинематограф вам близок... В каждом фильме у вас существует как бы какой-то символ фильма, своего рода код, который вы предлагаете зрителю разгадать, он проходит через весь фильм, в каждом фильме разный, но в каждом свой. В "Охоте на бабочек" кадр-символ – бабочки. Скажите, пожалуйста, эти символы как-то совпадают с периодами вашей жизни, с вами? Какой код будет у следующего фильма? И если бы вы снимали картину под названием "Отар Иоселиани в жизни и творчестве", какой бы выбрали для нее символ?**

– Я думаю, что я не очень разбираюсь в том, как это можно трактовать, во всяком случае, я никогда не ломал себе голову как ввести в тот или иной мой фильм какие-то абстрактные знаки, не имеющие отношения к повествованию, скажем. Но когда я снимал мою самую первую картину о цветах, тогда в советском кинематографе был период эзоповского языка, и я снял травку, потом ее раскопали и снесли бульдозером, потом ее засыпали гравием, потом ее покрыли асфальтом, потом по этому асфальту прошел каток, а потом асфальт стал трескаться и травка стала из него пробиваться. Они прекрасно поняли, что это за асфальт, что за травка, хотя ничего конкретного за этим не скрывалось. Картину положили на полку, но каких-то суровых санкций ко мне не применили. Вот, наверно был такой образ – никуда от него не денешься. Он, наверно, и в любом фильме есть, и особенно в "Листопаде", в грузинских моих картинах и в фильме, который я снял в Африке, допустим. Наверно, подсознательно я все время озабочен тем, чтобы все достойное, основанное на древнем опыте, выжило...

– **А вы оптимист, судя по фильмам, или это только в кино?**

– Я оптимист, играющий в пессимизм, употребляющий как метод игру в пессимизм.

– **Пессимизм как метод – это очень здорово. Это очень подходит к нашей ситуации здесь. Как вам в Москве показалось "на новенького"?**

– Я давно не был в России, месяцев шесть, приезжая в Москву, я каждый раз нахожу, что город изменился, но что бы с ним не происходило, я все время

убеждаюсь, что это тот же город. Я очень люблю этот город, очень люблю.

– **Как вы представляете себе сейчас съемки в Грузии – там же война?**

– Тяжелая ситуация. Тбилиси очень медленно – после революции, после ухода большевиков – медленно-медленно деградирует. Если даже не брать Тбилиси – так деградировал Ленинград.

Во-первых, уехало то, что составляло его суть: уехало дворянство, бежали все. Потом была чистка среди людей, которые стояли у колыбели революции, в том числе и Бабель, скажем. Потом был 37-й год. Потом была война, вы сами знаете, что произошло. Потом был вакуум, он заполнился быдлом. То же самое, абсолютно то же самое произошло постепенно с Тбилиси.

– **Может быть, это не совсем тактичный вопрос. Вы так конкретно и для себя привычно разделили: "Это – быдло, а дворянство уехало". Вы какого происхождения?**

– Не потому... Российское дворянство, как и любое дворянство, – это номенклатура, т. е. , если покопаться, – быдло, но с манерами. Даже царь не уберег свою страну, не выполнил своих функций, – и вдруг отрекся от престола. Если б его не убили большевики, – это был бы самый опозорившийся царь в истории России, но раз всю семью расстреляли, тут и венец, и даже нимб... Царь не имеет права отречься от престола, для этого он и есть царь, он обязан испить свою чашу до дна, а не предложить своему брату: "...не хочешь ли взяться за серьезные дела, ибо мне они, видишь ли, надоели".

– **У вас интересная точка зрения.**

– Нет, это просто невозможно! Спихнуть, в самый опасный момент спихнуть престол своему брату. А дворянство – предало страну. А его функция – защита

страны. Поэтому когда я говорю о Санкт-Петербурге, это город, где родились "Шинель", "Театральный разъезд", "Бедные люди", Раскольников... а с другой стороны Гумилев, Бродский, Ахматова... "Цвет небес зелено-бледный"...

– **Какой-то вариант выхода вы видите сейчас для нас?**

– Когда сгинет наше поколение, – может быть, следующее... Наверное, будет что-то совсем другое. Но на наш век хватит этого всего. Печали.

– **А вы не пробовали работать в новой технике, видео, которая дает новые изобразительные возможности? Например, с компьютерами?**

– Нет, не получится. И знаете в чем дело? Когда в течение десяти лет вас в школе учили писать и вы наконец-то научились так, что уже не думаете, как писать, а просто пишете, и идет разговор – о чем вы будете писать. А тут мне придется заново думать – как? Поезд ушел.

– **У вас есть такая мечта, – может быть, в кино, может быть, вообще в жизни, – которую вы не можете воплотить потому, что у вас недостаточно денег, допустим, или чего-то еще?**

– У каждого из нас есть такое "если бы". У бедного Остапа Бендера тоже было "если бы". Потом его раздели... А мечта типа "Рио-де-Жанейро" у каждого из нас есть. Сейчас я знаю, что нет этих "Рио-де-Жанейро", нигде в мире. Если у меня возникнут лишние средства, лучше от них сразу избавиться, для этого есть т. н. бедные. Лучше все раздать, иначе прилипнут какие-то ненужные люди, которых ты никогда не знал, и начнется свистопляска.

– **Вас удовлетворяет ваше нынешнее состояние?**

– Должно быть трудно в жизни, но не очень. В меру.

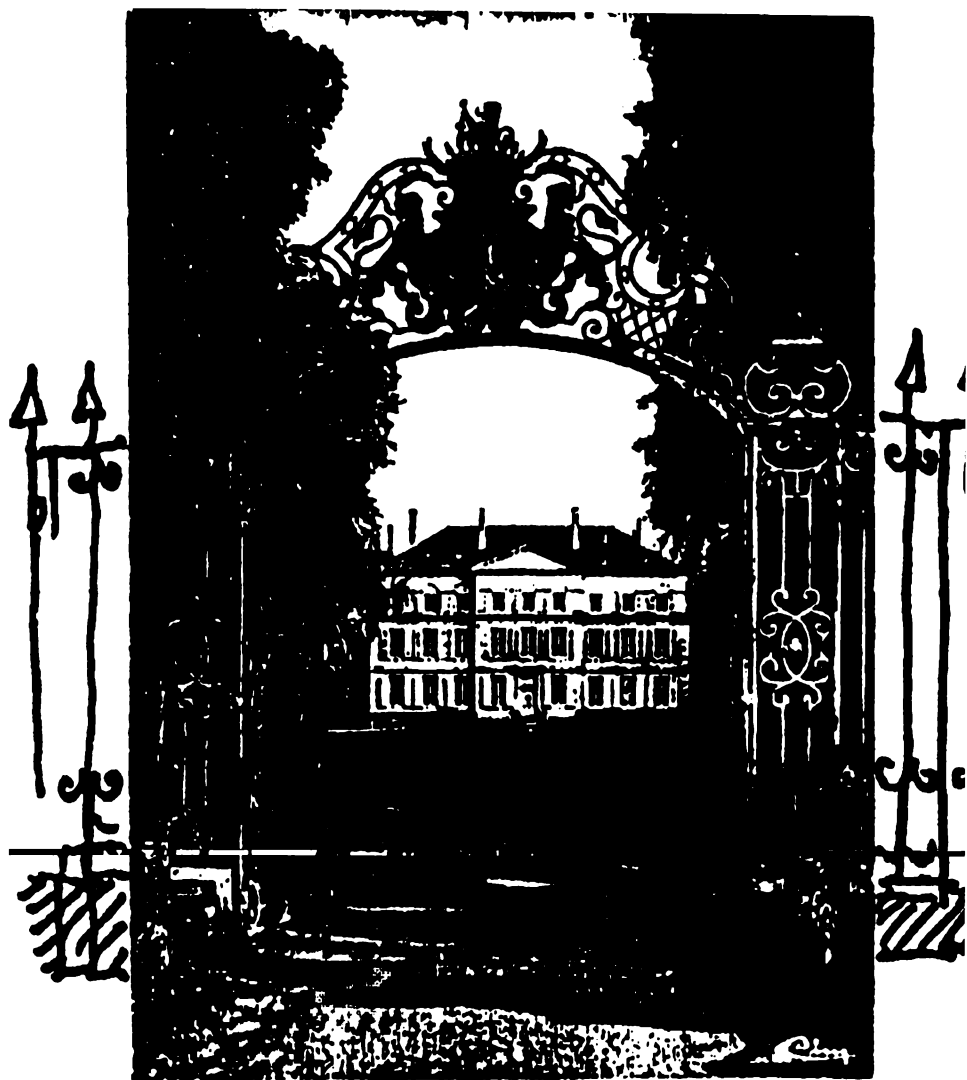
– **Вообще, вы в основном обращаетесь к непрофессиональным актерам, к своим приятелям? В "Охоте на бабочек" у вас все были непрофессионалы.**

– Вас сниму в следующем фильме. Машу сниму.

– **С непрофессионалами трудно работать?**

– Нет, легче. С друзьями легче.

Интервью вели Наталья Рюрикова и Марина Сергиенко

ОТАР ИОСЕЛИАНИ

ОХОТА НА БАБОЧЕК

РАННЕЕ УТРО. ГОРОДОК.

Густой туман постепенно рассеивается. Вдали все яснее видны крыши небольшого городка среди полей. Стадо коров пересекает луг. По каналу медленно скользит баржа. Маленький поезд из двух вагонов въезжает в город и исчезает меж домами.

Слышны шум трактора, звон колокола, мычание коров, лязг поезда, который тормозит и останавливается.

УТРО. БАЗАРНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Женщины толкают тележки, на которых громоздятся ящики с овощами и фруктами. Одни ставят подпорки, поднимают забрала витрин, другие расставляют торговые палатки, перетаскивают пакеты с велосипедов. Все приходит в движение.

Из освещенного кафе степенно выходят мужчины; они потирают, согреваясь, руки, беседуют, разбившись на небольшие группы.

УТРО. ГОРОДОК. БЕРЕГ КАНАЛА.

Останавливается баржа. Усатый толстяк поворачивает колесо и открывает шлюз. Баржа медленно выплывает из ворот. Моряк курит трубку и, едва касаясь штурвала, поворачивает его вправо, влево. Судно исчезает из виду.

Вдалеке, на другом берегу канала, видна церковь. К ней направляются дамы в накидках.

Раздается свисток паровоза. Слышен шум отходящего поезда.

УТРО. ГОРОДОК. УЛИЦА ДОМА СВЯЩЕННИКА.

Со стуком распахиваются ставни. В окнах появляются лица жильцов.

– Доброе утро, Сюзи, как спалось?

– Здравствуйте, мадам Помпон.

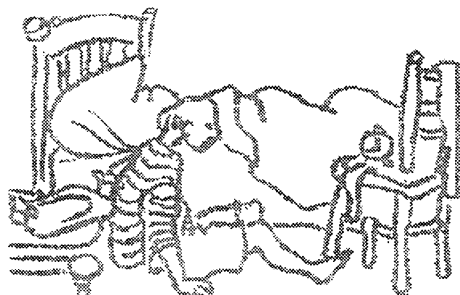
Лишь ставни дома священника по-прежнему закрыты.

Прежде чем отыскать отца Андре, осматривает его комнату.

Длинный деревянный стол, с которого свисает скатерть в пятнах от красного вина. Наполовину пустые или опрокинутые ста-

каны. Бутылки-покойнички, рыбные останки на тарелках, окурки, раздавленные прямо в яблочном пироге. Одежда на полу. Носки на стульях.

Отец Андре испускает рычание и душевраздирающий стон. Звонит старый будильник. Священник на ощупь пытается его выключить, роняет, и будильник с трезвоном катится по полу. Не открывая глаз, отец Андре старается поймать его, падает с кро-

вати и оказывается на полу, в тельняшке и трусах. С трудом, опираясь на спинку кровати, он наконец поднимается, опрокинув при этом стоящий на ночном столике серебряный поднос, который с грохотом падает на плиточный пол.

По-прежнему не открывая глаз, он тащится к умывальнику, открывает кран и сует голову под струю воды. Наконеч веки его расклеиваются. Глаза у юре голубые. Внезапный спазм заставляет его броситься к унитазу – погрузив в него голову и вложив два пальца в рот, он с чудовищными воплями освобождается.

Медленно выпрямляется и спускает воду.

Отец Андре – высокий узкоплечий человек с длинными худыми руками, но с выпирающим округлым брюшком.

С нечеловеческими усилиями он натягивает брюки, пританцовывая то на одной, то на другой ноге, ищет и находит один носок, потом другой, влезает в один башмак, не найдя второго, шарит под кроватью рукой с болтающимся рукавом, вытаскивает кучу старых сандалий, откуда и выуживает другой башмак.

На столе бутылка с остатками грушевой водки. Отец Андре хватает ее и наливает, дробно стуча по стакану горлышком

бутылки. Руки у него так дрожат, что он вынужден держать стакан обеими руками, чтобы сделать глоток.

С большими трудностями он натягивает сутану, застегивая ее не на ту пуговицу. По счастью, он сразу же находит шляпу, висящую на гвозде у двери, и выходит.

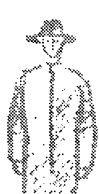
УТРО. ГОРОДОК. ПЕРЕД ЦЕРКОВЬЮ.

При виде отца Андре, петляющего между могилами, церковный сторож ныряет в крошечную нишу и принимается звонить в колокола. Затем он выходит и поправляет юбку застегки сутаны:

– С днем рождения, пэр!

УТРО. ЦЕРКОВЬ.

Прихожанки сидят с несколько обеспокоенным видом. Иногда одна за другой зевают.

Появляется отец Андре, на ходу приводя себя в порядок, преклоняет колени перед алтарем и надолго застывает спиной к верующим.

Наконец он поворачивается и бросает на почтенных дам мрачный, исполненный ненависти взгляд.

Отец Андре. Мадам Пуляр, вы нам не почитаете?

Он открывает Евангелие.

УТРО. ГОРОДОК. ПЕРЕД ЦЕРКОВЬЮ.

С десяток велосипедов стоят в ряд вдоль стены. Соланж де Байонет мчит на полной скорости, тормозит, соскакивает с велосипеда и ставит его рядом с другими.

Соланж, по крайней мере, лет девяносто, она худа и подвижна; ее движения стремительны, но при этом весьма грациозны. Она взбегаёт по ступенькам, рывком открывает дверь и исчезает в полутьме.

УТРО. ГОРОДОК. ЦЕРКОВЬ.

Хлопает дверь за вошедшей Соланж. Все дамы оборачиваются.

Твердым шагом она пересекает центральный проход и усаживается перед фисгармонией. Мадам Пуляр, прервавшая было чтение, продолжает:

– "...И вошед в храм, начал выгонять

продающих в нем и покупающих, говоря им: написано: "дом мой есть дом молитвы"; а вы сделали его вертепом разбойников..." (Св. Лука, XIX, 45–46.)

На этой фразе вступает за фисгармонией Соланж. Звучит музыкальный фрагмент, короткий и ликующий; она заканчивает его с победным видом. Уставившись в пространство, сидит в своем кресле отец Андре. Во взгляде его страдание.

Сторож удаляется, слышен звон колоколов.

УТРО. ГОРОДОК. ПЕРЕД ЦЕРКОВЬЮ.

Прихожанки выходят из церкви, прощаясь: "Пока, до завтра, мадам Бюше..." Каждая направляется к своему велосипеду, и они рассеиваются, как стая вещуний. Накидки их развеваются на ветру.

УТРО. ГОРОДОК. БАЗАРНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Площадь выглядит весьма оживленной – все жители городка снуют от прилавка к прилавку, щупают, нюхают, выбирают. Торговцы резкими криками подзадоривают их, не столько чтоб завлечь, сколько пустить пыль в глаза и заявить при этом о собственном благополучии.

От одного к другому ходит с корзинкой

в руках Соланж. Она рассматривает рыбу, нюхает ее, выбирает одну крупную форель.

Торговец рыбой. Здравствуйте, мадам Соланж, я вам тотчас выпотрошу ее, мадам Соланж... Спасибо, мадам Соланж.

Затем мы видим ее у прилавка зеленщика: она ощупывает редис, выбирает свеклу и салат...

Продавец. Один фунт, мадам Соланж? Что еще?

Соланж. Это все.

Продавец. Спасибо, мадам Соланж.

Соланж направляется в булочную. Встречные приветствуют ее, она любезно отвечает каждому.

УТРО. ГОРОДОК. БУЛОЧНАЯ.

Дин-дон. Соланж входит в булочную.

Булочница (нараспев). Три франка двадцать, до свидания, мсье, спасибо... Здравствуйте, мадам Соланж, один батон, как обычно? Три двадцать, добрый день... Вам... Хлеб из отрубей? Порезать?

Дин-дон. Дверь закрывается.

УТРО. ГОРОДОК. БАЗАРНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Покупки Соланж заполнили маленькую корзинку на руле велосипеда. Сверху видны баночки кошачьих консервов "Рон-рон".

Соланж де Байонет седлает свой велосипед. Ее накидка развеивается на легком ветерке, и вскоре она исчезает за поворотом.

УТРО. ПОЛЕ.

С монотонным рокотом ходит взад-вперед трактор.

Чуть дальше видна небольшая двухэтажная усадьба.

УТРО. ПЕРЕД УСАДЬБОЙ.

Витиеватая решетка кованого чугуна в широко распахнутых воротах. Поросшая травой дорожка парка.

Соланж шагает по запущенной аллее, толкая перед собой велосипед. Прислоняет его к лестнице с каменными витыми перилами.

Взявшаяся невесть откуда ватага кошек трется о ноги Соланж. В сопровождении этой свиты она взбегает по треснувшим ступенькам лестницы; достает из кармана увесистую связку ключей и со скрежетом открывает дубовую резную дверь. Едва приоткрыв ее, Соланж сперва пропускает кошек, затем входит сама. Дверь закрывается с глухим стуком. Вдалеке все время слышен шум трактора.

УТРО. УСАДЬБА. ВЕСТИБЮЛЬ.

Полумрак. Соланж стягивает на-

кидку, вешает ее на покосившуюся вешалку из позолоченной бронзы, снимает шляпу, кладет ее на голову большой статуи Дианы-охотницы. Бросает взгляд в треснутое зеркало и небрежным, но изящным жестом поправляет прическу.

Молодой женский голос поет:

Ведь сегодня воскресенье,
Мама милая моя,
Белых роз душистой сенью
Выстелю наш домик я.

Скрипит дверь; каблук Соланж стучат по плиточному полу. Скрипит другая дверь.

УТРО. УСАДЬБА. КУХНЯ.

Песня внезапно обрывается. Валери, служанка, панически вскрикивает и бежит к кухонной плите.

Но молоко убежало. Валери бросается за тряпкой, задевает длинную щетку, которая, падая, увлекает за собой корзину с луком.

Валери высокая, с круглым лицом и розовыми щеками, красивая крепкая широкоплечая крестьянка. При ходьбе она ставит ноги носками внутрь. Когда Валери нагибается, чтобы собрать рассыпавшийся лук, из-за ее корсажа выскальзывают позолоченные серебряные ложечки и со звоном сыпятся на плиточный пол. Входит Соланж.

Соланж. Сколько раз повторять, чтобы вы ничего не брали без моего разрешения?

Кухня у Соланж довольно просторная. На чугунной плите, которой уже не пользуются, лежат корзины с яблоками. Большой дубовый стол у стены заставлен голубым голландским фаянсом. Напротив висят медные кастрюли, полки уставлены банками с вареньем. На потолке – массивные деревянные балки. В глубине – камин, в котором можно зажарить целого быка. На маленьком кругленьком столике на одной ножке стоит шар-аквариум, в котором плавают две золотые рыбки. Соланж надевает передник и включает телевизор, без звука; какая-то певица извивается на экране.

Слегка покраснев, Валери кладет все пять ложечек на край стола. Затем берет у Соланж корзину и начинает разбирать покупки.

Издали по-прежнему доносится шум

трактора – в большое открытое окно, выходящее в поле, видно, как он монотонно ходит взад-вперед.

Соланж включает старый довоенный радиоприемник, настраивает его, пытаясь избавиться от помех. Голос диктора прозвонит:

Радио. "...Смерть обозревателя газеты "Харриет" потрясла Турцию и еще больше обострила царящую в стране напряженную обстановку. Рашид Кемаль был убит в среду, 7 марта, – двое неизвестных в масках выпустили в него девять пуль в упор, в тот момент, когда он выходил из своего дома..."

Соланж раздаёт содержимое "Рон-рон" мяукающим кошкам.

Соланж. Кис-кис-кис... (Другим тоном.) Валери, вам здесь больше нечего делать. Пойдите убирать комнаты, я вам уже говорила, что начинать всегда надо оттуда.

Сердитая Валери хватается за свои тряпки, метелку и ведро.

Валери. Натирать сегодня лестницу?

Соланж. Да, разумеется.

Служанка выходит из кухни.

УТРО. УСАДЬБА. БОЛЬШОЙ САЛОН И БИБЛИОТЕКА.

Валери пересекает большой салон с закрытыми ставнями, сквозь которые проникают широкие лучи света. Мебель покрыта толстым слоем пыли. На стенах огромные картины в рамках с облупившейся позолотой, изображающие батальные и мифологические сцены. Своими широкими бедрами Валери задевает за маленькие столики, от ее шагов подрагивает паркет, звенят подвески люстры. На ходу она хватается за какую-то безделушку и опускает ее в широкий карман своего передника. В полутьме она входит в библиотеку – здесь царит полумрак, поблескивает только оружие, развешанное по стенам на старых коврах, – секиры, кремневые ружья. На стенах – охотничьи трофеи – головы оленей, кабанов. Все так же дрожит паркет от ее шагов. Она огибаёт билярд. Снаружи доносится выстрел.

Валери открывает двустворчатую дверь и поднимается по широкой лестнице, то и дело задевая ведром о перила.

УТРО. УСАДЬБА. САД.

Мари-Аньес, невестка Соланж, сидит в кресле-каталке. Обеими руками она сжимает Смит-энд-Вессон – пистолет с длинным дулом. Зажмурив один глаз, она целится в пустую консервную банку из-под бобов. Банка установлена на доске между двумя табуретками на классическом для стрельбы расстоянии – в полусотне метров.

Она стреляет и промахивается, снова стреляет и опять мимо.

УТРО. УСАДЬБА. КУХНЯ.

В углу большой кухни кормятся кошки. Опираясь на подоконник, Соланж смотрит вдаль сквозь кружевную занавеску.

Радио. "...Накануне тот же злоумышленник убил полицейского, завладел его оружием и захватил заложников – двух беременных женщин".

УТРО. ЗАМОК АНРИ ДЕ ЛАМПАДЕРА.

На другой стороне маленького луга – небольшой замок. Дверь открывается, появляется высокий породистый мужчина в охотничьем костюме, за ним по пятам следуют два эрдельтерьера. Это Анри де Лампадер.

Он останавливается на ступеньках и, подкручивая усы, пристально смотрит в сторону окна Соланж.

УТРО. УСАДЬБА. КУХНЯ.

По-прежнему слышны выстрелы Мари-Аньес. Со вздохом Соланж отрывается от окна и возвращается к плите. Она зажигает газ под кастрюлей, подходит к аквариуму и бросает золотым рыбкам щепотку корма.

УТРО. ПЕРЕД КУХНЕЙ.

Соланж выходит и дергает за веревку, привязанную к укрепленному высоко на стене дверному колокольчику.

УТРО. УСАДЬБА. СПАЛЬНЯ.

В этой красивой комнате стоят две небольшие узкие кровати с пухлыми постелями. На стенах, обитых истершимся уже шелком, висят старые семейные фотографии: дамы с военными, военные без дам, молодые военные в гусарских мундирах, в форме колониальных войск... Над камином — знамя кавалерийского полка; на малень-

ких ночных столиках возле кроватей — фотографии двух молодых элегантных офицеров.

Перед туалетным столиком в стиле Людовика XV, где расставлены хрустальные и серебряные баночки, пудреницы из слоновой кости, восседает Валери в дамской шляпке и играет красивым веером из страусовых перьев. Услышав звон коло-

кольчика, она поспешно кладет все на место, поправляет покрывало на кровати, собирает свои тряпки, ведро и щетку и спускается по лестнице вниз.

УТРО. ПЕРЕД УСАДЬБОЙ.

Подъезжает маленький грузовичок. Из него выходит Ивонн – элегантная дама, в сапожках, с лисьей горжеткой, по профессии она антиквар. В руках у нее огромный букет цветов. Она открывает заднюю дверь грузовика, откуда спрыгивают двое рабочих, – они достают ящики с вином и поднимаются по лестнице.

Ивонн звонит, ждет, снова звонит.

Дверной замок щелкает, она толкает дверь и проскальзывает внутрь.

УТРО. УСАДЬБА. ВЕСТИБЮЛЬ.

Уже изнутри она с громким скрипом открывает дверь пошире и впускает рабочих.

УТРО. УСАДЬБА. КУХНЯ.

Мари-Аньес, Соланж и служанка Вале-

ри сидят в самом конце длинного деревянного стола. На белоснежной скатерти безупречно сервирован завтрак: серебряные ножи, масленка, вазочка с вареньем, чайник, кофейник, молочник, корзинка с хлебом... Соланж достает из коробки кучу лекарств: пилюли, капли, таблетки, выкладывает их перед своей невесткой.

Соланж. Это примешь перед завтраком, а это после. А розовые пилюли – во время еды.

Мари-Аньес, погрузившись в расчетную книгу, что-то отмечает в ней. Валери отсчитывает капли в рюмку.

Голос Ивонн. Я не помешаю вам, графини?

Входит Ивонн – антиквар с цветами в руках. Она щебечет:

– Я принесла вам букет просто так. Главное, вы не беспокойтесь, я не собиралась мешать вашему завтраку.

Одновременно вслед за ней появляются рабочие.

Ивонн. А вот и вино. Я отыскала для вас ящик чудесного Шабли и ящик Сент-Эмильона-75. Если хотите, их спустят в подвал?

Соланж. Ивонн, дорогая, я хорошо понимаю, что ваше вино не просто подарок, мы не можем его принять, не договорившись предварительно.

Мари-Аньес (вмешивается). Да, все зависит от того, что вы хотите получить сегодня.

Соланж. Ты отдашь лампу!

Мари-Аньес. Нет, нет, лампу я не отдам.

Соланж. Лампу мы не можем вам дать.

Она поднимается и огибает стол, чтобы сказать своей невестке шепотом пару слов; та, подумав, шепчет ей в ответ. Соланж возвращается на свое место.

Соланж. Но мы можем предложить вам прекрасные настенные часы.

Ивонн. Но мне казалось, мы договорились насчет лампы.

Соланж. Валери, проводите мадам в маленький салон на втором этаже, часы стоят на камине. И покажите молодым людям, куда спустить ящики с вином.

Как только все выходят, Соланж садится и наливает кофе Мари-Аньес. Та переворачивает очередную страницу расчетной книги и спрашивает:

— И за сколько ты уступишь ей эти часы?
Соланж. Она честная женщина и сама назовет цену.

Мари-Аньес. Но она же ничего не понимает! Посмотри, она принесла нам желтые цветы, а сегодня — среда.

Соланж. Ну, в чем-в чем, а в часах-то она разбирается, это ж ее профессия. Теперь выпей это.

Соланж протягивает Мари-Аньес пилули. Они молча заканчивают завтрак. Слышен только голос диктора по радио.

Радио. "...В Мозамбике антимарксистские гэрильос из Ренамо атакуют местных крестьян. Они вырезают взрослое население, уводят детей и в свою очередь используют их для дальнейшего устрашения. Вчерашние дети, превращенные в палачей, становятся безжалостными убийцами. Когда армия Мозамбика вырвала из рук повстанцев Френсиса, он молчал почти шесть месяцев. Мальчик потерял дар речи от тех ужасов, свидетелем которых ему пришлось стать. "Сначала они убили маму, отрубили ей голову, потом отрубили руки".

ДЕНЬ. ПЕРЕД УСАДЬБОЙ.

Двое рабочих, красных, с налитыми от натуги жилами, спускают по лестнице монументальный шкаф, царапая стену. Ивонн подбирает кусочки резного дерева и без конца повторяет:

Ивонн. Осторожно! Осторожно!

Рабочие грузят мебель в грузовичок. По лестнице спускается Соланж, кладет в карман свой радио-уолкман; избегая рабочих, берет велосипед, бросает на шкаф прощальный, но без всякого сожаления взгляд и уезжает.

Радио. "...В четверг в результате пожара в жилом здании один человек получил сильные ожоги и пятеро легко отравились угарным газом..."

ДЕНЬ. ГОРОДОК. ПЕРВАЯ УЛИЦА.

Соланж крутит педали. Из корзины велосипеда торчит духовая труба. Когда она проезжает мимо дома кюре, тот взбирается на велосипед и едет рядом с Соланж. На багажнике у кюре футляр с валторной.

Соланж. С днем рождения, господин кюре.

Отец Андре. Спасибо, мадам. Очень много выпили вчера. Были Лампадер, цер-

ковный сторож, мсье Жан...

Соланж. То-то я вижу, сегодня с утра у вас какой-то помятый вид.

Некоторое время они молча рулят. В конце улицы Соланж останавливается перед табачной лавкой. Проехав дальше, отец Андре оборачивается; она делает ему знак, он тормозит и сходит с велосипеда.

ДЕНЬ. ТАБАЧНАЯ ЛАВКА.

Соланж. Добрый день всем! Что Вы сделали с господином кюре, мсье Жан? Смотрите, на что он похож? И не стыдно вам? Два Ферне-Бранка и мои сигареты!

Господин Жан приветствует вошедших и идет к буфету.

Отец Андре. Я угощаю, мадам. И потом я не люблю Ферне-Бранка, налейте мне пастис.

Отец Андре устраивается на высоком табурете. Соланж опускает монетку в музыкальный автомат. Мсье Жан отставляет свой стакан. То и дело подливая воду, отец Андре разбавляет свой пастис и рассеянно смотрит на телеэкран. Голос диктора едва слышен, но видны разрушенные бомбежкой дома, горящие автомобили, трупы, дым, люди в военной форме и т. д. По улице мимо витрины табачной лавки проезжает автобус с туристами. В бар залетает нежная японская мелодия.

Отец Андре. Мне еще пастис!
Соланж. А мне еще Ферне.
Она затягивается сигаретой.

*ДЕНЬ. ЗАМОК АНРИ ДЕ ЛАМПАДЕРА.
ВЕРАНДА.*

Анри в охотничьем костюме – твидовой куртке и бриджах стоит на веранде. Перед ним два вольтеровских кресла, правда, сломанных, без пружин, с изношенной обивкой. Рядом – неизменные эрдели. Бернар, слуга, вносит третье кресло, точно такое же, со сломанными ножками.

Анри. Все это легко поправимо – чуть-чуть подновить, и они будут стоять целое состояние. Это мое последнее слово.

Ивонн-антиквар брезгливо трогает кресло.

Ивонн. Я назвала вам окончательную цену, или так, или никак.

Анри. Тем лучше, Ивонн, – они останутся у меня.

Ивонн. Может быть, вы все-таки уступите немного...

Анри. Ни в коем случае.

Около ворот останавливается малень-

кий автомобиль. С папкой в руках из него выходит последователь Хари Кришны, с бритой головой и в одежде

цвета шафрана. Он пересекает двор, поднимается по лестнице и останавливается, наблюдая происходящее.

Анри. Бернар! Вы дожидаетесь: мадам сейчас подпишет чек. (Замечает посетителя.) Здравствуйте, мой дорогой Фредерик!

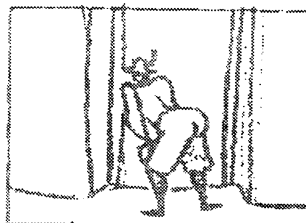
ДЕНЬ. ЗАМОК ЛАМПАДЕРА.

Анри. Входите же, Фредерик, будьте как дома. (Собаки идут следом, обнюхивают гостя.) Извините, не сюда. Можете вытереть ноги... Вот так... Пожалуйста, не по паркету, тут есть дорожка. (Открывает пришедшему дверь.) Сюда, пожалуйста...

ДЕНЬ. ЗАМОК ЛАМПАДЕРА. БОЛЬШОЙ САЛОН.

Анри. Если позволите, прежде чем перейти в музыкальный салон, я переоденусь. Нет, нет, сюда не садитесь, это очень хрупкая вещь. Прошу вас, не кладите вашу папку на стол, его только что покрыли лаком. Поставьте ее на пол. Этот стол инкрустирован слоновой костью. Я сейчас вернусь...

Анри выходит в маленькую боковую дверь.

ДЕНЬ. ЗАМОК ЛАМПАДЕРА. КУЛОВАР.

Он закрывает дверь, наклоняется и некоторое время наблюдает через замочную

скважину. Затем исчезает в соседней комнате.

ДЕНЬ. ЗАМОК ЛАМПАДЕРА. БОЛЬШОЙ САЛОН.

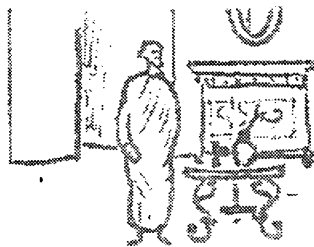
Каждый предмет тут строго на своем месте. Вокруг чайного стола один против

другого расставлены стулья, на столе симметрично расположены пепельницы. В четырех углах комнаты на маленьких одноногих столиках стоят вазы в тон цветам. Сами большой букет в центре – на столе, покрытом скатертью, ниспадающей ровно на 60 сантиметров с каждого угла.

Чтобы можно было пройти не ступая на паркет, салон крест-накрест пересекают ковровые дорожки. На полке, как в строю, по мере убывания емкости, рукоятками в одну сторону, расставлены старинные оловянные кружки. На стенах – головы оленьей, по-братски схожие между собой. Между окнами – картины: обнаженные купальщицы – со спины, анфас, снова со спины, снова анфас.

Фредерик трогает все подряд: кувшины, вазы...

Затем с видом знатока отступает, чтобы рассмотреть картины.

ДЕНЬ. ЗАМОК ЛАМПАДЕРА. КОРИДОР.

Анри, на сей раз уже в клетчатой кашемировой куртке, приближается к дверям. Он наклоняется и снова заглядывает в замочную скважину. Из коридора за его спиной доносится женский крик.

ДЕНЬ. ЗАМОК ЛАМПАДЕРА. БОЛЬШОЙ САЛОН.

Входит Анри.

Анри. Вы настоящий ценитель, мой дорогой Фредерик.

Без лишних слов, он расставляет все по местам.

Стараясь идти по ковру, Фредерик подбирает свою папку. Анри приподымает портьеру, пропускает его вперед, и оба покидают салон.

ДЕНЬ. ЗАМОК ЛАМПАДЕРА. МУЗЫКАЛЬНЫЙ САЛОН.

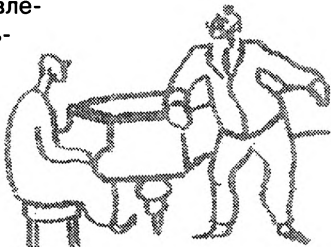
Ворча себе под нос, Анри выключает свет.

Анри. Какой дурень этот Бернар, что за расточительство!

Перед окнами – два десятка клеток од-

ного и того же размера, расставлены на специально предназначенных для этого столиках. В клетках щебечут экзотические певчие птицы.

В этой комнате нет ковров, зато у дверей приготовлены специальные войлочные тапочки, как в музеях. Анри и Фредерик скользят к длинному концертному роялю. Фредерик устраивается, открывает его, кладет ноты на пюпитр и, хрустнув пальцами, берет несколько аккордов. Анри прочищает горло и низким глубоким голосом начинает петь вокализы. Птицы замолкают. Издали доносится шум трактора.

Неся поднос с двумя стаканами – один с молоком, другой с коньяком, скользит на войлоке слуга Бернар. Его сопровождают собаки в войлочных башмачках на лапах, они останавливаются у ног хозяина. Бернар осторожно ставит поднос на рояль. Анри прекращает петь.

Анри. Вы опять не выключили люстру. Будьте внимательны, Бернар, и не сердите меня.

Бернар. Да, но...

Анри. Никаких "но"!

Раздосадованный, Бернар скользит обратно к дверям.

Фредерик возобновляет свой экзерсис. Во время паузы опять слышен пронзительный женский крик.

Анри (извиняясь). Это моя невестка.

ДЕНЬ. ЗАМОК ЛАМПАДЕРА. КОМНАТА КРИСТОФА.

Каприс, жена Кристофа, – негритянка с длинными ногами, длинными тонкими руками. На ней провоцирующая комбинация из черных кружев. Она пронзительно вопит, ее муж тоже кричит, в руке у него плеть, которую он со свистом вращает в воздухе, стараясь ничего не разбить.

Кристоф. ...Потому

что, я вам повторяю, вы не были девицей, когда я на вас женился.

Свистит плеть.

Каприс. У нас в стране такой обычай, но я была девушкой. Ай!

Ловким прыжком Каприс вскакивает на супружескую кровать и взвизгивает, задевая плетью.

Кристоф. Вы порочная, распутная женщина. Вы все уже умели делать.

Свистит плеть.

Каприс. Ай! Просто я способная!

Кристоф. Вы чересчур способны! С кем Вы мне изменяли? С Патриком? С Альбертом?

Каприс. Это ложь!

Наконец, одна из ваз падает и разбивается. Каприс хватается за стул и швыряет его в голову супруга, тот валится на туалетный столик и яростно смахивает с него коробочки с кремом и флаконы.

В короткий миг затишья издали слышна ария Дона Базилио, которую мощным басом исполняет Анри.

ДЕНЬ. ПЕРЕД ЗАМКОМ ЛАМПАДЕРА. ЛУГ.

Из замка доносятся крики и пение, что создает очень странный звуковой эффект. Около автобуса группа из двух десятков японских туристов разглядывает архитектурные красоты замка. Гид жестикулирует, указывая пальцем на отдельные части здания, рука его выводит в воздухе замысловатую фигуру. Затем группа разворачивается и пересекает лужайку, направляясь к усадьбе Байонет. Японцы останавливаются на почтительном расстоянии и слушают комментарии гида.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. ГАРАЖ.

Стоя на скамейке, Валери копается в моторе роллс-ройса "Сильвер Шэдоу" 1939. Под машиной разостлан брезент с разбросанными на нем инструментами; шасси стоит на домкрате, на земле валяется колесо. Валери выпрямляется, поправляет волосы, вытирает пот со лба и смотрит в сторону соседнего замка.

Слышны крики и пение; на лугу, все так же, взад-вперед, ходит трактор.

ДЕНЬ. ГОРОДОК. ВОСПЛАНАДА.

Перед памятником павшим, который представляет коленопреклоненную вдову и

солдата с неестественно маленькой головой, проходит группа молодых людей, последователей Кришны, с бритыми головами, в шафрановых одеждах. Они поют и сопровождают себя на тамбурине.

Несколько человек среднего возраста, среди которых мсье Жан и церковный сторож, играют в петанк. Услышав пение проходящих молодых людей, они прерывают партию и молча, с безразличным видом смотрят на них.

ДЕНЬ. ДОМ КУЛЬТУРЫ.

Здесь собрались Соланж, кюре и еще с десяток других персон разного возраста; юная хрупкая девушка играет на трубе. Они исполняют сентиментальный вальс, соло в котором ведет Соланж. Звук ее трубы светлый, сильный и прозрачный.

В глубине, на стенах зала висят большие портреты Троцкого и Мао.

Соланж уже вся красная от натуги – как никак за 90.

Вальс заканчивается, мсье Карпантье, фармацевт, кладет свой фагот на стул, подходит к ней, щупает пульс и говорит:

– На сегодня достаточно, дорогая Соланж.

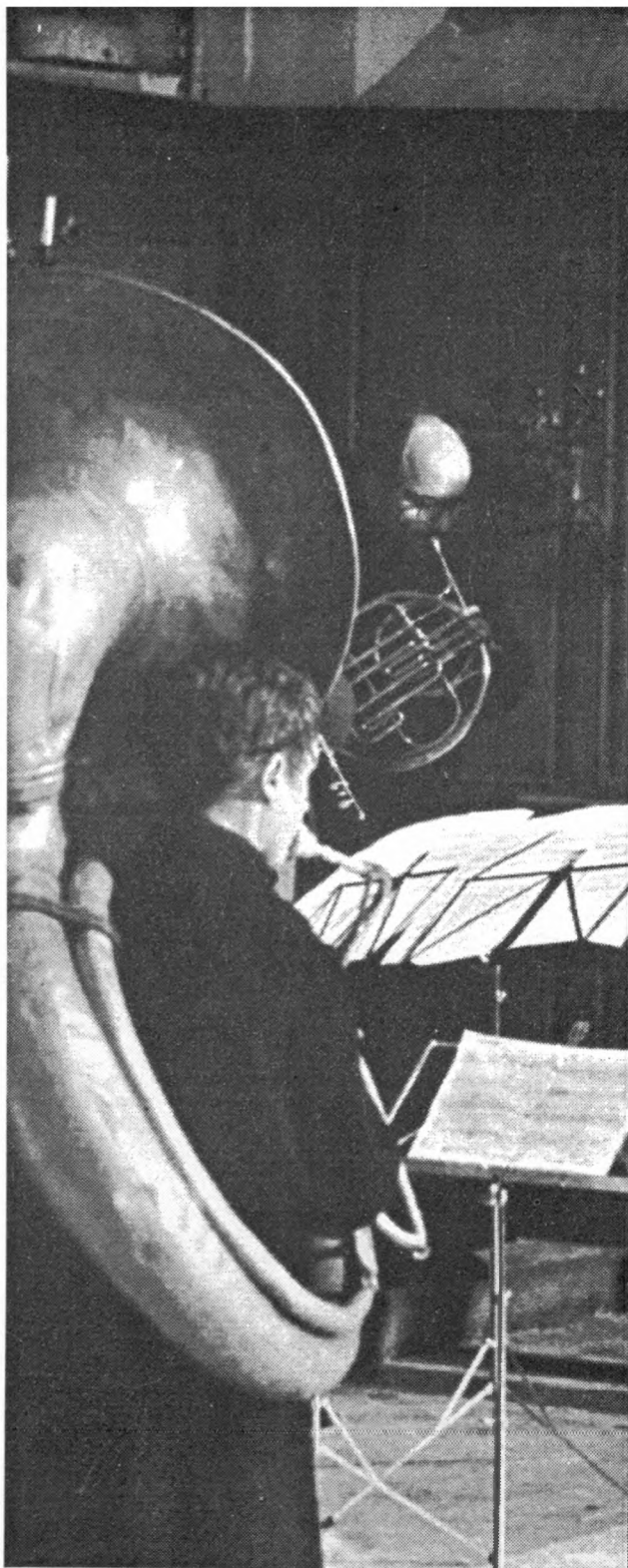
Соланж аккуратно складывает трубу в футляр, втыкает в уши наушники своего маленького “уолкмана” и выходит быстрыми шагами. У входа в Дом культуры она, пока никого нет, замедляет шаг и несколько мгновений стоит, опершись о стену, восстанавливая дыхание.

Радио. "...В среду, во второй половине дня, после четырех месяцев расследования и слежки полиция задержала в парижском аэропорту Руасси главного механика “Эр-Франс”, на квартире которого было обнаружено двенадцать килограммов кокаина, вывезенного ранее им в багажном отделении самолета из Лимы..."

ДЕНЬ. ГОРОДОК. ВОКЗАЛ.

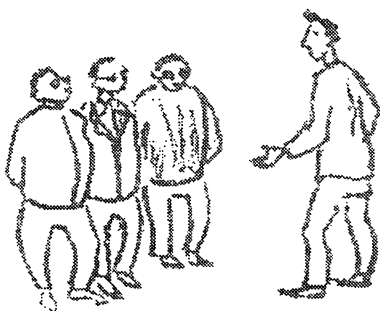
Останавливается маленький поезд из двух вагонов, все пассажиры выходят на перрон. Появляются три японца. Один в широких панталонах, с шиньоном на голове, на другом – маленький вышитый жилет и черные очки со шторками, третий одет в обычный костюм, туфли на тяжелой каучуковой подошве.

Три японца терпеливо ждут на перроне.

Наконец к ним подходит господин раз в два выше их ростом, весь в черном, при шляпе и в галстук: это мсье Ренар, нотариус.

Мсье Ренар. Мсье Нарияма, мсье Ямамото...

Два японца не говорят по-французски, третий служит им переводчиком. Они кланяются, мсье Ренар также слегка кивает в ответ. Он предлагает самый короткий путь – через рельсы. Трое гостей следуют за ним, ловко преодолевая препятствия.

ДЕНЬ. ГОРОДОК. ВОКЗАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Мсье Ренар. После вас...

Японцы. Благодарю, благодарю...

Хлопают дверцы; микроавтобус увозит их в город.

ДЕНЬ. ГОРОДОК. ЭСПЛАНАДА.

Соланж играет в петанк. Чтобы не нагибаться, она подбирает свои шары с помощью магнита, подвешенного на шнурке.

Вдалеке Ивонн и двое рабочих

выгружают три кресла и затем шкаф. Соланж прицеливается и бросает шар; тот приземляется очень близко от шарика противника. Мсье Жан достает сантиметр, замеряет расстояние, записывает его.

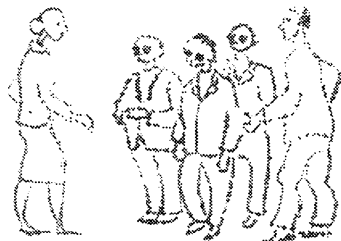
Из Дома культуры все еще доносятся звуки оркестра. На сей раз это галоп.

Официант из кафе пересекает эспланаду с подносом в руке: кофе, пиво, пастис, чай – для Соланж. Игра прерывается. Соланж присоединяется к другим дамам, которые попивают, сидя в тени за круглым столиком. Она слушает приемник, время от времени улыбаясь своим компаньонкам.

Радио. "...Как сообщила вчера местная полиция, в минувшую среду девятнадцать человек были убиты и сто ранены в результате нападения на открытый кинотеатр в пятидесяти километрах от Бангкока. Окончательные итоги могут оказаться куда более серьезными, поскольку среди пострадавших есть тяжелораненые".

Микроавтобус с японцами останавливается на углу. Один из игроков обращает внимание Соланж на японцев – те подают ей приветственные знаки. Соланж машет рукой. Визитеры выскакивают из автобуса и приближаются

семена, выказывая тем самым подчеркнутое к ней уважение. Мсье Ренар следует за ними размашистым шагом.

Дойдя до эспланады, они останавливаются. Опустив головы и выгнув спины, японцы почтительно замирают.

Соланж оттягивает дужку наушников.

Соланж. Здравствуйте, господа, рада снова вас видеть. Но, как я уже говорила, наше имение не продается. Настаивать нет смысла.

Выслушав перевод, господин Ямамото раздражается длинной тирадой на японском.

Переводчик. Господин Ямамото чрезвычайно уважает мадам де Байонет и считает, что сотрудничество между Францией и Японией в один прекрасный день будет достойно увенчано учреждением Общества дружбы здесь, в усадьбе. Господин Ямамото очень рассчитывает на помощь всего населения города, в процветании которого он жаждет принять свое участие. Дорогая мадам, мы не намерены покупать вашу усадьбу тотчас же, мы хотели бы оформить все формальности, чтобы вернуться к нашему соглашению после прискорбной, но, увы, неминуемой кончины вашей невестки.

Мсье Ренар. Они готовы ждать, мадам Соланж. Это же произойдет не сегодня.

Присутствующие ждут ответа Соланж с явной заинтересованностью.

Соланж. Передайте ему, что в моей

семье никто не спешит покинуть эту землю. Им придется ждать еще добрых пять десятков лет.

Компаньоны по петанку аплодируют Соланж, гордые ее дипломатическими способностями.

Последняя фраза мсье Ямамото очень коротка.

Переводчик. Мы можем подождать пятьдесят лет.

После чего все четверо возвращаются к микроавтобусу. На сей раз японцы шагают широко и энергично.

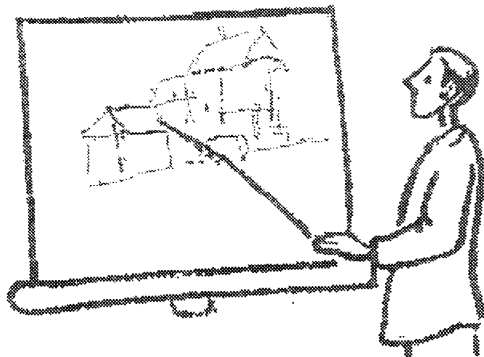
Радио. "...Агентство ТАСС со ссылкой на заявление генерала Бориса Гаршина сообщает, что полтора десятка вооруженных людей в военной форме захватили вчера в армянской деревне пятерых советских солдат из войск специального назначения Министерства внутренних дел..."

Соланж стоит выпрямившись с победоносным видом, но чулок на правой ноге предательски сползает к щиколотке. Мужчины отворачиваются, чтоб дать ей возможность натянуть его. Игроки ставят пустые стаканы на поднос, официант уходит, игра продолжается. Поскольку петанк – игра народная и демократичная, можно позволить себе несколько крепких выражений:

- Дерьмо эти японцы!
- Ренар не меньше дерьмо, чем они!
- Я скажу даже, что он еще больше дерьмо, чем они!
- Если хотите правду, все японцы дерьмо, но и французы иногда такое бывают дерьмо...

ДЕНЬ. КОНТОРА МЭТРА РЕНАРА.

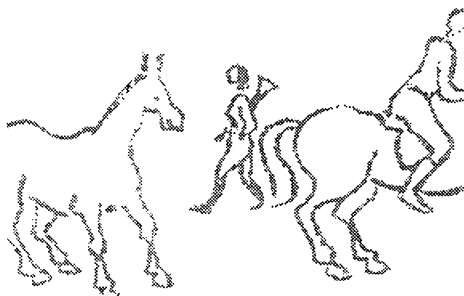
Четыре японских "дерьма" склонились над столом. Мсье Ренар показывает им фотографии всевозможных замков, продаю-

щихся в окружающих селениях. Покупатели внимательно их рассматривают. Мсье Ренар отдает себе отчет в том, что поступает непатриотично. Но что поделаешь – такая профессия.

ДЕНЬ. ГОРОДОК. ЭСПЛАНАДА СО СТОРОНЫ ДОМА КУЛЬТУРЫ

Кюре и другие музыканты выходят из Дома культуры и расходятся в разные стороны.

Легкими шагами пересекает эспланаду молодая хрупкая девушка с геликоном за спиной. Площадка, где только что играли в петанк, опустела. Со всех сторон слышен звон посуды, вилок и ножей, все завтракают. Девушка с геликоном проходит мимо памятника павшим воинам, сворачивает за угол и исчезает. По залитой солнцем эспланаде проходит лошадь. Вдали по каналу в безмолвии проплывает баржа.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. САД.

Мари-Аньес сидит в своем инвалидном кресле-каталке. Она погружена в глубокую нирвану. Вокруг нее с десятков молодых кришнаитов сидят в позе лотоса. Перед каждым – узкий размотанный бумажный свиток. Все замерли. Плавно спадающие складки их шафрановых одежд подчеркивают их состояние: покоя и отрешенности.

Трактор стоит. Водитель с термосом, котелком и бутылкой в плетеной корзинке расположился в его тени и ест. Стрекохут кузнечики.

На треноге установлен старый фотоаппарат. Скрытая под черной вуалью, Валери, стараясь ничего не перепутать, наводит объектив на резкость, заряжает аппарат, нажимает на грушу.

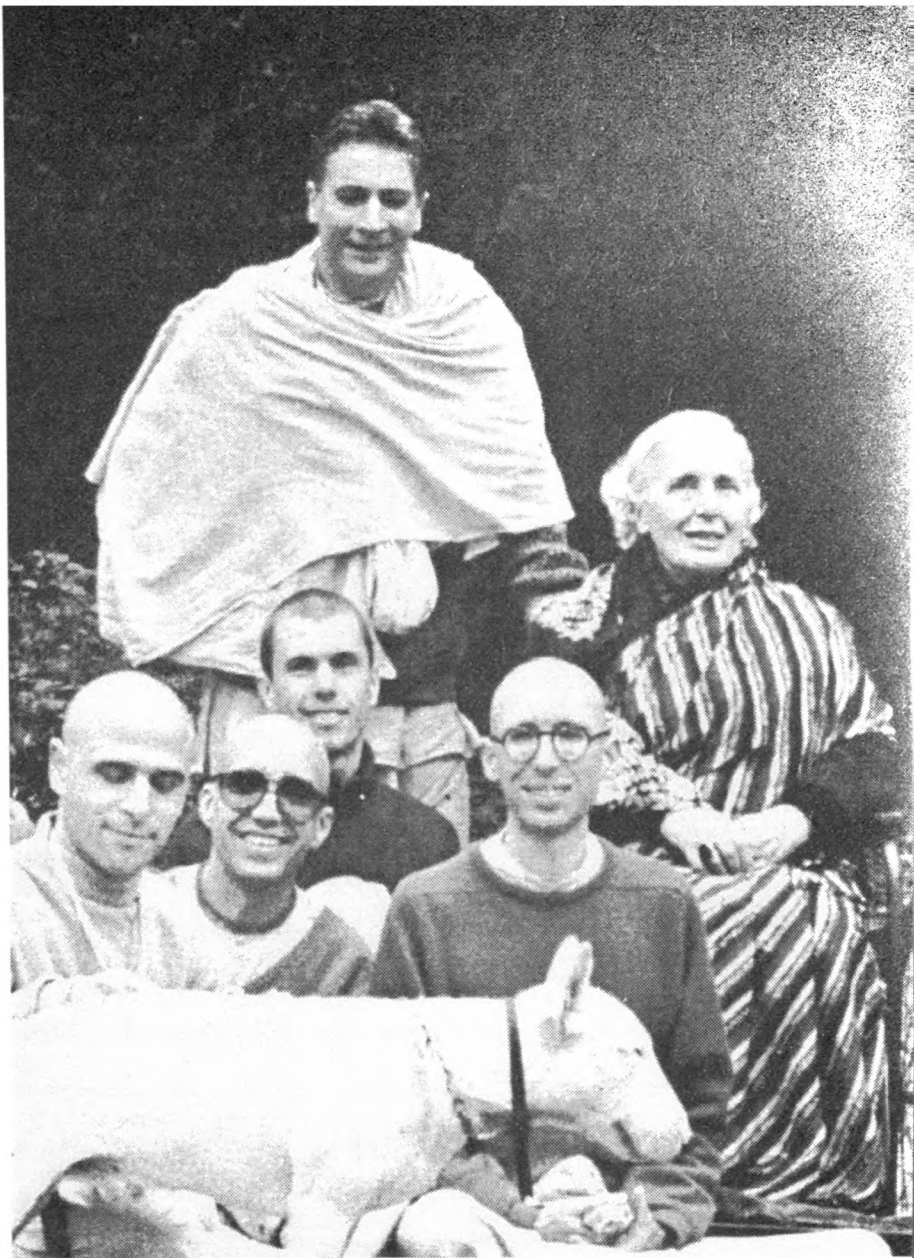
Валери. Готово.

Тотчас же кришнаиты выходят из своей псевдонирваны, потягиваются. Один из юношей обнимает девушку, и оба удаляются в заросли. Остальные расходятся. Валери складывает треногу, взваливает на плечо аппарат и сильной рукой толкает к дому кресло-каталку Мари-Аньес. Та улыбается: ей очень нравятся молодые кришнаиты.

**Д Е Н Ь .
УСАДЬБА. ВЕС-
ТИБЕЛЬ.**

Привычно маневрируя коляской, Валери огибает статую Дианы-охотницы и вкатывает Мари-Аньес на маленькую платформу. Валери тянет за веревку блока: платформа поднимается, и Мари-Аньес исчезает на первом этаже.

Д Е Н Ь . УСАДЬБА. САД.

Два молодых кришнаита пилят дрова. Снова слышен шум трактора. Трое других юношей, сняв туники, смеясь поливают друг друга головы из ведра. Девушка в сари бегом пересекает лужайку, преследуемая молодым человеком, оба скрываются в кустах. Поодаль двое других стреляют в цель из лука.

Д Е Н Ь . УСАДЬБА. КУХНЯ.

Приятель Анри Лампадера, молодой кришнаит Фредерик, спорит с двумя девушками. Они пререкаются на хинди с сильным парижским акцентом. Защищая свою точку зрения, Фредерик с сарказмом исправляет и подчеркивает грамматические ошибки в речи своих оппоненток. Он наливал себе стакан молока; одна из девушек

мулы I. Они нажимают на кнопки, но напрасно: звука нет. Зато диктор из старого репродуктора не прекращает говорить.

Утолив голод, кришнаиты покидают кухню и устремляются в салон.

Радио. "...После освобождения во второй половине дня в среду первых своих заложников гангстер приказал доставить его в такси за двадцать километров к западу от Льежа. Затем, угрожая оружием женщине-водителю, с которой был ее ребенок, он вынудил ее отвезти его в Париж, где след его был потерян... Поиски возложены на Центральное бюро по борьбе с вооруженным бандитизмом..."

ДЕНЬ. УСАДЬБА. БОЛЬШОЙ САЛОН.

Одни из кришнаитов отгибают чехлы кресел, шупают гобелены, другие рассматривают картины, вазы, лампы, безделушки, берут несколько нот на пианино. Молодые люди перешептываются. В их интонациях явно доминируют нотки почтительности к такой роскоши.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. ЛЕСТНИЦА.

Две девушки на цыпочках поднимаются на второй этаж. Дверь комнаты приоткрыта. Они стараются разглядеть, что там внутри.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. СПАЛЬНЯ.

Мари-Аньес покинула свое кресло-коляску и отдыхает теперь в шезлонге; возле нее большая деревянная шкатулка. Она достает из нее кипу старых писем, пробегая их взглядом, наконец находит нужное, читает его до конца, кладет себе на колени и застывает, глядя в пустоту.

берет яблоко, другая приподнимает крышку кастрюли.

Девушка. Смотрите-ка, суп.

Трое юношей просовывают головы в кухню, зовут за собой остальных. Все радостно принимаются шарить повсюду и вскоре опустошают кухню от всего съедобного. По-прежнему работает телевизор: транслируют автогонки на Гран-при Фор-

РАННЕЕ УТРО. ПОЛЯНА.

То тут, то там рассеиваются пласты тумана, местами открывая темную полосу леса. Появляются два фиакра в сопровождении трех всадников. Они останавливаются; из каждой коляски спускаются по двое мужчин в рединготах. Всадники прыгают с лошадей. Четверо сходятся вместе и о чем-то тихо спорят. Один из секундентов пересекает опушку, высчитывая шаги, подзывает одного из участников; тот подходит к нему в указанном месте, снимает редингот и бросает его на траву. Пистолеты заряжены и розданы. Второй дуэлянт тоже сбрасывает свою накидку. Секунданты отходят. После долгой паузы из пистолетов вырываются две вспышки. Оба дуэлянта падают, оба – на спину. К каждому из упавших бегут секунденты – кто налево, кто направо. Туман сгущается: уже не различить ни участников дуэли, ни леса.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. ПРУД.

Все кришнаиты сидят кружочком в тени орешника. Некоторые чуть поодаль спят прямо в траве. Сидящие пьют вполголоса:

Харе Кришна, харе Кришна
Кришна Кришна харе харе
Харе Рама, харе Рама
Рама Рама харе харе.

Когда-то пруд служил резервуаром для старой мельницы: края его выложены тесаными камнями. В глубокой темной воде медленно плавают большие серые карпы. Неслышно подошедшая Соланж наклоняется и, внимательно всмотревшись, выбирает одного. Со знанием дела натягивает свой простенький лук (конец деревянной стрелы длинной веревочкой привязан к ее поясу). Свистит стрела. Вздыхает из глубины облачко тины – рыба пронзена. Соланж сматывает бечевку, на конце ее трепещет карп. Она кладет его на землю и придавливает ногой, обутой в маленький зашнурованный ботинок.

Кто-то едет на велосипеде – Соланж оборачивается. Ослепленная солнцем, она прикладывает руку козырьком – это катит Анри де Лампадер, – псы бегут рядом.

Анри. Удачный улов, мадам Соланж?

Соланж.

Я не люблю их убивать, но, как видите, у моей невестки гости. Они ведь молоды и много едят.

Анри. Я хотел бы просить вас, дорогая, проследить, чтобы трактор не проходил по моей земле.

Соланж. Его предупреждали, чтобы он не заезжал за те три дерева.

Анри. Три дерева! Но они же мои! Моя земля начинается у больших камней слева.

Соланж. Как вы знаете, мсье Анри, это спорный вопрос.

Не говоря ни слова, Анри, взбешенный, едет дальше.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. ПРАЧЕУЧАЯ.

Валери стирает белье, выколачивает его, полощет, выжимает. Она в плохом настроении и говорит сама с собой.

Валери. Банда негодяев, бездельники, грязные, швивые сифилитики...

Соланж. (зовет издали). Валери!

Валери (бормочет). Тебе еще чего?..

Длинная тирада Соланж едва слышна, но можно различить слово "трактор".

Валери пожимает плечами. Плевать она хотела на трактор.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. БИБЛИОТЕКА.

Поблескивает в полумраке оружие на стенах. Вдруг со стола в воздух сама собой поднимается фарфоровая пепельница.

К ней прикасается зажженная сигарета, пепельница опускается на стол, сигарета повисает в воздухе. Постепенно проявляются кисть, рука, плечо и весь силуэт молодого человека в офицерской форме.

Он похож на того, с фотографии, стоящей

на столике Мари-Аньес. Офицер выходит из библиотеки, шума шагов не слышно.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. ЛЕСТНИЦА.

Он легко взбегаёт по лестнице.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. СПАЛЬНЯ.

Из старого граммофона льётся ария из кантаты Иоганна Себастьяна Баха "Сердце и уста, и смерть, и любовь".

Так же бесшумно он проходит в спальню, садится в кресло и задумчиво смотрит перед собой. Точно такая же, как в библиотеке, пепельница стоит на маленьком столике, у дивана. Мари-Аньес дремлет; что-то беспокоит ее во сне. Она открывает глаза: кресло пусто, молодой человек исчез, в пепельнице дымится сигарета...

Мари-Аньес достаёт очередную связку писем, развязывает зеленую ленточку, рассматривает один из конвертов и снова погружается в чтение. Машинально берет она сигарету, затягивается, сбрасывает пепел. Сигарета падает. Письма выскальзывают у нее из рук. Она мертва.

ДЕНЬ. ЛУЖАЙКА ПЕРЕД УСАДЬБОЙ.

Уже полдень. Валери стирает и поет: – Ведь сегодня воскресенье...

Ни малейшего дуновения ветерка. Трава в синеватой тени деревьев фиолетовая. Из-под сени одного дерева выходит лошадь и скрывается в тени другого.

Поют цикады. Издали доносится шум ссоры и собачий лай.

ДЕНЬ. ПОЛЕ.

Соланж де Байонет и Анри де Лампадер переругиваются, как два крестьянина. Под тремя деревьями стоит трактор. За ним – вспаханые борозды.

Анри. Вам достаточно хорошо известно, что с вашей невесткой я намерен судиться. Историю с этим куском земли затеял и оспаривает именно она. Но все же знают, что это бред.

Соланж. Вы лукавите: я предупредила арендатора, чтобы он не распахивал землю за большими камнями.

Водитель трактора слушает их с равнодушным видом, курит.

Водитель.

Никто мне ничего не говорил.

Анри. Значит, это вы меня обманываете, мадам Соланж.

Соланж (водителю). Разве Валери ничего вам не говорила?

Обе собаки злобно лают на Соланж.

В это время, подпрыгивая на кочках, подъезжает на велосипеде Валери. Запылавшись, она не может произнести ни слова. Она смотрит на Соланж и, наконец, выговаривает:

– Быстрее, мадам, идите за мной!

Соланж понимает, что стряслось что-то серьезное. Она оставляет Лампадера, садится на велосипед и едет за Валери к усадьбе.

ДЕНЬ. ГОРОДОК. ВСПАНАДА.

Антикварша Ивонн закрывает на ключ дверь своего магазина и садится на мопед.

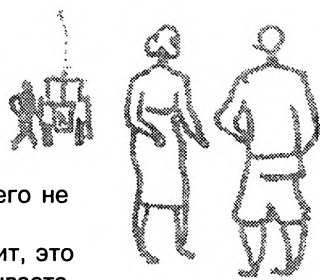
Три пожилые дамы, в развевающихся накидках, проезжают мимо на велосипедах. Ивонн следует за ними и исчезает за углом. Официант из кафе с эспланады бежит в том же направлении. Аптекарь мсье Карпантье едет на мотороллере.

ДЕНЬ. ГОРОДОК. ПЕРВАЯ УЛИЦА.

Мсье Жан выходит из своей табачной лавки. Мсье Карпантье приостанавливается, чтобы сообщить ему о случившемся. Мсье Жан возвращается обратно в кафе и появляется без фартука. Он садится сзади на багажник мотороллера. Жители городка, в том числе молодая девушка – уже без геликона, спешат к усадьбе.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. ДВОР.

Тут уже собралось много народа. Велосипеды, мотороллеры, мопеды выстроены вдоль стены. Собравшиеся перешеп-

тываются, обмениваясь короткими фразами; взгляды их обращены на окна и двери дома. Продолжают прибывать другие, Валери подгоняет кришнаитов к чугунной решетке.

Валери. Идите, идите, не до вас нам теперь. Хватит.

Те выходят за ограду спокойно, не спеша, расправляя складки своих одежд. На их лицах смирение, смешанное с некоторым разочарованием.

Валери поднимается по лестнице, толкает дверь, которая открывается с отвратительным скрипом. Прежде чем войти, она оборачивается и говорит:

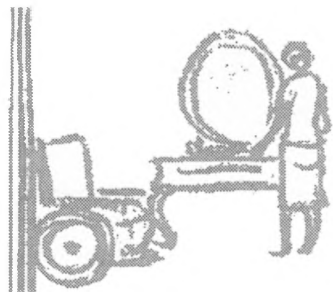
– Мсье Жан, пожалуйста, сделайте что-нибудь с этой дверью.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. ЛЕСТНИЦА.

Валери поднимается по лестнице.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. СПАЛЬНЯ.

Двое полицейских склонились над шезлонгом.

Соланж подбирает письма и складывает их в шкатулку. Входит Валери и помогает мужчине перенести тело

на кровать. Мари-Аньес не видно, она скрыта спинами людей, которые хлопочут вокруг; с ее ноги падает шлепанец. Соланж подбирает его, вынимает из ящика комод-да фляжку и выходит в коридор.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. КОРИДОР.

Соланж закуривает сигарету, глубоко затягивается, затем отвинчивает крышку фляжки.

ДЕНЬ. ГОРОД. КВАРТИРА ПОЖИЛОЙ ДАМЫ, КУЗИНЫ МАРИ-АНЬЕС.

У Маргариты длинное овальное лицо, длинные ресницы, длинная шея, длинные гладкие волосы, которые она то и дело поправляет медлительным и задумчивым жестом.

Она проходит по гостиной, прижав к уху трубку радиотелефона.

Маргарита. Минуточку.

Маргарита подходит к своей старой тушке, сидящей в глубоком кресле, протягивает ей трубку.

Пожилая дама. Ах!.. Когда?.. Как же это?.. Не может быть!.. Ах!..

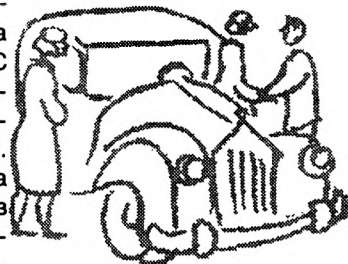
Телефонная трубка падает на пол.

Маргарита вынимает из кармана флакон с нюхательной солью.

ДЕНЬ. ГОРОД. ПЛОЩАДЬ.

Две старые дамы, каждая с маленьким венком, выходят из ворот особняка, поддерживаемые могучим садовником. Оглядываясь по сторонам, они поджидают кого-то, выказывая знаки нетерпения.

Подъезжает старуха на ветхом ДС и останавливается вровень с ними. Маргарита выходит из машины, открывает багажник, кладет туда венки, тогда как дамы рассаживаются в автомобиле. Одна – позади, другая – впереди. Садовник хлопывает дверцы.

ДЕНЬ. ГОРОД. ВТОРАЯ УЛИЦА.

Еще одна старая дама (Д) с маленьким венком из цветов в руках ждет на углу улицы. Она оглядывается по сторонам. Подъезжает старенький ДС, останавливается около нее. Маргарита открывает багажник и укладывает туда венок – дама садится сзади.

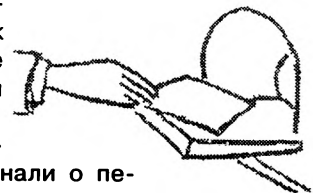
ДЕНЬ. ГОРОДОК. ПЕРЕД ПОЧТОВЫМ БЮРО.

Соланж оставляет свой велосипед возле двери и входит.

ДЕНЬ. ГОРОДОК. ПОЧТОВОЕ БЮРО.

Соланж кончает писать короткий текст на бланке и направляется к окошечку. Двое служащих стоя поджидают ее.

Первый служащий. Мы узнали о печальной новости, мадам.

Такова жизнь. Мы выражаем вам наше глубочайшее соболезнование.

Второй служащий (читая написанное). Ах, это в Россию! Ах, это ее сестра! "Черемушки"? Так? Квартал 2, дом 403, строение 5, подъезд 2, кв. 513? Все правильно? Хорошо. Сто три франка. Это дорого, в СССР...

ДЕНЬ. ГОРОД. ПОЧТОВОЕ БЮРО.

Стрекошет телетайп, затем лист переходит из одних рук в другие. Служащий опускает его в машину старого типа, которая снова перепечатывает текст, и оттуда выходит перфорированная бумажная лента. Защелкали реле.

ДЕНЬ. ПОЛЯ.

Под писк морзянки мы следим за электрическими проводами, которые переплетаются, разделяются, опускаются и поднимаются, уходя вдаль. Столбы, красный флаг на мачте.

ДЕНЬ. ГОРОД В РОССИИ. ПОУТА.

Старый телеграфный аппарат печатает на ленте сложный перфорированный узор. Курносый телеграфист расшифровывает его и печатает на ленте, которую отрывает и клеит на бланк. Он делает два идентичных экземпляра и через окошечко передает их человеку в форме. Тот внимательно их читает, ставит печать, один экземпляр кладет в ящик, другой – к окошку. Квадрат окошечка открывается, чья-то рука берет телеграмму.

ДЕНЬ. ГОРОД В РОССИИ. ЗДАНИЕ. ЛЕСТНИЧНАЯ ПЛОЩАДКА.

Серые, потрескавшиеся стены. Сбоку от входной двери несколько кнопок звонков и четыре почтовых ящика разных размеров, на которых наклеены названия газет и журналов: "Огонек", "Правда", "Известия". Молодой почтальон в выцветшей шапке звонит в дверь. Слышны шаги, скрежет от-

мыкаемых запоров. Дверь приоткрывается на цепочку.

Все диалоги этой сцены идут по-русски.

Женский голос (изнутри). Кто там?

Почтальон. Вам телеграмма.

В доказательство своих слов он показывает бланк.

Женский голос. Елена, это вам!

Дверь закры-

вается, потом открывае

на стержь.

Слышен звук шаркающих шагов.

Из полутьмы появляется

Елена Щербатова, урожденная Де Брюйер. Она поразительно похожа на Мари-Аньес: тот же го

лос, те же жесты; только в волосах больше седины. Она расписывается, благодарит, дает почтальону несколько монет и закрывает дверь.

ДЕНЬ. ГОРОД В РОССИИ. КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА.

В передней на вешалке висят пальто, рядом – лыжи, велосипед, детская ванночка, коньки, корзины, несколько электрических счетчиков и столько же звонков. Пять лампочек, свисающих с потолка в коридоре, соответствуют пяти выключателям: у каждой семьи – свой. Слышны звуки оживленной перебранки. Из-за дверей – музыка, радио, включенные телевизоры, крики детей.

Елена включает свою лампочку, надевает очки, висящие у нее на шее, читает.

ДЕНЬ. КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА. КОМНАТА ЕЛЕНА.

Узкая комната заставлена мебелью. На полках тисненные золотом корешки книг, на комод вазы, фигурки из фарфора, подсвечники. Туалетный столик служит одновременно обеденным столом. На нем стоят стакан с кефиром и маленькая кастрюля. На стенах старые фотографии – те же, что и у Мари-Аньес.

Около окна, спиной к нам, сидит молодая женщина с покатыми плечами, перед ней расставлены пестро раскрашенные па-

сальные яйца. Она как раз докрашивает одно из них, осторожно ставит его на сушилку, потягивается и оборачивается. Это Ольга, дочь Елены. Елена садится на кровать, снова надевает очки, перечитывает телеграмму и молча протягивает ее дочери. Затем резко встает. Ольга читает.

Ольга. Сядь.

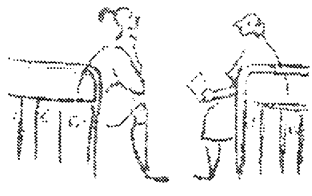
Елена садится.

После минутного размышления:

Ольга. Когда кто-то умирает, разрешают поехать на похороны.

Елена. Это все, что ты можешь мне сказать?

Ее голос звенит.

Елена убирает телеграмму в большую деревянную шкатулку, точно такую же, в какую Мари-Аньес складывала свои письма, берет со стола кастрюлю и выходит с ней в коридор.

ДЕНЬ. КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА. КОРИДОР.

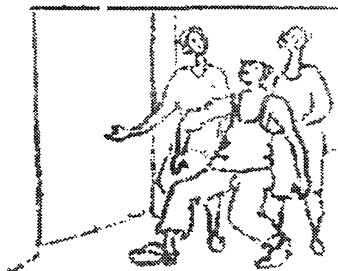
Спортивного вида девушка в тренировочном костюме говорит по телефону, смеется. Некая дама ждет около туалета, обращается к проходящей Елене:

Дама. Вы только подумайте, я жду уже четверть часа.

ДЕНЬ. КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА. КУХНЯ.

Все жильцы коммунальной квартиры в сборе. В присутствии ответственных квартиросъемщиков работник ЖЭКа изучает огромный подтек на потолке, с которого капает в таз вода.

Рядом с окном сидит старая женщина, поставив ноги в ведро с горячей водой, в ведре плавают листья эвкалипта.

Старая женщина. Это жена полковника, она никогда кран не закрывает.

Другая женщина. Это не кран, а канализация.

Третья сует палец в таз и нюхает его.

Третья женщина. Да, это канализация.

У работника ЖЭКа распухшие глаза и красный нос. Он слегка навеселе, и у него малость заплетается язык.

Работник ЖЭКа. Так это жена полковника или канализация!? Сейчас проверим! (Он также макает в таз и нюхает свой палец.) Да, это канализация...

Елена выключает газ, выливает остаток супа в раковину и моет кастрюлю.

Старая женщина, вытирая ногу, обращается к Елене:

– Вы плохо выглядите сегодня.

Другая женщина. Что-нибудь в телеграмме?

Елена. Моя сестра скончалась.

Другая женщина. В Штатах?

Елена. Во Франции.

Другая женщина. Вы имеете право поехать на похороны.

Еще одна женщина. Да, когда кто-то умирает, то имеет право.

Работник ЖЭКа, почесав в затылке, констатирует:

– Эту канализацию, пока починишь...

Ольга открывает дверь на кухню и обращается к матери:

– Тебя к телефону!

ДЕНЬ. КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА. КОРИДОР.

Елена берет трубку. Женщины подходят послушать разговор.

Елена (по-французски). Да, это я.

Работник ЖЭКа, проходя мимо, передразнивает ее:

– Резервуар, оревуар.

Елена (кричит). Я ничего не слышу!

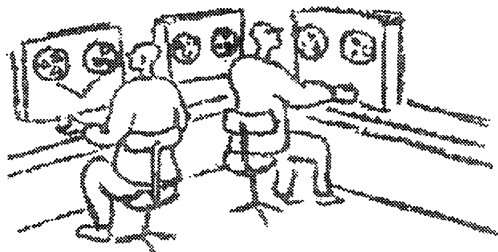
ДЕНЬ. ОТДЕЛ ПРОСЛУШИВАНИЯ ТЕЛЕФОНОВ.

Вдоль стен – два десятка магнитофонов; в динамики глухо слышны звонки телефонов, голоса, говорящие на разных языках. Мужчины в гражданском и в военной форме слушают, включают, выключают, что-то пишут. Розовощекий солдат с ангельским лицом, специалист по

французскому языку, слушает разговор Елены.

Елена. Я не слышу ничего! Ничего не слышу!

Солдат ухмыляется.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. БОЛЬШОЙ САЛОН.

Соланж (кричит). Я ничего не слышу! Но вы, грязный шпион, вы-то меня прекрасно слышите, коммунист!

Она вешает трубку, отпивает глоток из фляжки. В большом салоне открыты ставни. Валери и две старые дамы снимают чехлы с кресел, вытирают пыль, подметают. Кошки прогуливаются по салону, осваивают новую территорию.

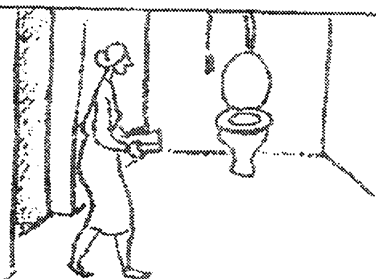
Соланж запирает на ключ ящики комода. Из одного ящика она достает серебряные столовые приборы: половник, ложки и вилки, стягивает их жгутом.

Через анфиладу комнат видно, как она удаляется.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. КОРИДОР.

Соланж воровато оглядывается, входит в уборную.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. ТУАЛЕТ.

Уборная просторная и светлая: стены выложены голубым кафелем, старинный умывальник с мед-

ным краном.

Соланж берет стремянку, поднимается на самый верх, приподнимает эмалированную крышку бачка и кладет в него стянутые жгутом вилки и ложки. Она дергает це-

почку, удостоверившись, что все функционирует, спускается.

С правой ноги Соланж медленно сползает чулок.

ДЕНЬ. ГОРОДОК. ВОКЗАЛ.

У перрона останавливается поезд с двумя вагонами. Из него выходят многочисленные старушки, одетые соответственно случаю – в черное, группа молодых людей, еще одна группа – мужчины и женщины в возрасте. Мсье Ренар, нотариус, пришедший встретить

их, приглашает прибывших пройти за ним в зал ожидания.

ДЕНЬ. ВОКЗАЛ. ЗАЛ ОЖИДАНИЯ.

Всех собравшихся здесь роднят общие черты – длинный нос и серые глаза. Мсье Ренар становится в центре: он должен объявить нечто важное.

Мсье Ренар. Дамы и господа, я должен сообщить вам, что семейное собрание по поводу чтения завещания мадам Мари-Аньес де Байонет не состоится. В тексте, выражающем ее последнюю волю, мадам де Байонет все завещала своей сестре, которая живет в России. Я принял решение сообщить вам об этом, чтобы между нами не возникало недоразумений.

Досада, которая написана на лицах родственников Мари-Аньес, усиливает их фамильное сходство.

ДЕНЬ. ГОРОДОК. ПЕРЕД ВОКЗАЛОМ.

Они выходят из здания вокзала, не говоря ни слова друг другу. Их ждут два небольших автобуса, за рулем одного из них – Кристоф де Лампадер, за рулем другого – его жена Каприс. Все рассаживаются, дверцы бесшумно закрываются. Кортёж медленно трогается с места.

ДЕНЬ. ПЕРЕД УСАДЬБОЙ.

Антикварша Ивонн и мсье Жан, владелец

табачной лавки, закрепляют у входа черный занавес, вышитый инициалами Мари-Аньес. Издали доносится монотонный шум трактора. Старенький ДС останавливается перед чугунными воротами. Маргарита помогает дамам выйти. Они поправляют на себе одежду и поднимаются гуськом по лестнице с каменными витыми перилами. Маргарита следует за ними.

Затем подъезжают два автобуса. Толпа родственников молча выстраивается вереницей.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. БОЛЬШОЙ САЛОН.

Все уже прибрано, в вазах много цветов. Соланж стоит посреди комнаты. Двое служащих похоронного бюро пересекают салон. Дамы, их мужья и взрослые дети

подходят к Соланж, по очереди целуют ее, цветы складывают на стол. Затем все рассеиваются по салону, рассаживаются в креслах, угрюмо рассматривают друг друга.

Входит еще одна группа родственников, окружают Соланж, целуют – потом все отступают к стенам. Воцаряется неловкое молчание; никто не знает, ни что говорить, ни что делать.

Соланж. Сейчас мы подадим чай. Валери!

Они выходят.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. КУХНЯ.

Валери расставляет чашки и блюда на передвижном сервировочном столике. Зажигает газ, ставит на огонь большой чайник. Соланж открывает кран, моет руки.

Соланж. Обслуживали всю.

Она включает радио и выглядывает в окно. Замечает кого-то и делает знак рукой.

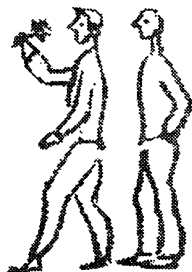
ДЕНЬ. ЛУШАКА ПЕРЕД ЗАМКОМ АНРИ ДЕ ЛАПАДЕРА.

Анри (как всегда, в сопровождении двух собак) дружески машет Соланж.

Радио. "...Во вторник следственной полицией арестован ученик, признавшийся, что подложил в своей школе бомбу, взрыв которой в минувшую пятницу причинил незначительный материальный ущерб. Этот учащийся начальной школы Метце хотел, как он говорит, пошутить, не ведая о последствиях своего поступка..."

ДЕНЬ. УСАДЬБА. САД.

Валери снимает с веревки высухшее белье, складывает его в большую корзину и относит на кухню. Двое молодых людей прогуливаются, осматривая усадьбу. Вдали трое других мечут в мишень стрелы, подсчитывают очки.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. ПЕРЕД ГАРАЖОМ.

Двое племянников покойной рассматривают роллс-ройс, стоящий на прежнем месте. Они влезают на сиденья, открывают капот, заглядывают под машину и прикидывают, сколько это может сейчас стоить.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. БИБЛИОТЕКА.

Пожилые члены семейства ходят по библиотеке, рассматривают и трогают оружие, чернильницы, бювары, листают книги, щупают ковры и шторы. Мужчины открывают ящик с сигарами, извлекают их, обрезают, закуривают.

Одна юная kleptomанка незаметно сует в сумочку пресс-папье. Другая ворует табакерку.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. БОЛЬШОЙ САЛОН.

Дамы пьют чай. Они уже освоились и говорят во весь голос.

- Она меня терпеть не могла, и я отвечала ей тем же.
- Почему же ты пришла?
- Это мой долг.
- Долг всегда нужно исполнять.
- К тому же она была вроде бы буддисткой.

– Она плохо следила за этим домом, вы только посмотрите на паркет.

– И занавеси грязные.

Некоторые из собравшихся не говорят, но слышно, о чем они думают:

– Старая претенциозная карга, хоть что-нибудь бы мне оставила...

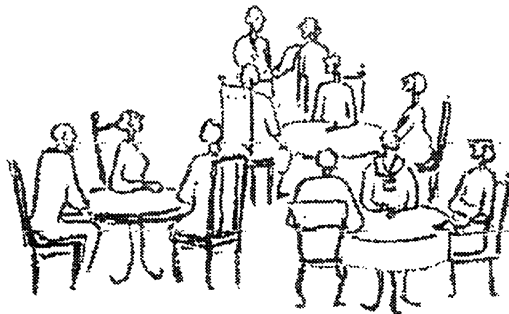
– Ужасно, до чего же они все уродливы и глупы, видеть их не могу...

Одна из дам тщетно пытается открыть ящик шкафа:

– С ума сойти, здесь все заперто на ключ!

Лишь одна очень старая дама смотрит на родичей добрым ясным взглядом и думает:

– Какие они милые, как это трогатель-

но: прийти, чтобы отдать последний долг Мари-Аньес. Узнаю нашу семью, все такие благородные и чуткие...

Другая:

– Многие из нас давно уже похоронили своих мужей; остались одни старухи. Мужчины не живут долго; кого убили, кто умер от разрыва сердца. Остались одни старухи! Как печально...

Время от времени случаются маленькие происшествия: кто-то опрокидывает вазу с цветами, пол вытирают, осколки подбирают, зовут Валери. Ломается стул; даму поднимают, усаживают в кресло:

– Будьте осторожны, этими стульями давно не пользовались.

ДЕНЬ. УСАДЬБА. КОРИДОР.

Перед туалетом образовалась небольшая очередь: Каприс, антикварша Ивонн и две девицы. Слышен шум спускаемой воды. Выходит мсье, ему неловко.

Мсье. Ах, извините, медам!

ДЕНЬ. УСАДЬБА. ТУАЛЕТ.

Закрыв дверь на задвижку, Каприс быстро взбирается на унитаз, приподымает крышку бачка и запускает в него руку по

локоть. Нащупав связку ложек и вилок, спускается, кладет серебро в сумку, дергает за цепочку смыва, вытирает руку о полотенце, немного выжидает, затем выходит.

Ивонн заходит следом, влезает на унитаз, роется в бачке и, не найдя ничего, приходит в ярость.

ДЕНЬ. ГОРОД В РОССИИ. ОТДЕЛ ВИЗ.

Край окошечка расположен слишком высоко, стена обшарпана, подокозник вытерт до блеска тысячами рук, трущихся о него. Голос чиновника монотонен и сух:

– Двенадцать фото, справка из ЖЭКа, анкеты, телеграмма, удостоверяющая смерть вашей сестры...

Елена протягивает каждую запрошенную бумагу. Появляется рука чиновника и протягивает ей квитанцию.

– Следующий!

Молодой чернокожий студент, в сопровождении группы соотечественников, протягивает кипу паспортов и говорит на чистейшем русском языке:

– Пятнадцать виз в Уганду, пожалуйста, товарищ!

Елена минует длинную очередь и выходит.

ДЕНЬ. АЭРОПОРТ В РОССИИ.

Чемодан стоит на очень низкой стойке.

Молодой таможенник прощупывает швы блузок, шарит внутри туфель. Елена и Ольга сохраняют спокойствие, но при этом чувствуют себя неизвестно в чем виноватыми. За ними терпеливо ждут трое иностранцев,

ранцев, они смотрят на них с любопытством, как на преступников, пойманных с поличным.

Елена. Это ключ от нашей квартиры.

ГОРОДОК. УЛИЦА ПЕРЕД ПЛОЩАДЬЮ.

Льет проливной дождь. Кюре в тельняшке с недовольным видом выглядывает из окна. Виден катафалк, в упряжке лошадей; промокшее знамя кавалерийского полка, висевшее в комнате Мари-Аньес, покрывает гроб; позади следует длинная процессия – все под зонтиками, кроме музыкантов духового оркестра. Оркестр играет “Траурный марш” Люлли.

УТРО. ГОРОДОК. КВАРТИРА КЮРЕ.

Один из башмаков кюре лежит на журнале “Плейбой”, открытом на рубрике “Звезды месяца”. Отец Андре одевается, выпивает стаканчик красного. На столе все тот же беспорядок. Кюре застегивает суктану, опять не на ту пуговицу. У дверей он находит свой зонтик, смотрит, как льет снаружи, колеблется. Издалека доносятся печальные аккорды траурного марша. Отец Андре снимает с вешалки зонтик, надевает шляпу и поспешно выходит из дома.

УТРО. ГОРОДОК. ПЕРЕД ЦЕРКОВЬЮ.

Дождь льет как из ведра. Двери церкви распахнуты настежь; в глубине мерцают свечи. Катафалк пуст, кучера снимают попоны с лошадей. Слышен чистый звук трубы.

У катафалка останавливается автобус, из которого выходят Ольга и Елена с чемоданами в руках. Они пересекают площадь перед церковью и в нерешительности останавливаются у дверей. Ольга входит первая.

ГОРОДОК. ЦЕРКОВЬ.

Церковь полна народу. Люди сидят, опираясь на зонты. Рядом с фисгармонией Соланж играет на трубе арию из кантаты Иоганна Себастьяна Баха “Сердце и уста, и смерть, и любовь”. Кюре слушает, по-ку-

риному склонив голову набок.

Елена и Ольга, не выпуская чемоданов из рук, робко проходят вперед. Ольга оставляет багаж под кропильницей, и они становятся друг за другом в последний ряд. Собравшиеся оборачиваются на них, перешептываются. Несмотря на свой измученный вид, Елена поразительно похожа на покойную сестру.

УТРО. ГОРОДОК. КАНАЛ ПЕРЕД ЦЕРКОВЬЮ.

По каналу скользит корабль с туристами, завтракающими на палубе под тентом. Они наблюдают за похоронной процессией, которая выходит из церкви и направляется к кладбищу.

УТРО. ГОРОДОК. ЦЕРКОВЬ.

Церковный сторож звонит отходную.

УТРО. ГОРОДОК. КЛАДБИЩЕ ПЕРЕД ЦЕРКОВЬЮ.

Зонтики образуют сплошной черный покров. Молодые кришнаиты в промокших сари играют на флейтах восточный похоронный канон.

Зонты приходят в движение. Люди расходятся. Последней уходит Соланж. Кюре продирается сквозь толпу, чтобы поддержать над ней зонтик.

ВЕЧЕР. УСАДЬБА. БОЛЬШОЙ САЛОН.

Жители городка сидят за столом, во главе которого кюре и антикварша Ивонн; члены семейства расположились вокруг другого стола. Переходят из рук в руки большие блюда с рыбой. Одна пожилая дама поет, глядя в тетрадку:

– Мы всегда будем помнить о той поре, когда вы были с нам. “Светлая память о вашей жизни, дорогая графиня Мари-Аньес, пребудет в наших сердцах”.

Дама переворачивает страницу и продолжает петь на мелодию “И солнце встало из-за леса”.

Все жуют.

ВЕЧЕР. УСАДЬБА. БИБЛИОТЕКА.

Комната затянута табачным дымом. На бильярдном столе сталкиваются два шара. Оба игрока в военных мундирах начала века – молча перемещаются вокруг стола, играют. Кий бесшумно подталкивает шар. Третий мужчина курит, наблюдая за игрой. Слышен голос поющей дамы.

ВЕЧЕР. ПЕРЕД УСАДЬБОЙ.

Останавливается "ягуар" Кристофа. Каприс очень элегантна в своем плотно об-

легающем темно-фиолетовом платье. Поднимаясь по лестнице рядом с мужем, она мягко покачивает бедрами.

ВЕЧЕР. УСАДЬБА. БОЛЬШОЙ САЛОН.

Закончив пение, пожилая дама садится. Наступает тишина. Все едят тихо: слышен звон вилок и ножей о тарелки и бульканье вина, разливаемого в бокалы.

Внезапно Каприс раздражается смехом: кюре, сидящий рядом, что-то шепнул ей на ухо. Кристоф бросает на нее разъяренный взгляд. Снова воцаряется тишина.

Соланж слышит стук бильярдных шаров, который доносится из-за закрытых дверей библиотеки. Она поднимается и открывает дверь.

ВЕЧЕР. УСАДЬБА. БИБЛИОТЕКА.

Там никого нет. Шар медленно катится по зеленому сукну, касается борта и останавливается.

РАННЕЕ УТРО. УСАДЬБА. САД.

Соланж и Валери сидят на том месте, где Мари-Аньес упражнялась в стрельбе. Возле них стоят два чемодана. На маленьком садовом столике – два стакана и бутылка белого вина. Метрах в пятидесяти от них там же – на доске меж двух стульев – стоит все та же консервная банка. Обе молча пьют. Слышен стук молотка.

РАННЕЕ УТРО. ПЕРЕД УСАДЬБОЙ.

Анри огибает здание, в руках у него чемодан. Следом Валери тащит большую дорожную сумку. Они подходят к воротам усадьбы. Соланж и Валери смотрят, как Анри грузит вещи в багажник. Затем он помогает Соланж сесть впереди.

Валери. Серебро исчезло, я хорошо посмотрела, мадам.

Двое рабочих прибывают доски к окнам усадьбы. Машина трогается. Рабочие машут на прощание. Нотариус закрывает ворота.

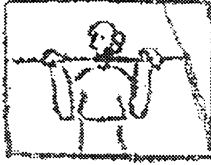
УТРО. ГОРОДОК. ВОКЗАЛ. ПЕРРОН.

Прибывает маленький поезд из двух вагонов. Редкие пассажиры наблюдают из окон, как прощаются Анри и Соланж. Она поднимается в вагон, Анри проходит вперед по перрону, посмотреть, как она устроилась в купе. Поезд вздрагивает и трогается. На противоположном перроне – толпа родственников Мари-Аньес. Все они взволнованно спорят и жестикулируют; видно, что все недовольны. Здесь же нотариус мсье Ренар с тремя японцами. С противоположной стороны подъезжает другой поезд и скрывает толпу. В окна видно, как родственники поднимаются в вагон, заполняют купе, снимают пальто, раскладывают багаж. Поезд отъезжает – на перроне ни души.

ИНТЕРМЕДИЯ

ДЕНЬ. ПОЕЗД. КУПЕ.

Соланж рассматривает пейзаж, проплывающий за окнами: дома, поля, холмы все быстрее и быстрее проносятся за окном. Соланж поворачивает голову и рассматривает своих попутчиков.

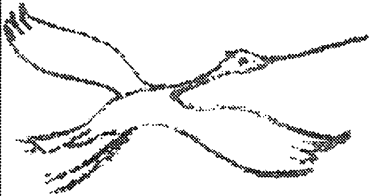

Господин с газетой и дама с книгой читают. Второй господин отложил свои бумаги, задремал. Соланж слушает радио.

Радио. "...Как и в случае двух покушений в конце минувшего года – взрыва самолета во время рейса национальной авиакомпании "Авианка" (107 убитых) и автобуса напротив здания колумбийской полиции ДАС (67 убитых и сотни раненых), автомобиль полиции подорвался на mine. Взрыв оставил воронку диаметром в несколько метров. Когда мы прибыли на место происшествия, все члены патрульной бригады лежали на шоссе в луже крови. Трое из них умерли сразу..."

ДЕНЬ. ЗАМОК В ТОСКАНЕ. ТРОК.

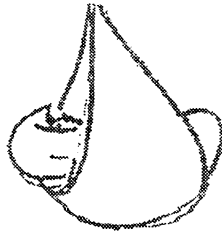
Летит аист. Он взмахивает сильными крыльями. В клюве у него сверток,

в к р и ч а щ и й м л а д е н е ц . Аист снижается, замедляет полет,

осторожно кладет сверток на самую высокую каминную трубу громадного замка, который возвышается над широкой долиной Тосканы.

Аист делает прощальный круг и исчезает в облаках. Плач ребенка привлекает внимание

двух садовников, подрезающих розы. Они испускают радостный крик и бегут к замку, откуда появляется дюжина лакеев в ливреях и бонны в белых передниках. Старый герцог де Байонетти в стеганом бархатном халате выходит на балкон. Он вытягивает шею, смотрит на крышу, ничего не видит и приказывает приставить большую лестницу.

Лакеи взбираются по лестнице, плачущего младенца передают из рук в руки.

ДЕНЬ. ЗАМОК ДЕ БАЙОНЕТТИ. КОМНАТА ГЕРЦОГИНИ.

Ребенка укладывают в колыбель у постели герцогини, которая отныне будет его матерью.

Ребенок успокаивается, улыбается, рассматривает склоненные над ним лица.

Появляется толстая кормилица; она пеленает младенца и поет ему колыбельную.

Старый герцог счастлив, он улыба

ется своей молодой жене, склоняется к ней, что-то шепчет, выпрямляется и провозглашает:

– Новорожденный, наш наследник, вскоре будет крещен. Он примет имя нашего прапрадеда Игнацио, двадцать третьего герцога Байонетти.

ВЕЧЕР. ПОЕЗД. КУПЕ.

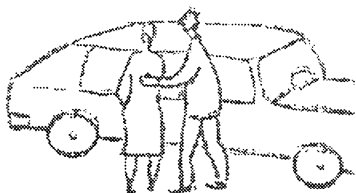
Соланж одна в своем купе. Поезд замедляет ход и въезжает на вокзал небольшого итальянского города. Соланж убирает радио-уолкмен в сумочку и встает, не вполне понимая, как ей достать чемодан.

Тотчас же вагон заполняется гомоном встречающих. Соланж ведут к выходу, почти на руках спускают из тамбура на платформу. Дважды звонит колокол, возвещающая отправление поезда.

ДЕНЬ. ГОРОДОК В ТОСКАНЕ. ПЕРЕД ВОКЗАЛОМ.

Герцог. Дорогая тетушка!

Он радостно подбегает к Соланж. Серебристый "даймлер" стоит посреди площади. Соланж по очереди

обнимает всех близких, пришедших ее встретить. Струнный квартет инструментов исполняет в ее честь сарабанду Сальери. Шофер герцога де Байонетти с чемоданом Соланж в руках пересекает площадь и укладывает его в багажник "даймлера", дверцы которого украшены фамильным гербом. Квартет продолжает играть, в то время как все высаживаются по машинам. Машины образуют кортеж, который делает круг, огибая конную статую сурового воина, воздвигнутую в центре площади.

ВЕЧЕР. ЗАМОК ДЕ БАЙОНЕТТИ. ПРИЕМНЫЙ ЗАЛ.

Тушки жареных козлят и молочных поросят, фазаны, горы перепелок проплывают на подносах над головами гостей в обеденном зале. Множество людей сидит вокруг нескольких десятков столов, роскошно сервированных.

На стенах огромные фрески в несколько метров высотой представляют великие деяния славной семьи Байонетти.

Четверо метрдотелей руководят действиями слуг, как солдатами на поле битвы. В ливреях фамильных цветов, в белых перчатках, слуги ловко манипулируют серебряными блюдами, расходятся, рассыпаются по залу и вновь сходятся у буфета.

ВЕЧЕР. ЗАМОК ДЕ БАЙОНЕТТИ. МУЗЫКАЛЬНЫЙ САЛОН.

Двери широко распахнуты. Стены обтянуты голубым шелком. Кудрявый молодой человек аккомпанирует на фортепиано, могучая певица поет серенаду. Но музыка не перекрывает оживленных застольных разговоров.

ВЕЧЕР. ЗАМОК ДЕ БАЙОНЕТТИ. ПРИЕМНЫЙ ЗАЛ.

Герцог восседает между Соланж и своей нежно любимой женой. Рядом с Соланж пустует одно место. Прямо напротив герцога сидят епископ и два священника в белом. Когда ария завершается, раздаются аплодисменты, однако адресованы они не певице, а шеф-повару, который выходит из-за буфета и раскланивается.

ВЕЧЕР. ПЕРЕД ЗАМКОМ БАЙОНЕТТИ.

Белый "бентли" останавливается перед парадной лестницей. Мажордом открывает дверцу и провожает в замок эмира в феске, за которым следуют два телохранителя: безбородые и безусые.

ЗАМОК ДЕ БАЙОНЕТТИ. ГОСТИНАЯ.

Навстречу эмиру с расprostертыми объятиями спешит герцог де Байонетти.

Герцог. Брат мой, какая радость!

Эмир тоже раскрывает объятия и сжимает в них герцога. Эмира усаживают около Соланж, он сразу же со сладкой улыбкой обращается к ней. Совершенно не перенося фальши, она сухо поджимает губы и строго смотрит на эмира.

Проходит несколько минут, эмир не при- трагивается ни к одному блюду и все время улыбается. Телохранители тоже улыбаются: одна из их функций – попробовать каждое блюдо, чтобы умереть раньше эмира, если пища отравлена. Здесь это было бы неэтично. Соланж склоняется к эмиру, что-то шепчет ему на ухо. Потом решительным шагом пересекает зал. Эмир следует за ней.

ВЕЧЕР. ЗАМОК БАЙОНЕТТИ. ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ ЗАЛ.

Они проходят широ- ким коридором, стены которого уве- шаны портретами предков.

ВЕЧЕР. ЗАМОК БАЙОНЕТТИ. ДРУЖЕБНЫЙ ЗАЛ.

На столе лежит с десяток шпаг. Она выбирает две. Эмир по-прежнему улыба- ется. Соланж бросает ему шпагу и делает весьма сносный выпад. Эмир небрежно ловит оружие за рукоятку.

Соланж. Я всегда мечтала поупражняться с кем-нибудь, кто учился этому с детства. Вас ведь обучали фехтованию?

Эмир. Да, ваша милость. А вас?

Соланж. Меня тоже.

Эмир. Вы вдова?

Соланж. Внимание!

Соланж бросает вперед, тогда как единственный выход из положения для эмира – не шевельнуть и пальцем, дабы не уронить собственного достоинства. Вследствие чего он оказывается поражен- ным в живот.

Соланж. В правилах игры – не пускать кровь противнику.

Она церемонно опускает свою шпагу. Эмир испускает дикий крик и с вытаращен- ными глазами рассекает воздух клинком, с явным намерением отрубить Соланж го- лову. Та в растерянности отступает. Эмир смеется, кладет шпагу на стол.

Соланж. Ну вот. Мы и свели знакомство.

Двое слуг заглядывают в оружейный зал. Вдали певица поет новую арию.

НОЧЬ. ЗАМОК БАЙОНЕТТИ. ЛЕСТНИЦА.

Соланж поднимается, тяжело опираясь на перила.

НОЧЬ. ЗАМОК БАЙОНЕТТИ. КОМНАТА СО- ЛАНЖ.

Она расшнуровывает ботинки, вынима- ет из своего чемодана домашние тапочки и бросает их на пол.

УТРО. ЗАМОК БАЙОНЕТТИ. САД.

Под навесом, уви- тым зеленью, на круг- лом столике кованого железа подан кофе. Соланж сидит в глубо- кой задумчивости. По- том отпивает глоток и оставляет чашку. Пе- ред ней на лужайке иг- рают дети. За их воз- ней невозмутимо на- блюдают павлин. Тос- канское солнце все выше поднимается в небе.

УТРО. ЗАМОК БАЙОНЕТТИ. ВЕРАНДА.

Герцог де Байонетти и эмир сидят на диване, уто- нув в подуш- ках. Герцог небрежно протягивает эмиру туго набитый бе- лым порош- ком пластико- вый мешочек, который эмир небрежно прячет в полах своего бурнуса.

УТРО. ЗАМОК БАЙОНЕТТИ. САД.

Возле невысокой стены, в кустах, ле- жат на земле два бородатых типа. Они на- блюдают за верандой в бинокль. Чуть по- одаль продажный доберман пожирает ку- ски подброшенного ему мяса.

УТРО. ЗАМОК БАЙОНЕТТИ. ЛЕСТНИЦА.

Двое слуг и телохранитель эмира сносят вниз чемоданы. Эмир обнимает на проща- ние герцога. Тот направляется к своему "даймлеру". Соланж уже сидит сзади. Во- круг машины небольшая группа близких, пришедших проститься. Герцог обнимает Соланж.

Герцог. До скорого, дорогая тетушка.

Кадр из фильма. Эмир и его компания едут в поезде, который взрывают террористы.
В сценарном варианте вместо поезда дан самолет.

Торжественный и важный шофер трогает машину с места.

УТРО. ЗАМОК БАЙОНЕТТИ. АНФИЛАА КОМНАТ.

Кормилица несет плачущего Игнацио. Она проходит через маленькую комнату, затем через большую, до балкона, оттуда герцогиня посылает последние прощальные приветствия вслед двум удаляющимся автомобилям.

ДЕНЬ. ЗА СТЕНОЙ, КОТОРАЯ ОКРУЖАЕТ ЗАМОК БАЙОНЕТТИ.

Двое бородачей в сером вскакивают в маленький "фиат-тополино". "Фиат" стрелой срывается с места.

ДЕНЬ. ПОЛЕ В ТОСКАНЕ. АЭРОДРОМ.

Маленький самолет неподалеку от служебного помещения, откуда выходит человек в белом кителе – летчик. Он пересека-

ет взлетную полосу, поднимается в самолет. Дверь остается открытой.

Белый "бентли" и "даймлер" подъезжают к маленькому строению. Шоферы выходят и распахивают дверцы. Из одной машины выходит Соланж, из другой – эмир и его телохранители. Они направляются к самолету, за ними следуют водители с багажом. Вдруг резкий порыв ветра вздувает их одежды: взревел пропеллер. Пилот спускает лесенку.

ДЕНЬ. САМОЛЕТ.

В самолете очень уютно. Пять мягких кресел окружают стол, на котором лежит стопка журналов. В глубине маленький бар. Эмир заботливо усаживает Соланж. Телохранители вносят багаж, убирают лесенку и закрывают дверь. Мотор набирает обороты.

ДЕНЬ. ПОЛЕ В ТОСКАНЕ. АЭРОДРОМ.

Шофер придерживает свою фуражку,

чтобы ее не сорвал ветер. Соланж, в иллюминаторе, машет ему на прощанье. Эмир улыбается. Пилот в кабине переключает тумблеры. Странно, но лицо его очень похоже на лицо молодого офицера, который следил за бильярдной партией в усадьбе Байонетт.

Самолет вырывается на взлетную полосу, отрывается от нее и взлетает в голубое небо. Неподалеку от стоящего в поле "фиата-тополино", в высокой траве, лежат двое бородачей. Оба смотрят в бинокли вслед летящей машине. Мы увидим, тоже как бы в бинокль, как взорвется самолет – произойдет ослепительная вспышка.

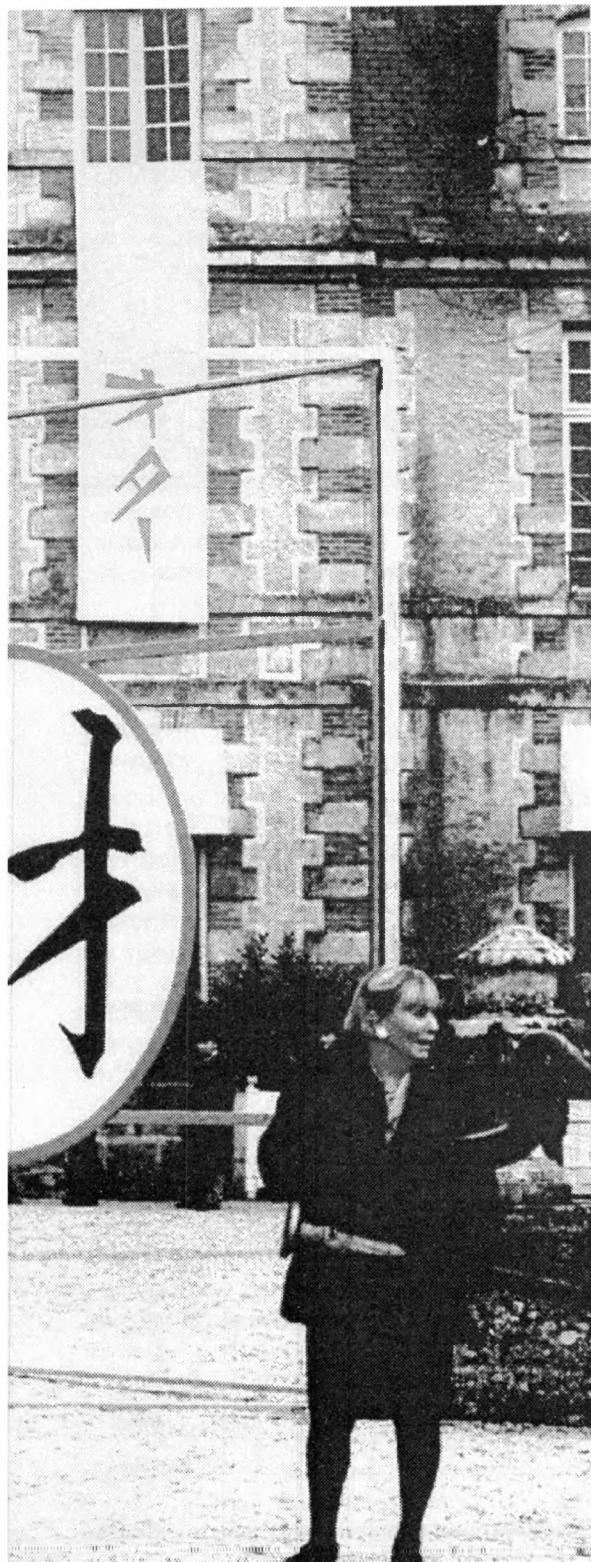
И ничего больше.

Все продлится секунду. Мы даже не услышим звука взрыва – самолет исчезнет. Двое бородачей садятся в машину, разворачиваются, – "фиат" исчезает за холмом. Небо безоблачно. Монотонный стрекот цикад подчеркивает покой этого солнечного дня.

ДЕНЬ. УСАДЬБА.

Мэтр Ренар (читает нотариальный акт). "...акт о купле-продаже, подписан-

ный сторонами в присутствии нижеподписавшегося мэтра Ренара, нотариуса, и передан сторонам одновременно с выплатой указанной выше суммы покупателем”.

Елена сидит рядом с Ольгой, та считает наличные, складывает их в саквояж.

Мэтр Ренар. Подпишитесь. Вот здесь.

Елена, парафировавшая каждую страницу, ставит последнюю подпись. Мэтр Ренар передает лист господину Нарияма, переводчик вполголоса переводит тому на ухо, что говорит нотариус.

Мэтр Ренар. Ключи. (Валери дает ключи Ольге, та – Ренару, мэтр торжественно вручает их японцу.) Отныне вы владелец имения.

Японец церемонно кланяется Елене и Ольге, все встают. Мэтр Ренар помогает дамам одеться; пропускает их вперед.

Молодой чиновник, прежде чем закрыть все двери, проходит мимо телевизора и выключает его.

А по телевизору шло сообщение:

“...Личный самолет эмира Исмаила эль Кайдани взорвался сегодня утром сразу же после взлета с маленького аэродрома недалеко от Монтальчино. Самолет направлялся во Франкфурт; на его борту кроме эмира находились три человека. Обломки разметало взрывом, тела не найдены. Предполагают, что уничтожение самолета является очередным звеном в цепочке сведения счетов между мелкими организациями, занимающимися продажей наркотиков”.

ДЕНЬ. УСАДЬБА.

Мсье Жан, антикварша Ивонн, отец Андре, Кристоф, Каприс, мэтр Ренар, Анри де Лампадер и четверо японцев (господин Нарияма – в центре) фотографируются с бокалами шампанского в руках перед усадьбой на память.

ДЕНЬ. ГОРОДОК. БАЗАРНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Утро. Жители городка спуют от прилавка к прилавку, щупают, нюхают, выбирают. Торговцы резкими криками подзадоривают их.

От одного продавца к другому ходит с корзинкой в руках повар-японец, мсье Но. Он рассматривает рыбу, нюхает ее, выбирает одну крупную форель.

как жил – не принимая одних, нежно относясь к другим и поучая всех, как надо жить, а поучая, извиняться за то, что поучает.

Я не читаю произведения моих товарищей, моих пишущих философов: мне хватает с лихвой того, что они со мной беседуют, я к беседе отношусь серьезно. Как-то мы сошлись с Мерабом Мамардашвили на том, что все наши приятели-философы, поэтому мы их себе и выбираем в приятели – они, как правило, обладают одним качеством: их хочется и приятно цитировать. А цитировать кого-то приходится, аргументируя иногда уже совсем другую, твою собственную мысль, потому что они сумели очень и ловко, и красочно, и ясно сформулировать то, что мы все знали, видели, но определить словами не умели.

Александр Пятигорский – известный философ. Я это знаю, но времена наши таковы, что философам приходится самим записывать свои мысли, чтобы со-

общить их другим людям, не собеседникам, а читателям ученых книг. Ах как жаль, что нет уже умненьких и прилежных платонов, записывающих мысли, в беседах, экспромтом, небрежно высказанные Сократом. Сократ был собеседником неловким, неприспособленным к обществу человеком – за это он был вынужден испить свою чашу цикуты. Афины, как считают, были родиной демократии. Вполне возможно. Поэтому мне власть толпы мещан над умницами и порядочными людьми совсем даже нелюбезна; лучше уж "мой дом – моя крепость". Лучше обороняться от толпы, лучше не нападать ни на кого. Я не знаю, как кончить это письмо, потому что не знаю, с кем беседую.

Что в моих раздумьях мое, а что Сашино или Мераба, я уже не могу определить – и очень сомневаюсь, что Саша может определить, что в его мыслях

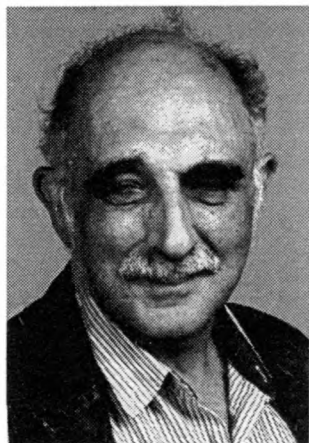
откуда: от Юры Борщевского, от Ильи Авербаха, от Мераба или от новых его английских друзей-приятелей. Во всех случаях круг собеседников необходимо подразумевает радость пребывания с людьми, которые вот, возможно сейчас, сделают так, что ты что-то вдруг скажешь и хотя бы на минуту тебе покажется, что ты выстроил слова образом, соответствующим тому, что ты думал, а сказать не умел. "Не делайте другому того, что вам было бы неприятно, если б он сделал вам" – совсем не означает пожелания: "Делайте другим то, что вы хотели бы, чтоб они делали вам". И подставить левую щеку после удара, полученного вами по правой, в зависимости от подставляющего может быть актом презрения. Или признаком могущества бьющего. А если это пощечина и за-служенная?

Философ Пятигорский говорит резко, как бы ударяет, если сказанное кем-

то противно его натуре. Но вначале он извиняется за то, что вынужден будет высказать.

Саша как настоящий грубиян – изысканно вежлив. Он прощает дамам все без исключения высказывания – даже самые чудовищные. За те же высказывания неосторожным своим оппонентам он раздает звонкие словесные пощечины, и если подставить правую щеку после левой – ударит и по правой. Мне хотелось, чтоб по фильму "Охота на бабочек" разгуливал персонаж, сочетающий два противоположных качества – утонченную галантность и нелицеприятную резкость в отношениях с людьми. Магараджа, сыгранный Пятигорским, сочетает два других качества: высокомерие с инфантильностью. Во время съемок он был покорен, как овечка, а после рабочего дня говорил мне: "Послушай меня, мальчик". Я его люблю.

Александр Пятигорский,

сын инженера Моисея Гдаиевича Пятигорского. Родился в 1929 г. в Москве, на Малой Никитской. После окончания в 1952 г. философского факультета Московского университета работал учителем истории в школе в г. Сталинграде. Потом работал в Институте Востоковедения Академии Наук и Институте Научной Информации, периодически преподавая в Московском университете. В 1974 г. эмигрировал в Англию. С 1975 г. — преподаватель школы Востоковедения и африканистики Лондонского Университета (затем профессор). Автор нескольких книг по индийской философии и буддизму, а также десятка рассказов, одного киносценария (вместе с О. Кантли) и полутора романов. Женат, имеет пятерых детей (от трех жен). Постоянно живет в Лондоне, не является членом ни одной организации (включая академии, фонды, клубы, политические партии и тайные общества). Считает себя востоковедом (возражения принимаются немедленно и безоговорочно) и философом (возражения не принимаются, даже самые обоснованные).

Человек не

1968 год. Поселок Какетикон. Ночь. Отделанная деревом комната загородного дома ярко освещена.

Комната обставлена дорогой мебелью, несомненно, западноевропейского стиля, но имеет нежилой вид, как всякое жилище, в которое приезжают лишь на досуге. Стеклопанельная дверь обращена на улицу небольшого феноменально благоустроенного поселка. Слева большой шкаф, все ящики его выдвинуты, и содержимое их вывалено на пол, усеянный всевозможными бумагами, письмами, записными книжками. В середине комнаты — длинный низкий стол (часто используется вместо письменного), также заваленный бумагами. Впечатление полного хаоса.

На углу стола сидит Швелленбайн, невысокий худощавый загорелый мужчина слегка за сорок. У него широкий, изборожденный морщинами лоб, тонкие губы, длинный прямой нос и острый, выдающийся вперед подбородок. На нем спортивная рубашка с открытым воротом, легкие синие брюки и дорогие летние

как другие

туфли. На руке – часы от Картье.

Наш герой Швелленбайн никоим образом не трагическая фигура. Двигается он легко, почти порхает. На ходу он быстро и рассеянно бормочет. Он до такой степени в постоянном движении, что нелегко рассмотреть, какие чувства руководят им. Кажется, что он подчиняется не людям и обстоятельствам, а своим собственным мыслям и устремлениям. Внешне, однако, он неизменно добродушен, общителен и скромнен. Он, по-видимому, считает, что его все уважают, что почему-то и происходит. В терминах алхимии его главная стихия – Воздух.

В начале сцены он полностью погружен в мысли о только что прочитанных грудах бумаг и ни на что не реагирует. Он сидит, сложив руки на коленях, и бесцельно глядит на стоящий перед ним шкаф.

В стеклянной двери с улицы появляется мужчина в легком летнем плаще и легкой серой шляпе. Это Фохт, уроженец поселка Какетикон. Он знает то, что он знает, и не слишком стремится узнать еще что-нибудь. Сквозь стекло мы видим его почти во весь рост. В левой руке у него стек, правая – в

Одри Кантли,

старшая дочь сэра Киса Кантли, вице-губернатора и главного судьи провинции Ассам. Родилась в 1923 г. в Шилоге. Окончила женскую школу в Абердине. После окончания Лондонской школы экономики (факультет антропологии) Лондонского Университета, 30 лет преподавала в Школе Востоковедения и Африканистики. Сейчас в отставке. Автор трех книг по религиям Индии. Много лет посвятила полевой антропологической работе в Ассаме и Бенгалии. Одновременно является специалистом в области психоанализа и ряда других психотерапевтических направлений. Вдова, имеет пятерых детей. После детства, проведенного в Индии, а затем в Шотландии, постоянно живет в Лондоне. Считает себя антропологом (это — безусловно). Согласилась участвовать в написании сценария из сострадания к психоаналитического творчеству Пятигорского.

кармане плаща. Швелленбайн его не видит.

Фохт. Ни с места! Руки на колени!

Швелленбайн (не глядя на него). Я и так сижу на месте.

Фохт. Где ваша машина?

Швелленбайн. В гараже, разумеется.

Фохт. Вы Фрихт? Так?

Швелленбайн. Нет.

Фохт входит в комнату.

Фохт. Я Фохт. Поселковый инспектор правопорядка. Что вы делаете здесь, в доме фрау Куртис?

Швелленбайн впервые с некоторым интересом смотрит на вошедшего. Отвечает он несколько неуверенно.

Швелленбайн. Видите ли, моя жена уехала к детям, и я пользуюсь случаем, чтобы разобрать бумаги.

Фохт. Так вы хотите сказать, что вы – герр Швелленбайн?

Во взгляде Швелленбайна – усталость.

Швелленбайн. Да, да, конечно.

Он опять смотрит на шкаф.

Фохт. О Боже! Простите меня, пожалуйста. Извините меня, прошу вас!

Фохт сильно смущен.

Швелленбайн. Пустяки! Не имеет значения.

Фохт. Позвольте узнать о здоровье вашей жены. Понимаете, я знаю ее с детства. Мы познакомились, когда нам было по десять лет.

Швелленбайн вздрагивает. Кажется, он решает спросить Фохта.

Швелленбайн. Герр Фохт, если вы будете так добры и перешагнете через эту гору бумаг, вы увидите в левом углу стол и на нем полиньяк и стаканы. К сожалению, нет льда – холодильник выключен. Будьте добры, налейте и мне стаканчик... Нет, нет, полный стакан – по крайней мере, мне!

Фохт разливает полиньяк и ставит стаканы на стол справа от Швелленбайна. Садится в кресло, стоящее между большим столом и дверью.

Швелленбайн. Вы знали Фредерика Куртиса, первого мужа Элано, моей жены?

Молчаливый по натуре, Фохт не склонен открывать местные секреты посторонним. Он торопливо допивает стакан и наливает себе новый.

Фохт. С вашего позволения, герр Швел-

ленбайн! Прозит! (Пьет.) Знал ли я его? Хотел бы я знать, кто его не знал. Но ведь вы же сами должны все о нем знать.

Швелленбайн. Да нет же. Я о нем ничего не знаю.

Фохт. Первый муж Элано... ну, это был человек, у которого на все было свое мнение.

Швелленбайн. Что это значит?

Второй стакан делает Фохта разговорчивее.

Фохт. Видите ли, герр Швелленбайн, вы – человек большого мира. А мы в нашем маленьком поселке – мы живем по законам, установленным свыше четырехсот лет назад. До меня здесь, по меньшей мере, пятнадцать поколений не дотрагивалось до оружия. Разумеется, я не говорю об охоте!

Швелленбайн. И о револьвере в вашем правом кармане! Полагаю, что это маузер! Но давайте вернемся к Фредериду, первому мужу Элано. Что он был за человек?

Не в силах уклониться от прямого вопроса, Фохт тщательно подбирает слова.

Фохт. Я бы, пожалуй, сказал, что он был оригинал. Прошу вас понять меня правильно. Я не хочу сказать о нем ничего плохого. Видите ли, мы все здесь, мы все – простые, обыкновенные люди. И когда кто-то строит дом на этаж выше других, мы удивляемся и, честно говоря, не вполне это одобряем. Должен признаться, с ним было нелегко. Но все же, в общем, он был – как бы это выразиться? – он был одним из нас. Он вырос с нами, в нашей долине, в тени нашей горы.

Швелленбайн глядит Фохту прямо в глаза.

Швелленбайн. Он был способен на неожиданные поступки – так?

Смущение Фохта сменяется страхом, что в подпитии он может сказать лишнее.

Фохт. М-да, пожалуй. Очень жаль, но мне, кажется, пора уходить. Уже второй час, моя жена будет беспокоиться. Еще раз простите меня за грубое вторжение, но, знаете ли, все было так неожиданно: ночь, свет в пустом доме, незнакомый человек. И странно, Элано всегда заранее предупреждает о своем приезде.

Фохт собирается уйти.

Швелленбайн. Кстати, а кто этот

Фрихт, за которого вы меня приняли?

Фохт снова в замешательстве.

Фохт. Понимаете, Фрихт – очень известный в этой части Федерации вор. Мы недавно узнали, что он отбыл свой срок в Дижоне и принялся за старое. Но извините меня, пожалуйста! Это было весьма глупо с моей стороны.

Швелленбайн. О, нисколько! Кстати, этот ваш вор, Фрихт – он тоже оригинал и человек из вашей долины и из-под вашей горы?

Фохт не замечает иронии Швелленбайна.

Фохт. Как бы это получше объяснить, герр Швелленбайн? Необыкновенное дело. Такое случается раз в столетие! Единственный преступник в наших краях и к тому же сын весьма уважаемого гражданина!

Швелленбайн. Единственный?

Фохт. Да, если память мне не изменяет. Уходит в стеклянную дверь.

Назавтра. Бар Лоренса. Поздний вечер.

Станционный ночной бар. Безлюдно, яркие огни отражаются в блеске бесчисленных бутылок и стаканов и на полированной поверхности мебели. У стойки Швелленбайн и его старый друг Кафте.

Кафте – ходячее представление о надежном человеке. Основательный, честный, с мягкими приятными манерами. Это добряк, искренне озабоченный делами других людей и практически проживанием жизни. При этом далеко не дурак. Исключительно начитан. Чуть полноват. В терминах алхимии его стихия – сочетание Воды и Земли.

Швелленбайн и Кафте стоят, положив друг другу руки на плечи. Слышны свистки проходящих поездов.

Кафте. Не могу поверить! Ты приезжаешь туда впервые за семнадцать лет. Эта чертова деревня, этот Какетикон должен быть потрясен оказанной ему честью.

Швелленбайн. Сначала меня приняли за грабителя. Я пытался разобрать бумаги Элано, но тут является герр Фохт, местный блюститель порядка, с маузером в кармане, и пытается меня арестовать. Разумеется, потом он долго извинялся.

Кафте. Фохт? Который Фохт? А, припоминаю. В ранней юности он не то был, не то считал себя женихом Элано. Но по-

том появился Фредерик, а кто хоть отдаленно мог сравниться с Фредериком?

Швелленбайн. Сколько ей тогда было?

Кафте. Едва исполнилось шестнадцать. Появляется бармен.

Кафте. О, мой друг Лоренс. Лоренс, познакомься, это мой друг герр Швелленбайн, спаситель города и гражданин номер один нашей Федерации.

Швелленбайн протягивает руку Лоренсу.

Швелленбайн. В Какетиконе, как мне показалось, я известен как муж Элано номер два.

Лоренс отходит и начинает протирать стаканы.

Кафте. Нелепо. Мы встречаемся впервые за столько лет, и ты, вместо того чтобы сразу приехать ко мне, под абсурдным предлогом, что тебе нужно разобрать бумаги, проводишь ночь в каком-то идиотском Какетиконе. А потом назначаешь встречу в станционном баре в середине пустыни на полпути между городом и поселком. Словно...

Швелленбайн. Нет, нет, насчет бумаг Элано ты не прав. Это не предлог. Я искал, я хотел найти... Я уверен, что нашел бы, если бы знал, что мне нужно.

Кафте. Но эти старые бумаги не могут иметь к тебе никакого отношения.

Швелленбайн. А вот это вопрос – могут или не могут? Мне необходимо знать.

Кафте. У русских есть пословица: много будешь знать, скоро состаришься.

Швелленбайн. Именно этого я и хотел бы – быть по меньшей мере на восемнадцать лет старше, на те восемнадцать лет, на которые моя жена старше меня.

Пьют. Бармен уходит. Слышны гудки проходящих поездов.

Озадаченный Кафте меняет тему разговора.

Кафте. Ты выглядишь усталым и, кажется, сильно похудел.

Швелленбайн. Неудивительно. Я не сплю уже больше двух месяцев.

Кафте. Как? Совсем не спишь?

Швелленбайн. Совсем.

Кафте. Но по какой причине?

Швелленбайн. Причина есть, только я не знаю, в чем она состоит. Почти три месяца, как я одержим мыслью, что забыл что-то крайне важное и если я этого не вспомню, мне конец!

Кафте. А что если все наоборот, то есть, если ты это вспомнишь, тебе и будет конец?

Швелленбайн. Ладно, ладно! По крайней мере, я смогу спать.

Кафте. Не уверен. Скажи мне, то, чего ты не можешь вспомнить, касается тебя теперешнего, твоей нынешней жизни или твоего раннего детства, о котором я ничего не знаю?

Швелленбайн. Нет, это случилось, когда мне пошел восемнадцатый год. Это точно. Потому что про тот год, между семнадцатью и восемнадцатью, я решительно ничего не помню. Все, что было до и после, я помню в мельчайших подробностях.

Кафте. Ты уверен? Давай рассмотрим этот вопрос систематически. Лоренс!

Появляется бармен.

Кафте. Будь добр, поставь на стойку сорок рюмок – по одной на каждый год замечательной жизни герра Швелленбайна. Налей во все полиньяку, во все, за исключением той, которая представляет восемнадцатый год.

Лоренс разливает полиньяк в рюмки.

Кафте. Видишь ли, Миним, память – дело чудное. Так как мы забываем почти все, может, важнее спросить себя, не почему мы что-то забываем, а почему мы что-то помним?

Швелленбайн. Какая разница?

Кафте. Далее. Предположим, ты это помнишь. Ты уверен, что тогда это было так, как ты сейчас помнишь? У памяти сильное воображение.

Лоренс закончил разливать полиньяк. Кафте вынимает из чаши на стойке кубик льда.

Кафте. Спасибо, Лоренс. Вернемся к нашему опыту. Этот кубик льда – то, что ты забыл, если только оно существует, ибо это еще надо доказать. Куда его положить?

Швелленбайн. В пустую рюмку.

Кафте опускает лед в пустую рюмку.

Кафте. Почему?

Швелленбайн. Потому что я помню, что находится во всех остальных... Что бы это ни было, я знаю, что это чрезвычайно важно, иначе бы я этого не забыл. (Швелленбайн прохаживается по бару.) Мне только что пришло в голову, что, может быть, все наоборот. Может быть, что-то оттого и случилось, что я о нем забыл!

Бармен кивает головой и уходит.

Кафте. Тыставишь телегу впереди лошади. Чтобы о чем-то забыть, ты должен был сначала это сделать.

Швелленбайн (резко). Ты говоришь, я что-то сделал. Что я сделал?

Кафте не обращает внимания на вопрос.

Кафте (задумчиво). Я познакомился с тобой, когда нам обоим было по восемнадцать, то есть сразу после твоего триумфа в городе. Вероятно, это было как раз в то время, когда ты выбрался из беспомытства, которое длилось год?

Швелленбайн (с раздражением). Нисколько! В то время я все прекрасно помнил. Это сейчас я начинаю выбираться из беспомытства, которое продолжалось двадцать два года.

Кафте. Не спеши. Рассмотрим этот вопрос с другой точки зрения. Ты страдаешь тем, что психиатры называют психогенной амнезией. Ты связываешь свою амнезию с ощущением, что ты забыл что-то жизненно важное. Допустим, ты прав. Нечто действительно случилось, и лед, тающий в рюмке, действительно существовал (в этом мире или в каком-нибудь другом – не мне судить). Ты только что сказал, что когда тебе было восемнадцать, ты это прекрасно помнил, и что сегодня ты не знаешь, что это было. Теперь скажи мне, когда ты впервые позабыл это? В девятнадцать лет, двадцать, двадцать один?.. (Он проводит пальцем по рюмкам.) Скажи, на которой остановиться?

Швелленбайн. Не могу. Я точно не знаю.

Кафте (торжествуя). Вот именно! Прекрасно, с рюмками я покончил. Теперь можно выпить. (Они пьют рюмку за рюмкой.) Но в одном мы можем быть уверены. Три месяца назад ты впервые осознал, что что-то забыл. Думаю, что твоя амнезия стала клиническим фактором только по прошествии двадцати двух лет потому, что нечто заставило тебя мысленно вернуться к тому году, о котором ты ничего не помнишь. Так вот, по-моему, дело не в том, почему и когда ты забыл, но в том, что заставило тебя вспомнить, что ты забыл.

Швелленбайн. Что заставило? Бессонница.

Кафте. Боюсь, ты опять ставишь телегу впереди лошади. Допивай полиньяк и пошли. Переночуешь у меня.

Швелленбайн беспомощно пожимает плечами. Они поднимают рюмки.

Машина Кафте. Ночь.

В машине Швелленбайн и Кафте, оба довольно хмельные. Швелленбайн закуривает сигарету.

Швелленбайн. Кстати, что собой представляет этот Фрихт, кроме того, что он вор и меня за него приняли?

Кафте. Фрихт – весьма колоритная фигура. На самом деле, он очень симпатичный человек. Наш учитель истории всегда ставил ему двойки. Он считал, что на все вопросы Фрихт отвечает непростительно односложно. Может быть, это и заставило парня вступить на такую стезю.

Швелленбайн. Что именно? Двойки или односложность ответов? Кстати, ты знал Фредерика, первого мужа Элано? Фохт сказал, что он был оригинал и у него обо всем было свое мнение.

Кафте включил зажигание, торопливо вывел машину и резко рванул баранку влево. Он избегает смотреть на Швелленбайна.

Кафте. Фредерик – оригинал! Ты, наверное, не расслышал. Наверно, он говорил о ком-то другом. Фредерик был не оригинал. Фредерик был негодяй и убийца.

Сквозь стекло машины мы видим озадаченное лицо Швелленбайна. Его губы беззвучно движутся.

Библиотека в городской квартире Кафте. Раннее утро.

Швелленбайн ходит по комнате с чашкой кофе и сигаретой в руках. Кафте еще завтракает за столиком у окна.

Швелленбайн. Кстати, почему ты назвал первого мужа Элано негодяем и убийцей?

Кафте. Наверно, потому что я был пьян.

Швелленбайн. И все же?

Кафте. Ты когда-нибудь слышал о так называемых людях Водена*, воденцах? Или, как они себя называют, новых алеманх?

Швелленбайн. Никогда в жизни!

Кафте. Сразу видно, что ты не один из нас.

Швелленбайн. Второй раз за два дня мне напоминают, что я не один из вас. Я бы не удивился, если бы это оказалось не так. Но вернемся к воденцам!

Кафте (смеясь). Видишь ли, болтать о них сейчас куда забавней, чем видеть их в деле двадцать четыре года назад. (Он встает из-за столика.) Взгляни на эти фотографии на стене. Это еще времена моего отца. Понимаешь, он был один из них. (Швелленбайн подходит к стене.) Класс кадетинской средней школы, сорок второй год. На экране – снимок класса мужской школы, все учащиеся в альпийском платье.

Кафте. В заднем ряду второй слева – я.

Он переходит со Швелленбайном к другому снимку.

* Воден (Один) – верховное божество древних германцев. (Прим. автора.)

Кафте. А это мой отец снял самого Амоса Лютенса. Он был основателем новых алеманов. (Фотография появляется на экране, описание см. в "Ретроспективе".) Он был учителем истории и призывал учеников возродить образ жизни древних алеманов. По его словам, Адольф Гитлер был слабак, либеральный вегетарианец, моллосос и так далее.

Ретроспектива. Класс в какетиконской средней школе. День.

Перед учениками стоит Амос Лютенс – длинноволосый и длиннородый человек среднего роста. В руках у него здоровенная сучковатая дубина.

Амос Лютенс. Только алеманы сохранили чистоту нашей древней германской крови. Их родичи, двинувшиеся на север, погубили свое драгоценное наследие, смешав его с кровью пруссов на Эльбе, финнов в Скандинавии и кельтов в Бретани. Только мы, алеманы, сохранили в чистоте нашу кровь и семья, не смешавшись в позорных браках с гельветскими убудками и римскими вырожденками. А теперь все крикнем: "Як, Як, Як!" Вы благородные потомки древних охотников с железными ногами и каменными сердцами.

Класс встает, все кричат: "Як, Як, Як!"

Библиотека в квартире Кафте. День.

Кафте. У Амоса была мечта. Он хотел возродить древнюю охоту на медведей с волками вместо собак – ибо именно так охотился сам Воден. Как и мой отец, Фредерик был его учеником и попытался воплотить эту мечту в жизнь. Первый муж Элано был не мечтатель, а человек действия. В ранней молодости он унаследовал от родителей несметное состояние. Он поехал в Баварию и там с помощью молодых немцев ловил и дрессировал волчат.

Швелленбайн. Но, Морис, это же чушь! Я не верю, что это было на самом деле.

Кафте. Еще как было. Знаешь ли, время было другое. Все распалось, кругом анархия, только грабь и разбойничай. Десятки миллионов людей не знали, на каком они свете. Разве мы можем судить наших отцов? Конечно, когда все понемногу вернулось в прежнее русло, люди образумились и снова стали, как ты сказал бы, прилич-

ными гражданами. Но только не Фредерик! Фредерик был не как другие!

Швелленбайн. Не как другие?

Кафте. И боюсь, что чем дальше, тем хуже. По Какетикону пошли слухи. Конечно, тогда мы были детьми, но мы подслушивали обрывки разговоров и подхватывали сплетни слуг. Похоже, он отвез одного юношу в свой охотничий домик в Шварцвальде. Потом говорили, что этот мальчик повесился.

Швелленбайн. Боже милостивый!

Кафте. Вот-вот! Дошло наконец!

Швелленбайн. Боже, но что в то время было с Элано?

Кафте. Не думаю, что Фредерик уже появился в ее жизни. Несчастье с мальчиком произошло, вероятно, в тысяча девятьсот двадцать пятом или двадцать шестом году. А он женился на Элано в двадцать седьмом, когда ей исполнилось семнадцать.

Город. Лестница обветшалого доходного дома конца прошлого века. Ночь.

Швелленбайн стоит на площадке и звонит в квартиру № 12. Дверь открывает Мельхиора, женщина лет двадцати двух – двадцати четырех, весьма худощавая, в явно немодном длинном платье. Он целует ей руку. Потом они целуются.

Мельхиора не проститутка, вернее называть ее полупроституткой. Она, скорее, миловидная, чем красивая, одевается скромно, почти бедно. По натуре она пассивна и податлива, что привлекает к ней многих мужчин, которые находят ее общество успокоительным. Это уютная добросердечная девушка, ни на кого не таящая зла. Швелленбайн очень нравится Мельхиоре, что не мешает ей отвечать на ухаживания других мужчин.

Спальня Мельхиоры. Ночь.

Мельхиора уже в постели. Швелленбайн, сидя на краю кровати, развязывает шнурки ботинок. Его пиджак висит на стуле.

Мельхиора. Вы ко мне от Элано или от меня к ней?

Швелленбайн откидывает ботинки и начинает расстегивать пуговицы на рубашке.

Швелленбайн. Можешь не верить,

крошка, но ни то, ни другое. На этот раз ты ошиблась. Это замечательно!

Мельхиора прерывает его:

— Но ведь вы всегда либо приходите ко мне тепленький из ее постели, либо разогреваетесь на мне, перед тем как перелечь к ней.

Швелленбайн перестает расстегивать рубашку, встает, достает из шкафа бутылку полиньяка и наливает себе полстакана. Затем закуривает сигарету и снова садится на край кровати.

Швелленбайн. Друг мой Мельхиора, твое обобщение имеет недостаток, присущий всем обобщениям. Оно слишком общо. На самом деле я не спал с женой более двух месяцев. Прямо скажем, я не спал ни с кем. Почти три месяца я вообще не сплю. Такова правда жизни.

Он пьет полиньяк и курит.

Мельхиора приближается к нему, обнимает его со спины и расстегивает на нем рубашку и пояс. Затем она неожиданно откидывается назад — на ее лице страдание, она вот-вот заплачет.

Мельхиора. А что ваша жена думает о том, что вы не спите с ней почти три месяца?

Швелленбайн сбрасывает брюки на пол и внимательно смотрит на Мельхиору.

Швелленбайн. Что она думает? Бог знает! Могу сказать тебе, что она говорит: ничего, абсолютно ничего. Дело в том, крошка, что моя жена Элано — дама...

Мельхиора (перебивает его). А я — шлюха!

Швелленбайн (невозмутимо). Друг мой Мельхиора, это не имеет ни малейшего отношения ни к роду занятий, ни к воспитанию, ни к происхождению. Быть или не быть дамой — свойство природы. Дама — это женщина, которая никогда не задает вопросов ни себе, ни другим. Знаешь, милая, не так-то просто быть с женщиной, которая никогда не задает вопросов. Но о тебе этого никто не скажет!

Мельхиора. Почему вы не можете спать?

Швелленбайн. Этого-то я и не знаю.

Мельхиора. Погодите, что-то здесь не так. Вы, случайно, не убили кого-нибудь?

Швелленбайн (задумчиво). Как знать? Это вполне возможно, хотя совершенно не вероятно, как сказал бы Честертон. Или это

более чем вероятно, но недоказуемо за отсутствием свидетелей, как сказал бы наш знаменитый прокурор герр Рихтер.

Мельхиора. Перестаньте!

Мельхиора выключает свет.

Спальня Мельхиоры. Полная темнота. Ночь.

Ничего не видно. Неожиданно раздается безумный крик Мельхиоры.

Мельхиора. Герр Швелленбайн! Герр Швелленбайн! Проснитесь, проснитесь! Ради Бога проснитесь! Проснитесь или я сойду с ума...

Швелленбайн включает лампу на столике у кровати.

Швелленбайн. Мне не надо просыпаться. Я не спал ни минуты. Что случилось, крошка? Отчего ты кричишь?

Он садится в постели и смотрит на нее.

Мельхиора. Вы сказали... Я не поняла, вы говорили так быстро. (Она вытирает слезы подушкой.) Я заснула сразу после того, как мы кончили. Я думаю, что спала, когда вдруг услышала, что вы говорите быстро-быстро. Я постаралась вслушаться, но испугалась и проснулась.

Швелленбайн (чрезвычайно резко). Что я говорил? Скорее!

Мельхиора. Что-то вроде: "Свет! Он меня слепит!" Пожалуйста, простите меня. Наверно, мне только показалось.

Швелленбайн (кричит). Продолжай!

Мельхиора (словно в трансе). Вы говорили ужасно неприличные вещи. Вы кричали: "Ты, жирная жопа, я воткну в тебя этот стек так, что он у тебя из носа вылезет". (Она испуганно умолкает. После паузы продолжает.) Простите меня, пожалуйста, герр Швелленбайн. Это так неприлично, что лучше не повторять.

Швелленбайн встает и наливает себе полиньяк с водой. Он подносит стакан к губам, но не может пить. Он закуривает сигарету, но тотчас гасит ее о пепельницу. Обхватив голову руками, он садится на край кровати.

Вторая ретроспектива. Ночь.

Слепящий свет в раме полной тьмы. В реальности так не бывает.

Свет льется из зала ожидания маленькой железнодорожной станции. Открытая дверь зала выходит на небольшую пло-

шадь. По площади к двери бежит юноша. Мы не видим его лица. Он врывается в зал ожидания, на мгновение останавливается от яркого света, бежит к открытому выходу на платформу.

Преграждая ему путь, в двери стоит чрезвычайно рослый, плотный мужчина лет сорока. На голове – высокая офицерская фуражка, вроде тех, какие носили жандармы в девятнадцатом веке. В руке у него стек. Рядом с ним, слева – другой мужчина, молодой, слегка женственный, что-то вроде адъютанта или ординарца. С пояса свисают кортик и пистолетная кобура. Справа три неясных фигуры в альпийских костюмах. Слышен гудок приближающегося поезда.

Юноша спешит на поезд. Адъютант кричит на него высоким фальцетом:

– Стой! Назад! Выхода на платформу нет!

Старший мужчина поигрывает стеклом перед лицом юноши.

Юноша. Пропустите меня! Я опаздываю. Мне нужно на этот поезд!

Поезд ухает и замедляет ход перед остановкой.

Старший мужчина. Ты уже опоздал на него, недоёбьш!

Юноша инстинктивно взмахивает руками, чтобы защититься от удара стека. Старший мужчина хлестнул его по лицу, сдирая кожу на правом виске, из раны сочится кровь.

С искаженным злобой лицом, юноша крича выхватывает из левого кармана маузер и в упор стреляет в мужчину и адъютанта. Затем он перекладывает маузер в правую руку и стреляет в три неясных фигуры в альпийских костюмах.

Зал наполняется дымом. Слышно, что почти остановившийся поезд, словно изменив намерение, после еще одного гудка отходит от станции. Машинист, очевидно, слышал выстрелы и решил не останавливаться.

(Необходимо заметить, что на протяжении всей сцены юноша снят со спины или сбоку, так что зритель не может разглядеть его лицо.)

Спальня Мельхиора. Утро.

Швелленбайн спит, уткнувшись лицом в подушку. Мельхиора в халатике варит

кофе. Швелленбайн открывает глаза и широко улыбается.

Швелленбайн. Кофе! Кофе! Полцарства за кофе!

Мельхиора подает ему чашку кофе. Он садится в постели, целует Мельхиору и одним глотком опустошает чашку.

Мельхиора. Вы спали, Миним. Спали! Спали! Это победа. Мы победили!

Швелленбайн начинает одеваться.

Швелленбайн. Да, крошка. Кажется, полдела сделано.

Швелленбайн наливает себе еще чашку, пьет ее очень медленно, закуривает сигарету.

Мельхиора. Какого дела?

Швелленбайн. Нашего, крошка! Нашего! Пора подумать и о будущем. Кто знает, что со мной будет через две недели, даже через два дня? Сама того не подозревая, ты приобрела в этом деле контрольный пакет акций, и теперь я должен тебе кучу денег.

Мельхиора. Вы с ума сошли! Вы ничего мне не должны.

Не выпуская из рук ни чашки с кофе, ни сигареты, Швелленбайн набирает номер телефона.

Швелленбайн (говорит еще быстрее, чем обычно). Это вы, Мозер? Простите, что беспокою так рано. Очень срочное дело. Пожалуйста, включите диктофон, и я начну диктовать. Вы готовы? (Диктует.) Я поручаю вам сегодня не позднее десяти часов утра перевести с моего счета в Первом федеральном банке на счет, который вы откроете сегодня же до десяти часов утра на имя фройляйн Мельхиоры Фредерики Хорнер, проживающей по адресу Дебенштрассе 35, квартира 12, сумму в полмиллиона федеральных франков. Капитал сохранять в течение пяти лет, ежегодно выплачивая вышеуказанной особе ренту в размере до пяти процентов с капитала. В десять минут одиннадцатого мы с ней ждем вас в банке для подписания бумаг. В то же время вы с Эриком должны подготовить акт о собственности, дающий ей право по истечении двадцати пяти лет распоряжаться всем капиталом по своему усмотрению. Вы с Эриком должны успеть подготовить все до моего прихода без помощи служащих и секретарей. Дело сугубо конфиденциальное. Пока все.

Нет, я, как обычно, в здравом уме и твердой памяти. Нет, сегодня я не могу с вами обедать. До встречи!

Улица в центре города, по которой едут очаровательные допотопные трамвайчики. На тротуаре Швелленбайн и Элано.

Элано – знаменитая красавица, отчужденная, статуарная, одним словом, богиня. То, что она собой представляет, менее важно, чем то, как видят ее люди, которые перед ней преклоняются. Она слишком изысканна, чтобы повелевать, ее власть – в способности окружать себя атмосферой власти. Она привлекает мужчин главным образом потому, что сама избирает их, а не они ее. Она способна сильно чувствовать, но никогда этого не выдает... Она ни к чему не стремится, и поэтому невысказано назвать ее властной. Но где-то она чувствует, что не полностью владеет Швелленбайном.

Элано. Погоди, дорогой мой! Ты же знаешь, я не в силах пройти мимо этой витрины.

Они останавливаются перед витриной антиквара.

Элано. Боже мой! Я думала, все эти вещи давным-давно ушли из истории.

Швелленбайн. Какие вещи? Из истории ничего не уходит, друг мой, Элано. Но я не вижу в этой витрине ничего примечательного.

Элано. Погляди, Миним, погляди! Видишь эту высокую офицерскую фуражку?

На лице Швелленбайна полная растерянность. Элано рассматривает витрину и не замечает того, что происходит с ним.

Элано. Нет, погляди! Точно такая же фуражка была на Фредерике двадцать три года назад, когда он совершил свою последнюю вылазку из города, из которой так и не возвратился. Его убили в этой фуражке.

Швелленбайн. Кто сказал, что его убили? Он мог провалиться сквозь землю и появиться на противоположной части земного шара, где-нибудь на Таити или на Огненной Земле, и по сей день там благоденствовать.

К тротуару подъезжает "мерседес". Шофер в униформе выходит, кланяется Элано и Швелленбайну и открывает дверцу. Элано садится в машину.

Элано. Спасибо, Джеймс. Но, мой милый, его смерть была официально засвидетельствована, заверена и зарегистрирована. Иначе я бы не могла выйти за тебя, дорогой мой. Я на полчаса заеду к парикмахеру. До свидания!

Она целует его. Машина отъезжает. Швелленбайн не в состоянии оторваться от витрины. Затем, словно приняв важное решение, он входит в лавку.

Городская квартира Кафте. Зябкий предвечерний час.

Небольшая уютная комната. Горит камин. На столике остатки еды, стаканы, графин с водой и бутылка виски. Кафте смешивает виски с водой и пытается извлечь щипцами кубик льда.

Кафте (возясь со льдом). Я всегда говорил, что ты человек успеха. Вот и теперь, после почти трех месяцев бессонницы, ты берешь и засыпаешь. Это нечто!

Швелленбайн. Ничего себе успех! Мне просто повезло. Без этой женщины прошлой ночью я бы никогда не заснул.

Кафте. Говори, говори! А восемнадцать лет назад, в твой великий триумф в городе – тебе тоже просто повезло?

Швелленбайн. Нет. Тогда успех был мой, и только мой. Никто не помогал мне: ни человек, ни Бог. Я сам помножил два на два и получил четыре. Я сам додумался до того, что получить четыре, сложив два и два, не даст того эффекта, к которому мы стремились. Получилось бы четыре, но не те четыре, которые были нужны городу.

Кафте, наконец, удается опустить в стакан кубик льда, и он, торжествуя, пьет.

Кафте. За твоё здоровье, Миним! Все очень просто. Кто-то убивает, кто-то спасает. Кто убивает, тот убивает. А кто спасает, тот спасает.

Швелленбайн. Но что если это одно и то же лицо?

Кафте. Тогда это как если бы у одного человека было два счета в разных банках. На одном всегда кредит, на другом – дебет. И одним нельзя покрыть другой.

Кабинет прокурора. День.

Прокурор Рихтер за письменным столом. Швелленбайн сидит напротив него.

Рихтер – очень умен, но, может быть, чуточку чересчур серьезен. Для него за-

кон, как и все мироздание, – естественная сфера применения его замечательных умственных способностей. Он ценит знания ради знаний, а не ради достижения власти. Внешность у него довольно заурядная и воображение не слишком богатое. Он скорее догадлив, чем проницателен. Но недооценивать его опасно.

Швелленбайн. Стало быть, если вы все поняли, – значит все в порядке.

Рихтер. Я прекрасно понял все, за исключением одного. Чего вы от меня хотите, герр Швелленбайн?

Швелленбайн. И это после всего, что я вам рассказал! Пригласите кого-нибудь в качестве свидетеля, скажем, эту вашу секретаршу. Я продиктую признание, и вы начнете дело по обвинению меня в гнуснейшем преступлении, а именно, в убийстве первого мужа моей жены и трех других лиц. Вы даже можете сейчас меня арестовать, чтобы я не сбежал. Делайте же что-нибудь!

Рихтер. К сожалению, герр Швелленбайн, я не могу сделать ничего подобного.

Швелленбайн. Вы мне не верите? Стало быть, вы считаете, что я сумасшедший или лжец!

Рихтер. Ничего подобного! Допустим на мгновение, что я вам верю. Но в подобных случаях совершенно неважно, верю я вам или нет. Я не могу начать дело против вас только на основании вашего признания. Чтобы добиться успеха – если вы называете это успехом! – вам необходимо найти хотя бы одного свидетеля, но я очень сомневаюсь, что вам это удастся. Что до меня, я последний, кто стал бы вам в этом помогать.

Рихтер поднимается. Швелленбайн тоже встает.

Швелленбайн. Уверяю вас, прокурор, свидетеля я найду.

Рихтер. Не думаю, что это будет возможно, герр Швелленбайн, даже при ваших деньгах и связях. Вы же сами только что заявили, что убили всех участников происшествия.

Рихтер открывает перед Швелленбайном дверь. Швелленбайн останавливается в проходе.

Швелленбайн. Я вам сказал, что убил Фредерика и еще троих. Но их там было пятеро. Один из них, стало быть, не убит.

И я найду этого пятого, который спасся. Можете не сомневаться! (Уходит.)

Рихтер. Тогда позвольте пожелать вам успеха, герр Швелленбайн. Всего доброго!

Рихтер садится за письменный стол. Нажимает кнопку звонка. Входит секретарша.

Рихтер. Скажите, Мари, вы еще не зарегистрировали визит герра Швелленбайна?

Мари. Я как раз собиралась это сделать, герр прокурор.

Рихтер. Тогда, пожалуйста, не делайте этого! Это приказ.

Мари (в изумлении). Но, герр прокурор, это противозаконно.

Рихтер. Дорогая моя Мари, с вашей стороны, было бы противозаконно, если бы вы стерли или каким-либо другим способом уничтожили уже сделанную запись. Но не сделать запись – опять же с вашей стороны – не более чем легкое нарушение служебной дисциплины, за которое я принимаю на себя всю ответственность. Более того, если вас когда-либо спросят, официально или неофициально, вы должны отвечать, что никакого визита не было. Это второй приказ!

Мари (твердо). Но, герр прокурор, если кто-нибудь присягнет, что видел, как герр Швелленбайн входил в прокуратуру...

Рихтер (перебивает ее). Тогда мы ответим, что Швелленбайн, очевидно, был в здании, но не входил сюда.

Мари. А если я не захочу лгать и скажу, что входил?

Рихтер. Естественно, я не стану опровергать ваше заявление. Мне, вероятно, придется сказать, что он провел все это время у вас, а не в моем кабинете, и что лично я его не видел.

Мари. А если я присягну, что он разговаривал с вами?

Рихтер (снисходительно). Тогда мне придется сказать, что, по-видимому, вы ошиблись. Мы с ним не разговаривали.

Рихтер показывает, что спор утомил его.

Рихтер. Прошу вас, поверьте мне, Мари: в этом городе и, вероятно, во всей Федерации вы вряд ли найдете кого-нибудь, кто знает закон лучше меня. Дальнейших поручений на сегодня вам нет, потому что у меня до сих пор не было времени подготовиться к семинару в университете.

Университетская аудитория в средне-вековом готическом здании. День.

Аудитория забита студентами и студентками, некоторые из них весьма великовозрастные. Приглашенный лектор облачен в мантию, рядом с ним лежит его шляпа шестнадцатого века. Это Рихтер; он выглядит усталым, но в лице твердость и решительность.

Рихтер. Дамы и господа, я хотел бы начать этот семинар по современной философии права кратким и в высшей степени субъективным заявлением. Тема нашего сегодняшнего семинара – основополагающая мысль о равенстве всех людей перед законом. Да, я согласен. С юридической точки зрения, все, находящиеся в сфере действия закона, равны между собой. Но с точки зрения философии, стоит только внести в наши рассуждения фактор времени, как люди сразу же оказываются неравными. Сейчас, здесь, в этой самой аудитории присутствуют люди разного образа мыслей и разного воспитания, что естественным образом соотносит их с различными временами. Они не согласятся друг с другом в определении добра и зла. Судить их согласно одному общему для них всех закону и есть создавать между ними неравенство. Главная ошибка двух наиболее влиятельных и наиболее оглупляющих учений нового времени, марксизма и психоанализа, заключается в принятии вневременной абстрактной идеи человека. Они с пеной у рта доказывают, что человека нельзя сфальсифицировать. Я утверждаю, что делать этого и не требуется. Человек уже себя сфальсифицировал. Всю историю он только этим и занимается...

Бар Лоренса. Вечереет.

Бармен Лоренс, как и прежде, протирает стаканы. Слышны гудки поездов. Входит Швелленбайн.

Лоренс. Добрый вечер, герр Швелленбайн! Полиньяк?

Швелленбайн жмет ему руку.

Швелленбайн. Добрый вечер, Лоренс! Да, пожалуйста! Если это не слишком рано для вас, выпейте со мной!

Лоренс. С удовольствием!

Наливает две рюмки полиньяка.

Швелленбайн. Спасибо, Лоренс!

Лоренс. Ваше здоровье, герр Швеллен-

байн! (Чокаются.) Вы, вероятно, почтили мой бар своим посещением, чтобы задать мне несколько вопросов. Не так ли?

Швелленбайн. Поразительно! Мы встречаемся сегодня второй раз в жизни, а вы уже читаете мои мысли.

Лоренс. Во второй раз! Почему вы так думаете, герр Швелленбайн?

Швелленбайн (смеется). Я, пожалуй, предложу вам пост вице-президента "Омнихима", моей компании. Теперешний вице-президент в подметки вам не годится!

Лоренс (серьезно). Простите меня, герр Швелленбайн, но я вынужден решительно отклонить ваше любезное предложение. Я готов помочь вам любым другим способом. В частности, сделать то, зачем вы сюда пришли.

Швелленбайн. Вы лично знаете Фрихта?

Лоренс. Даже очень хорошо! Настолько хорошо, насколько один человек может знать другого.

Швелленбайн. Если не считать его поразительную способность красть, что, по-вашему, является его главным свойством?

Лоренс. По-моему, слава Фрихта в Федерации, а может, и во всем мире, основана не на его поразительной способности красть, но на поистине удивительном таланте тотчас исчезать без следа. В этом ему нет равных.

Швелленбайн. Но, согласитесь, его ведь поймали, по крайней мере один раз. Иначе с чего бы он отсидел шесть лет в Дижоне?

Лоренс снисходительно выслушивает Швелленбайна.

Лоренс. О нет, герр Швелленбайн! Решительно нет! В данном случае вы заблуждаетесь. Это происшествие горько оплакивали все его друзья. Он пошел в тюрьму вовсе не из-за произвольного и одностороннего решения изменить принадлежность вещи, которое мы называем кражей. Это было посягательство на нечто совсем иное, скажем, на нечто одушевленное женского рода. Короче говоря, речь идет о чести дамы. Застигнутый на месте преступления, несчастный должен был как-то объяснить факт своего присутствия в чужой спальне. И он дал объяснение, наиболее согласующееся с его репутацией.

Швелленбайн (утирает слезы). Вам нет

цены, Лоренс! Я сохраняю за вами пост вице-президента до тех пор, пока вы не передумаете. Вот, стало быть, откуда взялась дижонская тюрьма! Фрихт, конечно же, незаурядный человек!

Лоренс. Извините меня, пожалуйста, за такое сравнение, герр Швелленбайн, но он первый в своем деле, так же как вы в вашем.

Швелленбайн. Мне необходимо встретиться с ним. Лоренс, вы можете мне это устроить? В любое время, в любом месте. И на его условиях.

Лоренс. Одну минутку, пожалуйста. Мне надо только позвонить.

Лоренс наливает Швелленбайну еще одну рюмку и исчезает за перегородкой.

Тот же день. Смеркается. Улица перед позднеготическим зданием университета.

Кафте и прокурор Рихтер стоят на мостовой и смотрят на здание университета. Студенты громят юридический факультет. Осколки битых стекол летят на улицу. Из окон сыпятся горшки с цветами, пишущие машинки и картотечные ящики. Мостовая усеяна карточками и разнообразными бумагами. На стене университета огромными буквами намалевано: "Все свиньи равны перед законом. Долой свинский закон!"

Кафте. К несчастью, мы родились слишком поздно и не могли принять участия во второй мировой войне наших отцов. Кажется, теперь за это приходится расплачиваться.

Рихтер. Нет, это все пустая имитация. Сыновья пытаются уничтожить своих отцов фигурально, в то время как отцы убивали друг друга напрямую, физически.

Спальня Мельхиоры. Вечер.

Мельхиора полулежит на кровати. На краю очень прямо сидит Фрихт, сложив руки на коленях. Ему лет сорок, он в смокинге с белым галстуком. Рядом с ним на столике лежат белые лайковые перчатки и элегантный серебряный мундштук.

В других обстоятельствах Фрихт мог бы сойти за первоклассного финансиста, зубного врача, ювелира или даже полицейского. Его стопроцентная уверенность в себе основана, скорее, не на успехах, а на совершенном знании его сферы деятельности. Он знает своих женщин, своих сограж-

дан (которых обкрадывает), свой город. Но главное, он знает себя. При этом не считает нужным, чтобы другие знали его, и не говорит того, что можно было бы оставить несказанным. Фрихт чрезвычайно высокого роста, он движется так же медленно и обдуманно, как и говорит. В данной истории он – полный контраст Швелленбайну. В терминах алхимии он – соединение Огня и Земли.

Мельхиора. Раздевайся же! У нас сегодня полно времени, правда?

Фрихт. Да.

Мельхиора. До полуночи?

Фрихт. Нет, до десяти.

Мельхиора. Значит, мы потом не сможем куда-нибудь зайти и выпить?

Фрихт. В одиннадцать мне надо зайти в бар к Лоренсу. Если хочешь, идем со мной, там и выпьем.

Мельхиора. Чудесно! Обожаю Лоренса. Все девушки его любят, правда?

Фрихт. Не знаю.

Мельхиора. Да раздевайся! (Начинает развязывать ему галстук.) Ой, Бертольд, я совсем забыла. Пожалуйста, не оставляй мне больше денег. Я теперь очень богатая.

Фрихт. Швелленбайн?

Мельхиора. Да. (Звонит телефон. Мельхиора берет трубку.) Алло! Да, конечно, сейчас же! (Передает трубку Фрихту.)

Фрихт. Да. Да. (Жестами просит Мельхиору зажечь ему сигарету. Берет сигарету и глубоко затягивается.) Да. По-твоему, это неизбежно? Понимаю. Тогда прямо сейчас. До свидания! (Фрихт встает, подтягивает галстук, сует мундштук в карман брюк и надевает перчатки.) Мне надо идти к Лоренсу сейчас, а не в десять, и одному.

Бар Лоренса. Ночь.

Швелленбайн, обхватив голову руками, сидит за столиком лицом к стойке. Перед ним наполовину пустая бутылка полиньяка. Часы бьют десять. Он поднимает голову и видит, что перед ним за тем же столиком сидит Фрихт. Фрихт снимает перчатки и протягивает Швелленбайну руку:

– Я Бертольд Фрихт. Очень рад, наконец, познакомиться с вами. Я столько о вас слышал, но ни разу не видел.

Швелленбайн с чувством пожимает ему руку.

Швелленбайн (с убежденностью). Я полагаю, что в этом вы ошибаетесь, мой дорогой Бертольд.

Фрихт. Ошибаюсь в чем?

Швелленбайн. В том, что мы никогда не встречались.

Фрихт. До сих пор память мне не изменяла.

Швелленбайн. Стало быть, это впервые. Как дижонская тюрьма.

Фрихт чувствует, что теряет инициативу, и начинает раздражаться.

Фрихт. Что это? Открытый гамбит к разговору века?

Швелленбайн наливает Фрихту полиньяка.

Швелленбайн. Капельку полиньяка?

Фрихт. Можно. Для разнообразия.

Пьет.

Швелленбайн. Я пригласил вас, чтобы попросить об одолжении, об очень важном, бесценном одолжении. О таком одолжении я бы не осмелился попросить никого, кто меня никогда не видел.

Фрихт бледнеет от напряжения. Постепенно черты его лица расслабляются, и он улыбается узкой женственной улыбкой.

Фрихт. Я все понял, Миним. Вы хотите сказать, что не вы должны опознать меня, а я вас. Верно? Но давайте вернемся к одолжению, о котором вы просите.

Швелленбайн. Великолепно!

Он отхлебывает полиньяк и закуривает сигарету.

Швелленбайн. Итак, мой дорогой Бертольд. Весна тысяча девятьсот сорок пятого. Ночь. Ослепительный свет в зале ожидания на железнодорожной станции. Перед выходом на платформу стоят пять человек – Фредерик в высокой офицерской фуражке... (Швелленбайн наклоняется, из сумки, лежащей на полу, вынимает фуражку и кладет ее на стол рядом с полиньяком.) ...со стеклом в руке... (Он достает из той же сумки стек и кладет его рядом с фуражкой.) Рядом с ним очень высокий адъютант с автоматом и три вооруженных мальчика в альпийском платье. Вы были одним из них – так, Бертольд?

Фрихт хмыкает:

– Я никогда не был мальчиком Фредерика.

Швелленбайн. О нет, нет! Я не имел в виду ничего подобного. Меня не интере-

суют интимные подробности жизни Фредерика. Я продолжаю. В зал ожидания врывается юноша. Он боится опоздать на поезд, который должен подойти с минуты на минуту. Фредерик загораживает ему выход на платформу. Юноша пытается прорваться к выходу, – но Фредерик рассекает ему висок. (Швелленбайн указывает место.) Юноша орет ему в лицо неприличнейшие ругательства, что в данных обстоятельствах весьма оправданно... левой рукой выхватывает маузер... (Из того же мешка Швелленбайн достает маузер и кладет его на стол.) Он стреляет в упор во Фредерика и его адъютанта, затем перекладывает маузер в правую руку – вот так... (Он показывает, как именно) ...и стреляет в трех остающихся мальчиков. Если учесть, что юноша – левша, тогда, держа маузер правой рукой, он не может быть точен в стрельбе, так что шансы одного, по крайней мере, из троих уцелеть значительно возрастают. Я так благодарен этому обстоятельству! Если бы не оно, я был бы лишен удовольствия нашей сегодняшней беседы. Итак, скажите, было ли все так, как я описал?

Фрихт. Именно так.

Швелленбайн. Одолжение, о котором я вас так прошу, – это письменное заявление, подтверждающее мои слова. Я сознаю, что для вас появление перед судьей может означать некоторые... юридические осложнения. Естественно, я готов подчиниться любым вашим условиям.

Нельзя сказать, что история Швелленбайна оставила Фрихта равнодушным. Как всегда, он сидит прямо, руки сложены на столе. На лице его усталость и досада на то, что его уже опередили как минимум на шаг, к чему он не привык. Появляется Лоренс. При виде экспонатов на столике он всплескивает руками в притворном изумлении.

Лоренс. Что это? Импровизированный урок истории последних месяцев второй мировой войны? Господи, только взгляните на этот божественный маузер, этот великолепный офицерский стек, эту фуражку! У какого антикара в Европе вы откопали все это, герр Швелленбайн?

Швелленбайн откидывается в кресле и вытягивает ноги. Глаза его полузакрыты. Лоренс наклоняется к Фрихту, который, почти не шевеля губами, что-то шепчет ему

на ухо. Это продолжается минуту-две. Затем Лоренс выпрямляется.

Лоренс. Это превосходный план, герр Швелленбайн. И все же, он может столкнуться с некоторыми – как бы это поточнее сказать? – техническими проблемами. Ибо, к величайшему сожалению, отношения герра Фрихта и правоохранительных органов Федерации до сих пор омрачены взаимным непониманием. Мне кажется, было бы разумно принять некоторые меры предосторожности. Скажем, заручиться для нашего друга гарантией неприкосновенности.

Швелленбайн бросает на него взгляд.

Швелленбайн. Лоренс, разрешите от вас позвонить.

Лоренс. Я сейчас принесу вам телефон.

Лоренс исчезает за стойкой и немедленно появляется с телефоном в руке. Швелленбайн набирает номер.

Швелленбайн. Ради Бога, простите меня, герр Рихтер, что тревожу вас в такое позднее время! Дело очень срочное. Я нашел свидетеля, свидетеля моего преступления, и он готов написать заявление, подтверждающее мои слова. Но если ему придется появиться в суде, мне необходимо получить для него гарантию неприкосновенности в связи с некоторыми шероховатостями в его биографии, которые не имеют отношения к моему делу. Его имя? (Он смотрит на Фрихта. Фрихт кивает.) Это герр Бертольд Фрихт. Только ваше слово? О, герр Рихтер, вашего слова более чем достаточно! Огромное вам спасибо, герр Рихтер, и еще, пожалуйста, извините меня. Завтра? В половине девятого утра я приду к вам со своим адвокатом. Спокойной ночи! (Швелленбайн кладет трубку.) Значит, решено! Я ваш неоплатный должник, герр Фрихт.

Фрихт склоняет голову.

За перегородкой бара звонит телефон. Лоренс выходит и почти сейчас же возвращается.

Лоренс. Простите меня, герр Швелленбайн, но джентльмен, назвавшийся Эрихом, желает поговорить с вами лично. Он настаивает на этом. Говорит, что разыскивает вас целый день.

Швелленбайн хмурится и уходит за перегородку. Фрихт и Лоренс молча сидят за

столом. Время от времени доносятся обрывки слов Швелленбайна. Содержание разговора отражается на лицах Фрихта и Лоренса.

Голос Швелленбайна. ...Что случилось? ...Элано с тобой? О, Боже, "Омнихим"!.. Из Нью-Йорка?.. Господи!.. Сколько? Сорок шесть миллионов! Фирме – крышка... Что?.. Утренние газеты? К черту газеты... И к черту "Омнихим"! Послушай, Эрих, у меня для тебя по-настоящему, по-настоящему серьезное дело. Завтра в кабинете прокурора в половине девятого... Что? Я сошел с ума? Забудь... В половине девятого минута в минуту! (Швелленбайн возвращается.) Прошу простить меня, дорогой мой Лоренс, но я, к сожалению, уже не могу предложить вам пост вице-президента. "Омнихим" прогорел и более не существует. И я – банкрот.

Лоренс наливает всем полиньяку.

Лоренс. Ваше здоровье, герр Швелленбайн!

Швелленбайн (задумчиво). И какого дьявола мы послушали этого кретина Эберле и окрестили компанию этим отвратительным гибридным именем? Надо было назвать ее "Панхим" – чистый греческий.

Лоренс. Вы думаете, это помогло бы, герр Швелленбайн?

Швелленбайн. Боже, как все странно! Я вернулся сюда как чужой. А теперь, впервые за все эти годы, я вдруг чувствую себя дома. (Пьет.) Бертольд, только три дня назад кто бы подумал, что мы так связаны друг с другом?..

Фрихт (перебивает его). Боюсь, Миним, мы связаны с вами не только этим. Все пьют.

Спальня Элано. Та же ночь.

Обширная комната в белых тонах. Огромная старинная кровать с белым балдахинном. На столике у кровати хрустальная лампа. Элано лежит на кровати, заложив руки за голову.

Швелленбайн без галстука и пиджака, в рубашке с расстегнутыми пуговицами сидит на краю кровати. Он перебирает пачку писем и телеграмм, лежащих на коленях. Время – около четырех утра.

Элано. Итак, мой дорогой, ты решил не спасать "Омнихим", не посоветовавшись со мной.

Швелленбайн. Друг мой Элано, у меня нет сорока шести миллионов франков. Советоваться с тобой значило бы у тебя их просить. Но воспользоваться твоими деньгами в данном случае было бы некрасиво и, более того, совершенно бессмысленно.

Элано. По крайней мере, ты мог бы предоставить решать это мне самой.

Швелленбайн. Друг мой Элано, ты прекрасно знаешь, что я не поклонник красивых жестов. (Он улыбается.) Стало быть, теперь, когда я до основания разорен, может быть, сердце подскажет тебе выделить мне немного карманных денег?

Элано. Можешь быть уверен, я буду держать тебя на коротком поводке. (Она выключает свет.) В постель! Брось вещи на пол!

Спальня Элано. Раннее утро.

Элано спит лицом к стене. Швелленбайн сидит в постели, при свете лампы разбитая телеграммы. Телефон на столике звонит. Он берет трубку.

Швелленбайн. Эрих? Видишь ли, мне в первый раз в жизни не нужны новости. (Он смеется.) Даже хорошие новости... Что? Боже мой, сколько?.. Нет, нет! (Прикрывает микрофон ладонью и продолжает шепотом.) К черту "Омнихим"! С меня достаточно. Ни в коем случае не звоните в утренние газеты. Напоминаю, нам через час надо быть у прокурора.

Кладет трубку. Элано проснулась и нежно глядит на него. В ее глазах ни намек на вопрос.

Швелленбайн. Это Эрих, ему только что звонил мамин адвокат. Вчера было оглашено ее завещание. Я получаю чистыми миллионов пятьдесят.

Элано улыбается.

Элано. Какая жалость! Значит, тебе не будут нужны от меня карманные деньги. Теперь ты спасешь "Омнихим", и все будет по-прежнему.

Швелленбайн. Ничуть! Ничего подобного я делать не собираюсь! Я не намерен ни к чему возвращаться.

Элано. Как?

Швелленбайн приходит в волнение. Он вскакивает с кровати и начинает расхаживать взад-вперед.

Швелленбайн. Божественная моя Элано, ты спросила "как"? Первый вопрос за

всю нашу жизнь. Это не моя победа, скорее триумф твоей природы. И никто, и ничто, моя обожаемая Элано, не устоит перед этим триумфом. (Швелленбайн очень быстро одевается.) Не заботься о кофе. Я выпью кофе с Эрихом по пути в прокуратуру. Нам надо кое-что обсудить. Возможно, я не смогу вернуться к обеду. В этом случае с тобой будет обедать Эрих, он все объяснит.

Элано. Что?

Кабинет судьи. День.

Длинный овальный полированный стол. Во главе стола сидит судья Петерс, худой, высокий, лет тридцати пяти. Напротив него прокурор Рихтер. Слева от Рихтера – Швелленбайн и его адвокат – Эрих Шредер. Справа, то есть между Рихтером и Петерсом, – Фрихт и письмоводитель. Письмоводитель все время пишет.

Петерс. Доброе утро, джентльмены! Полагаю, что присутствующие не в равной мере знакомы с порядком судебного расследования. Заметьте: я сказал – расследования, а не следствия. Это имеет особое значение, ибо судебное производство в нашем городе полностью независимо от Федерации. Позволю себе надеяться, что мой коллега герр Шредер нашел время ознакомить герра Швелленбайна и герра Фрихта...

Швелленбайн (перебивает его). У него не было времени!

Эрих. Миним, ты не должен перебивать судью.

Петерс продолжает, словно его не перебивали.

Петерс. Во-первых, передо мной письмо герра Рихтера, прокурора нашего города, содержание которого в настоящее время не может быть оглашено. Во-вторых, признание герра Швелленбайна с приложением замечаний герра Рихтера, которые так же не подлежат огласке. В-третьих, письменное заявление герра Фрихта, засвидетельствованное адвокатом герра Швелленбайна, Эрихом Шредером. Копии признания и заявления лежат на столе перед каждым из вас. Я прошу вас, герр Швелленбайн, и вас, герр Фрихт, внимательно прочитать эти документы и, если потребуется или покажется желательным изменить, исправить, дополнить или, наобо-

рот, забрать назад все, что вы написали. Позвольте напомнить, что, согласно установлениям нашего города, в случае если первое лицо берет свое признание назад, то заявление второго автоматически аннулируется и изымается из дела. (Он ждет.) Прочитали? Как? (Молчание.

Прокурор поднимает руку.) Да, герр прокурор?

Рихтер. Благодарю вас. Ваша честь, на этом этапе я могу просить вас зарегистрировать признание герра Швелленбайна и заявление герра Фрихта как основу для предварительного расследования в прокуратуре?

Петерс. Прежде чем сделать это, я попросил бы герра Фрихта прочесть вслух последний абзац его заявления.

Фрихт. Я готов. (Он берет свое заявление со стола и читает вслух.) "Сцена убийства герра Фредерика Куртиса, а также трех других лиц, как это изложено в признании герра Швелленбайна, то есть увиденная с его позиции лицом к двери зала для ожидания, ведущей на платформу, эта сцена во всех деталях соответствует тому, что видел я, стоя спиной к двери, ведущей на платформу, и что описал выше в своем заявлении".

Петерс. Благодарю вас, герр Фрихт! Итак, я уполномочиваю прокурора начать предварительное уголовное расследование по этому делу. Всё.

Все встают и по очереди уходят.

Фрихт (Швелленбайну на ухо шепотом). Он не показался вам малость странным, этот наш новый судья Петерс?

Швелленбайн достает сигареты.

Швелленбайн. Станным? Кто знает? Как бы он не оказался еще и опасно непредсказуемым!

Город. Потом гостиница. День.

Фрихт шагает по улице. Сцена снята сверху, так что его походка напоминает движение огромного кузнечика или подъемного крана. Однако, если взглянуть сбоку, он просто очень высокий человек, на вид значительно старше своих лет, может быть, из-за его неестественной прямоты. Это его город. Все в нем принадлежит ему. На его взгляд, это гораздо важнее того, что он принадлежит городу. Снимаемый сверху Фрихт останавливается у входа в "Три лилии", один из самых солидных и одновременно современных отелей в городе.

Он пересекает блещущее зеркалами фойе и входит в лифт. Поднимаясь, лифт вертикально рассекает пространство отеля. Хотя все это нелегко представить, сделать это необходимо, ибо, в отличие от Швелленбайна, Фрихт выраженно вертикальный человек.

Фрихт в коридоре, перед дверью номера четыреста семь. Дверь открывается, и в треугольнике между дверной рамой и открытой дверью мы видим сверху его шляпу и черный вечерний плащ. На его плечи ложатся длинные женские руки.

Камера показывает часть огромной комнаты с очень широкой софой. Плащ, смокинг и брюки брошены на пол.

До этого момента все снято сверху.

При горизонтальном взгляде видны головы Элано и Фрихта на большой красной подушке. Фрихт курит, Элано вынимает сигарету из его губ и глубоко затягивается.

Фрихт. Что это? Мы снова курим, моя королева?

Элано. Нет, это моя первая сигарета за шесть лет разлуки. (Она пристально смотрит на него.) Подозреваю, что после этих шести лет я у тебя не первая.

Фрихт. Я бы никогда не позволил себе припасть к моей королеве без подготовки. Ты вторая.

Элано (смеется). Очевидно, первая была ступенькой к чему-то настоящему.

Фрихт не реагирует на ее слова.

Фрихт. Как дети?

Элано. Все сейчас дома. Ты никогда не спрашиваешь о Миниме. Вообще-то, надо думать, ты его никогда в жизни и не видел. По крайней мере, до Дижона.

Фрихт. До Дижона не скажу ни да, ни нет. А после – пусть это будет моей тайной.

Элано с минуту смотрит на него.

Элано. Я думаю, ты видел Минима. И я думаю, что он знает про нас или что-то подозревает.

Достает собственную сигарету. Фрихт молчит.

Элано. У тебя и у него совершенно разные недостатки. Он одержим своей волей, а ты – сатанинской гордыней, которую унаследовал от своего папаши, сумасшедшего протестантского пастора.

Фрихт (скептически). Какие там папаши! Но от кого твой муж мог унаследовать такую волю?

Кафе на первом этаже того же отеля. День.

За столиком – Кафте и Швелленбайн. Одна сторона кафе обращена к улице. За кафе под прямым углом к улице – фойе. Кафте и Швелленбайн сидят друг против друга у большого окна, Кафте лицом к фойе. На столике бутылка белого вина и бутылка эвианской воды.

Швелленбайн (продолжает). Понима-

ешь, Морис, он честен, абсолютно честен, и он говорит правду.

Кафте. Именно этого я не понимаю. Зачем ему было нужно вообще с тобой объясняться. Свой секрет он мог бы оставить при себе.

Кафте видит, как прямой, как доска, Фрихт не спеша проходит по фойе и направляется к выходу.

Швелленбайн. Мог бы. И я тоже мог бы! Я мог бы не ворошить эту идиотскую историю и так и подох бы от своей гнусной бессонницы.

Он пьет. Кафте наливает себе полстакана вина, доликает его эвианом и пьет. Тут он видит, как по фойе с чемоданчиком в руке проходит Элано.

Кафте (у него захватило дух). Черт возьми!

Швелленбайн. Ты меня не слушаешь! Ты второй раз смотришь куда-то в пространство.

Кафте. Нет-нет, я просто глядел в фойе. Я думаю о твоей ситуации. Мне кажется, иногда в жизни наступает такой момент, когда человек не в состоянии вынести самого себя. Тогда он начинает искать себя не в себе, а в других людях. Иначе говоря, он вмешивается в чужие дела и относится к ним, как к своим собственным. Кстати, как, по-твоему, Элано знает о Мельхиоре?

Швелленбайн (изумлен). Ну, в принципе нет ничего невозможного, хотя...

Кафте (перебивает его). А если она спросит тебя, что ты ответишь?

Швелленбайн пожимает плечами.

Швелленбайн. Ну, я скажу... Скажу, что это правда.

Швелленбайн несколько возбужден, как всегда, когда говорит о своей жене.

Швелленбайн. Но дело в том, Морис, что она никогда не спросит. Она никогда ничего ни у кого не спрашивает.

Кафте. А что если ты ее спросишь?

Швелленбайн. Я? О чем?

Кафте. Ну, допустим, о чем-нибудь очень важном для вас обоих.

Швелленбайн. Не знаю, что ты имеешь в виду. Но она ответит. Чего бы ей это ни стоило, она ответит чистую правду.

Кафте. Я не спорю, Миним, но, по-моему, это будет зависеть от твоего вопроса.

Швелленбайн. Обязательно ответит. На любой вопрос. Пошли?

Он встает, проходит несколько шагов, спотыкается и чуть не падает. Кафте подхватывает его и усаживает на стул. Швелленбайн очень бледен. Кафте наливает ему воды в стакан, и он жадно пьет.

Купе поезда. Станция Черинг-кросс, платформа 3. Лондон. День.

Швелленбайн сидит на скамье справа от прохода, лицом к локомотиву. Мы слышим объявление по громкоговорителю и, как обычно, не понимаем ни слова. Швелленбайн тоже ничего не понимает и озадаченно обращается к соседу, сидящему у окна. Это господин докторского вида с зонтиком и кейсом на коленях. Он читает "Лакнет".

Швелленбайн. Ради Бога, извините, но я не понял ни слова. Наш поезд останавливается в Льюишеме?

Сосед (не отрываясь от журнала). Должен остановиться.

Продолжает читать.

Швелленбайн. Это очень странно! Поезд должен был отойти пять минут назад. Разве бывает, что поезда опаздывают?

Сосед поднимает очки на лоб и внимательно глядит на Швелленбайна

Сосед (невозмутимо). Только так и бывает.

Швелленбайн. Нет-нет! Мне надо было взять такси. Я точно рассчитал время.

Сосед. Сразу видно, что вы не отсюда, сэр.

Швелленбайн. Конечно! Я из Федерации!

Свисток. Поезд медленно трогается. По коридору против движения поезда идет высокий негр лет двадцати пяти в безупречном темно-сером костюме, белоснежной рубашке и огненно-красном галстуке. Он останавливается рядом с сидящей напротив Швелленбайна молодой женщиной и наклоняется к ней. Она смотрит на него, оцепенев от изумления. Негр награждает ее очаровательной улыбкой, выпрямляется и обращается к ней громко, с сильным американским прононсом.

Негр. Вам известно, что вечность не имеет конца? (Изумленная и напуганная девушка отшатывается от него.) Вам известно, что вы долговечней, чем солнце? Сколь же, по-вашему, можно колебаться? (Девушка краснеет.) Скажите, где бы вы хотели провести вечность? (Негр продолжает го-

ворить, удаляясь по коридору.) Не пытайтесь ответить. Ответить можно лишь делом. Отложите день покаяния и продолжайте жить в грехе. Это будет ответом. Вечность в аду гарантирована тем, кто не желает или забывает покаяться. Выбор между бесконечной надеждой и безнадежным концом неизбежен и неотвратим. И выполнять это надо немедленно и точно, как предписание врача.

Швелленбайн смотрит на часы.

Швелленбайн. Боже! Я должен быть у врача через двадцать пять минут. Я опаздываю!

Сосед поднимает очки на лоб и внимательно смотрит на Швелленбайна.

Сосед. Позвольте спросить, у какого врача?

Швелленбайн. Меня должен принять психиатр.

Сосед. Ну, конечно же! Человек, который приезжает из Федерации в Англию к психиатру, без сомнения, клинический сумасшедший.

Вокзал Льюишема. День.

Поезд останавливается. Первым выходит негр. Он удаляется со станции гигантскими шагами. Швелленбайн старается от него не отставать, но поняв, что это безнадежно, останавливается и, прикрыв глаза ладонью от заходящего солнца, смотрит вслед удаляющейся фигуре. Негр уменьшается и уменьшается, пока не становится точкой на горизонте. Исчезает. Швелленбайн стоит с открытым ртом и рукой, вытянутой в ту сторону, куда ушел негр. Появляется Рихтер.

Рихтер. Никак не ожидал от вас подобного жеста, герр Швелленбайн.

Швелленбайн. Вы видели негра?

Рихтер. Я видел множество негров.

Улица в Льюишеме. День.

Швелленбайн и Рихтер идут по улице.

Швелленбайн (с улыбкой). Итак, вы решили принять участие в представлении?! Ах Рихтер, Рихтер! А я то считал вас чуждым нам, грешным, воплощением Закона, бесчувственной Немезидой.

Рихтер. В настоящее время я выдаю себя за детектива, хотя подозреваю, мы близки к развязке.

Швелленбайн. Вы могли бы сами

пришить конец, хотя, боюсь, он бы оказался плоским и банальным, как у Дюрренматта.

Рихтер. Ну, это больше зависит от вас, чем от меня. А теперь это, вероятно, будет зависеть и от прославленного психоаналитика доктора Риксона.

Швелленбайн. Полагаю, он окажется сух, как пыль. Риксон? Судя по фамилии, типичный англичанин.

Рихтер. Почти! Если считать англичанином моравского еврея из Прибрама, который учился в Женеве и Париже, долгое время практиковал в Южной Африке, натурализовался в Штатах и, наконец, осел в Льюишеме.

Швелленбайн и Рихтер подходят к дверям уютного трехэтажного особняка начала века в стиле модерн. Швелленбайн звонит. Дверь открывается.

Приемная профессора Риксона. День.

Регистраторша – пожилая женщина в строгом костюме в стиле тридцатых годов – нажимает на рычажок селектора.

Регистраторша. Мистер Швелленбайн, профессор.

Выходит профессор Риксон. Это крупный мужчина лет семидесяти-семидесяти пяти с космами седых волос. Говорит громким басом. Он удивлен, видя, что посетителей двое, и переводит взгляд с одного на другого.

Швелленбайн. Это я, профессор. А это герр Рихтер, который любезно согласился меня сопровождать – как частное лицо, разумеется. С вашего позволения, он подождет.

Риксон обменивается рукопожатиями с обоими.

Риксон. Должен предупредить вас, герр Рихтер, что наш сеанс может сильно затянуться. Вы готовы ждать несколько часов?

Швелленбайн. Конечно же, он готов. Если вы попросите вашу регистраторшу принести ему чашку кофе и номер "Таймса", никакая сила в мире не сдвинет его до полуночи.

Риксон говорит очень серьезно, не обращая внимания на легкомысленный тон Швелленбайна.

Риксон. Когда я получил телеграмму от Кафте, подтверждающую ваше прибытие, я прочел ваше имя. Чисто ассоциативно я

немедленно вспомнил знаменитую фармацевтическую компанию с очень странным названием, что-то вроде "Миникеб".

Швелленбайн. "Омнихим", профессор. Бюсь, в данном случае память вас подвела.

Риксон. Я всегда полагал, что у меня хорошая ассоциативная память.

Швелленбайн. Ни на минуту не сомневаюсь. Но, профессор, на свете есть нечто, постоянно конфликтующее с нашими лучшими качествами, включая память. Это действительность, профессор. И в действительности "Омнихим" больше не существует. Неделию назад я вылетел в трибу.

Риксон не из тех, кто легко сдается.

Риксон. Но все же вы ведь тот самый Швелленбайн, великий Швелленбайн Федерации?

Рихтер неожиданно поднимает голову и внимательно смотрит на Швелленбайна. Он хочет что-то сказать, но Швелленбайн его опережает.

Швелленбайн. Вероятно, да, профессор. То есть на самом деле я сюда приехал именно для того, чтобы выяснить, так это или не так.

Регистраторша приносит кофе. Швелленбайн одним глотком проглатывает свою чашку и поднимается. Риксон широким жестом распахивает дверь своего кабинета. Швелленбайн выходит, за ним Риксон.

Кабинет профессора Риксона. Ранний вечер.

Большой письменный стол. У камина два кресла, одно – глубокое и мягкое, другое – жесткое и деревянное. Два стула.

Риксон (властно). Я должен предупредить вас, герр Швелленбайн, что я так же далек от ортодоксального психоанализа, как и от аналитической психологии Юнга. Не говоря уже о крайне сомнительном сообществе клейнианцев. Я психиатр-профессионал, никоим образом не догматик, и в разных случаях применяю разную методику. Как видите, у меня даже нет кушетки. Садитесь, где вам будет удобнее, можете даже лечь на пол, если вам так больше подходит.

Швелленбайн скромно присаживается на край письменного стола.

Риксон. Отлично! Стало быть, я сяду

перед вами на стул. Итак, герр Швелленбайн, приступим к делу!

Швелленбайн. Это началось более трех месяцев назад. Я сделался ужасно сонный, но спать разучился. Я почувствовал, что забыл про себя что-то исключительно важное. Настолько важное, что если бы я его не вспомнил, я бы не смог дальше жить. И затем, после двух с лишним месяцев бессонницы, я решил заняться раскопками – если это можно так назвать – нашего, а точнее, принадлежащего моей жене семейного архива в небольшом доме в Какетиконе, надеясь отыскать среди старых бумаг следы себя самого, каким я был в юности или до того, как женился на Элано, моей жене. И в одну прекрасную ночь, когда я пытался разобраться в этой куче бумаг...

Часы бьют шесть.

Кабинет профессора Риксона. Ночь.

На часах без четверти час. Швелленбайн сидит на полу, вытянув ноги и спиной прислонившись к столу. Риксон поднимается.

Риксон. Я думаю, ваш телохранитель давно уснул.

Швелленбайн. Телохранитель? Ну конечно же, кем он может быть, путешествуя с мультимиллионером? На самом деле мы случайно встретились у льюишемского вокзала. Во всяком случае, что касается меня, это была случайность.

Риксон нажимает кнопку на столе. Входит регистраторша.

Риксон. Мисс Хурф, что поделывает герр Рихтер?

Мисс Хурф. Он читает второй том Крепелина, который он снял с полки.

Риксон. Попрошу вас кофе для всех! Если возможно, сэндвичи и печенье. Скажите, когда все будет готово.

Мисс Хурф. Разумеется, доктор Риксон!

Швелленбайн поднимается с пола и садится в глубокое кресло.

Риксон закрывает и кладет в карман толстую записную книжку.

Риксон. Я исписал пятьдесят страниц. Мне необходимо перечитать их, по крайней мере, один раз перед завтрашней нашей встречей. Не думаю, что по поводу вашей, так сказать, локальной амнезии нам потребуется третья встреча. Но прежде чем

мы пойдем пить кофе, я задам вам последний вопрос. Из всего того, что вы говорили, слышали, видели и представляли себе этой ночью, что глубже всего запечатлелось в вашем сознании? Что сейчас для вас важнее всего? Отвечайте не думая.

Швелленбайн. Два ощущения. Холода и белизны.

Риксон. Восхитительно! Прошу вас пройти в приемную и выпить чашечку кофе. Я присоединюсь к вам через десять минут.

Приемная профессора Риксона. Ночь.

Рихтер пьет кофе. Швелленбайн крепко спит в кресле, в губах у него погасшая сигарета. Риксон входит решительной походкой, наливает себе чашку кофе, пьет.

Риксон. Скажите, пожалуйста, герр Рихтер, кто такой Петерс?

Рихтер (в растерянности). Петерс? Не понимаю, профессор, отчего эта фамилия вас заинтересовала?

Риксон. Она меня чрезвычайно заинтересовала. За шесть часов нашего сеанса мой пациент, герр Швелленбайн, несколько раз невольно произносил эту фамилию. При этом он не спал и не находился под гипнозом. Он был просто переутомлен, и эта фамилия вырывалась совершенно спонтанно.

Рихтер. Петерс – наш новый судья, человек относительно молодой, поразительно молодой для такой должности. Не думаю, что существует какая-нибудь возможность связи между Швелленбайном и Петерсом. Насколько мне известно, они встречались всего один раз в официальной обстановке. И, с вашего позволения, в моем присутствии.

Риксон. В вашем присутствии? Значит, вы не телохранитель моего пациента? Вероятно, вы его адвокат?

Рихтер (улыбается). Вы снова ошибаетесь, герр профессор. Я не хотел бы вас разочаровывать, но я прокурор.

Риксон долго и внимательно смотрит на Рихтера. Затем он обращается к нему как врач к пациенту.

Риксон. Герр Рихтер, прошу вас, попытайтесь вспомнить, что в поведении судьи Петерса могло не просто привлечь внимание моего пациента, но глубоко запечатлеться в сознании – во время этой един-

ственной встречи? Пожалуйста, ответьте мне, не задумываясь. Просто скажите, что вам придет в голову!

Рихтер понимающе улыбается.

Рихтер. Все мы специалисты в своей области, профессор. Для вас каждый человек – ваш реальный или возможный пациент, для меня – преступник или возможный преступник. Петерс произвел на меня впечатление человека, который сомневается в очевидном и верит в невероятное. Но даже не это в нем главное. (Он молчит, обдумывая свои слова.) Мне представляется, что главное в Петерсе даже не неожиданность его действий, не сами действия, но то, что находится в промежутке между действиями. Другими словами, он обладает свободой иного рода. Свободой вне своего ампула. И я полагаю, что эту свободу мы наблюдаем и в Швелленбайне.

Риксон говорит очень медленно, скорее всего, самому себе.

Риксон. Понятно! Это значит, что Швелленбайн попал в промежутки между действиями Петерса. Но он еще не способен это выразить словами.

Швелленбайн кричит во сне:

–Нет, нет, нет! Это ты! Это ты!

Он бормочет нечто невразумительное.

Швелленбайн. Сквозь синюю ночь сверкают серебряные звезды, я лечу в мягкую белую бездну.

Рихтер. Ваш пациент – поэт, герр профессор.

Швелленбайн открывает глаза. Риксон обращается к нему в своей обычной, монотонной, но выразительной манере.

Риксон. Вы сказали "ты". Кто это "ты"? От кого вы летели в мягкую белую бездну?

Швелленбайн. А-а, от прекрасной девушки с длинными белыми руками. Но кто она, я не знаю. Простите, профессор, где у вас уборная?

Риксон. В коридоре. Вторая дверь на лево. Я налью вам горячего кофе.

Швелленбайн уходит. Риксон наливает ему чашку кофе.

Рихтер. Простите за вмешательство, герр профессор, но ваш пациент только что солгал. Он отлично узнал прекрасную девушку с длинными белыми руками.

Швелленбайн возвращается, проглатывает кофе, выпрямляется, пристально глядит на Риксона и Рихтера. В направлен-

ном свете настольной лампы мы видим, что его лицо изменилось до неузнаваемости. Это другой человек. Как обычно, он говорит очень быстро, но бесцветным, безжизненным голосом.

Швелленбайн. Профессор Риксон, я бесконечно благодарен вам за это необыкновенное, неповторимое переживание. Я чувствую себя лучше, бесконечно лучше, чем вчера. К сожалению, я не смогу прийти к вам, как мы договаривались, на заключительный второй сеанс. Мне необходимо немедленно вылететь домой. Не могли бы вы вызвать мне такси? (Он вынимает из кармана чековую книжку и подписывает чек.) Вот чек, профессор! Прошу вас, проставьте сами сумму, какую сочтете добавочной. Это в банке Ллойда, так что задержки не будет.

Риксон вызывает по телефону такси.

Утренний будуар Элано.

Вся комната выдержана в белых тонах,

стены обиты белым полотном, мебель тоже белая. Элано и Швелленбайн завтракают за овальным столиком. На Швелленбайне дорогой белый халат. Он очень усталый и сонный, но внутреннее напряжение в нем спало. На Элано белый пеньюар.

Элано. Расскажи мне про Лондон, Миним.

Швелленбайн. Льюишем, друг мой Элано, Льюишем. Это не вполне Лондон.

Элано. Но ты вернулся на день раньше, чем хотел.

Швелленбайн. Как я тебе уже говорил, дорогая, я полетел в Англию, чтобы закончить мои изыскания. Все оказалось проще, чем я думал. Но в мозаике недостает одного квадрата, и я вернулся, чтобы узнать о нем от тебя.

Элано. Я неважный источник сведений. Но для тебя сегодня я сделаю все, что могу. Я так чудно выспалась.

Швелленбайн. У тебя были дети от первого брака?

Ужас искажает лицо Элано. Оно становится похоже на маску смерти. Но она держит себя в руках.

Элано. Да.

Швелленбайн. Мальчик?

Элано. Да.

Швелленбайн. Что с ним произошло? Элано теребит рукав пеньюара.

Элано. Он умер.

Швелленбайн. Сколько ему было лет?

Элано. Двадцать дней.

Швелленбайн. А тебе?

Элано. Восемнадцать лет.

Швелленбайн. Когда он родился?

Элано. Седьмого декабря тысяча девятьсот двадцать седьмого года.

Швелленбайн. Как он умер?

Лицо Элано бело, как пеньюар и стены. Но она великолепна.

Элано. Я его убила.

Швелленбайн. Как? Это же был твой сын от Фредерика?

Элано. В этом нет никаких сомнений. (Она складывает руки на коленях и говорит почти бесстрастно, словно рассказывает о ком-то постороннем.) Видишь ли, Миним, с первого, вернее, со второго же дня жизни с Фредериком я думала только о двух вещах. Я хотела родить ребенка, и я хотела смерти Фредерику.

Швелленбайн. Неплохо для медового месяца!

Элано (не замечает иронии). Я не могла с ним забеременеть. Он меня ... только в зад. Мне удалось обмануть его только один раз, когда он был катастрофически пьян. Когда он пришел в себя, то впал в дикое бешенство. Не от ревности! Он знал, что ребенок его, но сама мысль о ребенке была ему отвратительна. Потом он успокоился. Он был хитрая бестия, этот Фредерик. У него был план. За месяц до родов он отвез меня в Пфальц. Мы поселились в лесном санатории под вымышленным именем.

Швелленбайн. Каким именем?

Элано. Не помню. Впрочем, вряд ли я тогда его и знала. Фредерик позаботился обо всем. Там я родила ребенка. Через девятнадцать дней мы поехали назад. Шел густой снег. Пара гнедых в санях с колокольчиками привезла нас на станцию. Мы ехали в отдельном купе. Младенцу все это как будто очень нравилось. Я его покормила, и он заснул. Я тоже задремала, и моя последняя мысль, помню, была: как странно, что Фредерик не взял из санатория нашу няню, которая была с нами с самого начала. Когда я проснулась, то удивилась, потому что в купе было темно. Единственной точкой света была сигара Фредерика, и это тоже меня удивило, потому что он обычно курил только пьяный. Ребенок спал. Я сказала: "Зажги свет!" Он не ответил. Только я потянулась к выключателю, он сказал: "Убери руку и слушай, ты, сука! Видишь нож? О, с каким наслаждением я бы проткнул этого крысенка. Сиди тихо, сука, а то прикончу. Не рассчитывай на помощь. Здесь никого, кроме проводника, и тот спит. Есть правило, которому я следую всю жизнь. Пока человек жив, он находится в моей власти и живет, как мне угодно. Но когда я убиваю, я готов предо-

ставить даже самому гнусному выродку выбор. Открой окно!" Я подняла раму. Весь день валил снег, и сейчас мы летели по сплошному туннелю из огромных сосен по поясу в снегу. "А теперь возьми ублюдка и выкинь в окно! Иначе я прирежу и его, и тебя и вышвырну в окно обоих. Вот твой выбор". Я туго завернула ребенка в шубу и выбросила его в ночь, где ярко сверкали звезды.

Швелленбайн допивает кофе, закуривает сигарету. Он говорит очень тихо и совершенно бесстрастно.

Швелленбайн. Друг мой Элано, я приглашу Эриха. Это займет не более десяти минут. Ты не возражаешь?

Элано. Нет.

Швелленбайн говорит по селектору с дворецким.

Швелленбайн. Рейнгольд, попросите, пожалуйста, герра Шредера подняться к нам на чашку кофе. Спасибо, Рейнгольд.

Входит Эрих.

Эрих. Доброе утро, Элано! (Целует ей руку.) Доброе утро, Миним! Великолепная вещь – чашечка кофе.

Швелленбайн. Друг мой Элано, если это не слишком тебя затруднит, повтори, пожалуйста, Эриху то, что ты только что мне рассказала. А я пойду в спальню оденусь и вернусь через десять минут. Этого времени тебе будет более чем достаточно.

Выходит.

Утренний будуар Элано. Десятью минутами позже.

Эрих сидит, обхватив голову руками. На столе перед ним – письменные показания Элано. Входит выбритый и одетый Швелленбайн.

Эрих. Миним, ты же сумасшедший.

Швелленбайн. Если ты еще раз в моем присутствии скажешь "сумасшедший", я убью тебя на месте. И стану убийцей-рецидивистом. Так что надеяться на отсрочку казни не придется.

Эрих. И ты еще паясничаеть. Черт побери!

Швелленбайн набирает номер телефона.

Швелленбайн. Доброе утро, герр Рихтер! Извините, что снова вас беспокою, но мне необходимо сейчас же увидеться с вами. Мне нужно сделать еще одно при-

знание. Нет, нет, как ни жаль, второе не отменяет первого. Надеюсь, оно его подкрепит. Кроме того, у меня есть новые письменные показания. Нет, не герра Фрихта, совсем другого лица. Мы с герром Шредером будем у вас в кабинете через полчаса. А тем временем, герр Рихтер, не могли бы вы проверить регистрацию рождения мальчиков в Пфальце седьмого декабря одна тысяча девятьсот двадцать седьмого года? Вам это будет легче, чем нам. И вообще, Пфальц – не Латинская Америка. И еще – не могли бы вы проверить и установить судьбу всех мальчиков-подкидышей в том же Пфальце между двадцать восьмым и двадцать девятым декабря того же года? Это будет еще легче, так как не думаю, что там окажется более одного. Надеюсь, я не слишком вас затрудню.

Швелленбайн кладет трубку. Входит Элано в сером "деловом" платье. Эрих по-прежнему сидит, обхватив голову руками и закрыв глаза.

Элано. Насколько я понимаю, Эрих, вы в этом деле не можете одновременно представлять и меня, и моего мужа.

Эрих стонет.

Эрих. О Боже, я не могу больше!

Швелленбайн. Элано, зачем тебе адвокат, если только ты не надумала развестись со мной и выйти за... например, Фрихта. Или Эриха? Эрих намного лучше. Впервые, он рядом, а во-вторых, он не исчезнет на шесть лет.

Эрих. Послушай, Миним, ты совсем, ты полностью сумасшедший. Как ты можешь? Ты совершенно забыл, что... (Останавливается в испуге.) И я забыл! Господи, прости!

Швелленбайн. Да, я согласен. Моя шутка была довольно-таки неуместна. Конечно, письменное заявление Элано означает автоматическое расторжение брака.

Элано. Это, в сущности, не так уж важно, потому что меня казнят за детоубийство.

Швелленбайн (Эриху). Вот видишь, Эрих, она совсем ничего не поняла.

Эрих. Потом, потом! Не сейчас! Идем, Миним!

Кабинет прокурора. День.

Рихтер сидит за столом и говорит по телефону. Время от времени он вставляет:

"Да, да!", "Я понимаю", "Конечно" и делает заметки в очень толстой записной книжке. Перед ним на столе второе признание Швелленбайна и письменное заявление Элано – очевидно, он их уже прочел и, говоря по телефону, иногда в них заглядывает. Швелленбайн в крайнем возбуждении рассказывает взад-вперед по комнате. Мрачный Эрих сидит в кресле и грызет конец карандаша. Рихтер кладет трубку.

Рихтер. Прошу вас, будьте добры сесть, герр Швелленбайн! Если хотите, можете курить. Насколько я понимаю, герр Шредер, согласно инструкциям вашего клиента, вы просите прокуратуру передать судье оба признания вашего клиента и оба письменных заявления, как относящиеся к делу об убийстве четырех лиц и отцеубийстве одного из них. Так?

Эрих. Да, герр прокурор.

Рихтер. Прежде чем сделать это, ввиду чрезвычайного, я бы сказал, уникального характера дела, считаю желательным ознакомить вас и вашего клиента с информацией, которую я получил в результате пяти телефонных звонков. Эта информация будет подтверждена телеграммой и присоединена к другим документам для передачи судье Петерсу перед вторым заседанием. Итак... (Он смотрит в записную книжку.) "Нотариат Верхнего Пфальца засвидетельствовал 7 декабря 1927 года в санатории Мюльгейм рождение младенца мужского пола, родители Гуго и Элизабет Бруннер из Гамбурга". (Переворачивает страницу.) Из полицейского управления Пфальца: "Два железнодорожных рабочих заявили, что двадцать восьмого декабря тысяча девятьсот двадцать седьмого года в одиннадцать часов они обнаружили младенца мужского пола в снегу на расстоянии примерно двух метров от рельсов. Возраст младенца от двух до пяти недель". (Переворачивает еще одну страницу.) У них также имеется справка из архива, что двадцать девятого декабря того же года младенец был передан в приют кармелиток. К сожалению, на этом следы обрываются, ибо в феврале сорок пятого года, в конце второй мировой войны, приют и вся его документация погибли во время бомбежки. Но... (Рихтер выходит из-за стола и, не обращая внимания на Швелленбайна, становится перед Эрихом, который еще глуб-

же утонул в кресле.) Но зато в регистрационной книге Нижнего Пфальца имеется чрезвычайно интересная запись. А именно, рождение младенца мужского пола у Эрнста и Моники Шве. ленбайн, который получил имя Минимус Паулус. Регистрация произведена третьего января тысяча девятьсот двадцать восьмого года, но дата рождения дана как десятое декабря двадцать седьмого года. Из этого можно сделать вывод, что с датой рождения своего псевдоприемного сына они ошиблись на три дня.

Швелленбайн закуривает сигарету.

Швелленбайн. Это великолепно!

Рихтер игнорирует его восклицание.

Рихтер. Эти данные, герр Шредер, вместе со всеми документами будут переданы судье Петерсу не позже чем послезавтра во второй половине дня. Полагаю, что наша следующая встреча с судьей состоится через четыре-пять дней. Так как наше предварительное уголовное расследование достигло критического момента, я вынужден просить вас, герр Швелленбайн, дать подписку о невыезде из города. И я прошу вас, герр Шредер, оформить пребывание вашего клиента на свободе под залог в триста тысяч федеральных франков.

Швелленбайн (со злорадным торжествованием). Ха-ха-ха-ха! Немыслимо! Это исключено! "Омнихим" в процессе ликвидации. На моем счету ни сантима. Так, Эрих? Что до завешания матери, не думаю, что я так быстро получу эти деньги – в любом случае, не прежде, чем попаду в тюрьму. Так что вам придется арестовать меня, герр Рихтер.

Рихтер (неуверенно). Но мне кажется, герр Швелленбайн, что вы, например, могли бы попросить внести залог вашу супругу...

Швелленбайн (торжествующе). Ха-ха, Рихтер! Исключено! Полностью исключено! Наш брак аннулирован ипсо факто.

Рихтер (строго). Вы ошибаетесь, герр Швелленбайн. Сначала судья Петерс должен решить, имеется ли в наличии дело. Если он придет к такому заключению, дело будет передано в суд. Суд разберет его и вынесет приговор. Только после приговора суда можно будет решить вопрос о статусе вашего брака.

Эрих нервно подпрыгивает.

Эрих. Герр Рихтер, мой клиент обладает всеми правами гражданина этого города и может просить об отмене залога.

Рихтер. Никоим образом, герр Шредер! За свои неопределимые услуги городу герр Швелленбайн был сделан почетным гражданином. Этот статус не предполагает привилегий, которыми обладают граждане по рождению. По рождению ваш клиент – гражданин Пфальца, а не Федерации.

Эрих (чрезвычайно возбужденно). Но вы сами только что установили, что он родился гражданином Федерации, он законный сын двух ее граждан.

Рихтер. Нет, потому что рождение его зарегистрировано под вымышленным именем и не имеет законной силы.

Эрих. Но тогда, герр прокурор, его регистрация как сына четы Швелленбайн тоже не имеет законной силы как ложь.

Рихтер (колеблется). М-да! Кажется, придется сделать исключение. Очень хорошо, герр Швелленбайн, будьте добры дать подписку о невыезде.

Швелленбайн (ставя подпись). Позвольте представиться: Швелленбайн. Человек ниоткуда.

Рихтер. Герр Шредер, моя секретарша сообщит вам о дате встречи с судьей Петерсом.

Он нажимает кнопку звонка. Входит секретарша Мари.

Рихтер. До свидания, милостивые государи!

Швелленбайн и Эрих выходят.

Рихтер. Мари, пожалуйста, зарегистрируйте визит герра Швелленбайна и герра Шредера. И прошу вас, зарегистрируйте задним числом визит герра Швелленбайна десять дней назад.

Мари (улыбается). И то, и другое уже сделано, герр прокурор!

Кабинет судьи. День.

Петерс и Рихтер сидят за большим овальным столом. Рихтер явно встревожен, но пытается прикрыть свою неуверенность формальным деловым тоном.

Рихтер. Я специально просил вас о встрече перед нашей второй беседой, потому что хочу знать ваше мнение о втором признании Швелленбайна и письменном заявлении его жены.

Петерс. Естественно. Но сначала я хотел бы вернуться к его первому признанию и письменному заявлению Фрихта.

Рихтер. Но здесь все кристально ясно. Фрихт во всех деталях подтвердил признание Швелленбайна.

Петерс. Да, Фрихт подтвердил версию Швелленбайна. Но в его письменном заявлении нигде не указано, что в стрелявшем он узнал Швелленбайна. Это Швелленбайн говорит, что узнаёт себя в этом человеке.

Рихтер (в изумлении). Но только два лица могут дать идентичный отчет о происшествии: тот, кто убивал, и тот, кто видел. Кто еще, кроме стрелявшего, мог видеть происходившее со своей стороны зала ожидания?

Петерс нервно трет переносицу кончиками пальцев.

Петерс. Я даже отдаленно не могу сравниться с вами в знании законов, герр Рихтер, не говоря уже о вашем опыте уголовного расследования. Тут вы величайший эксперт в нашем городе и, вероятно, во всей Федерации. Но если вы позволите мне сформулировать мое предложение... (Он встает и принимается шагать по комнате.) Около двух недель назад я присутствовал в университете на вашем семинаре по философии права. На этом семинаре вы говорили о неравенстве людей как субъектов права, из чего следует, что и каждый отдельный человек не равен самому себе.

Рихтер. Боже милостивый.

Петерс (продолжает). Человек, который чего-то не осознал, не равен себе, это осознавшему. А мы здесь занимаемся не только правом, герр Рихтер, но и знанием. Если некто знает нечто, из этого не вытекает, что знающий равен тому, что знает.

Рихтер. Стало быть, вы не верите, что герр Швелленбайн убил этих людей?

Петерс осторожно выбирает слова.

Петерс. Не совсем так, герр Рихтер! Я просто никоим образом не убежден, что стрелявший был Швелленбайн.

Рихтер (в крайнем раздражении). Да ради Бога, это же одно и то же.

Петерс. Нет, Рихтер! Не одно и то же. Полчаса назад я беседовал с Фрихтом. Я напрямик спросил его, считает ли он, что Швелленбайн – тот убийца. Я бы хотел,

чтобы вы выслушали ответ из его уст.

Петерс нажимает на кнопку звонка. Входит Фрихт. У него такой вид, как будто ему нечего сказать.

Петерс. Прошу вас, присаживайтесь, герр Фрихт! Я был бы вам весьма благодарен, если бы вы в присутствии прокурора повторили ответ, который вы только что дали мне. Узнаёте ли вы герра Швелленбайна в человеке, который стрелял в зале ожидания? Будьте добры сказать "да" или "нет".

Фрихт. Нет, ваша честь.

Петерс. Не желали бы вы что-либо добавить?

Фрихт. Нет, ваша честь.

Петерс. Благодарю вас. До свидания, герр Фрихт.

Фрихт выходит. Рихтер встает и ходит взад-вперед по комнате, что ему отнюдь не свойственно.

Рихтер. Что же дальше?

Петерс. В письменном заявлении фрау Швелленбайн, в правдивости которого я ни на миг не сомневаюсь, вы также не отыщите ни слова о том, что Швелленбайн – ее сын.

Рихтер (чувствуя, что почва уходит из-под ног). Но связь этих двух событий неоспорима.

Петерс. Согласен. Но не их связь со Швелленбайном. (Петерс опять нажимает на кнопку звонка. Входит Элано.) Простите, что заставил вас ждать, фрау Швелленбайн. Садитесь, пожалуйста! У меня к вам только один вопрос. Узнаёте ли вы в нашем муже ребенка, которого вы выбросили из окна поезда в снег?

Рихтер в отчаянии заламывает руки и впервые забывает, что должен говорить с судьей почтительно.

Рихтер. Вы с ума сошли, Петерс! Это слишком!

Несмотря на волнение, Элано понимает абсурдность вопроса. Она сохраняет самообладание.

Элано. Я не могу ответить ни да, ни нет, ваша честь.

Петерс встает и открывает перед ней дверь. Элано выходит.

Рихтер (даже не пытаясь скрыть свою беспомощность). Но... Но... Его интуиция, его прозрения во вновь обретенной памяти?

Петерс. Может быть, это покажется вам

странным, герр Рихтер, но в их правдивости я тоже не сомневаюсь.

Рихтер так изумлен, что забывает, что по сравнению с Петерсом старший по положению – он.

Рихтер. Знаете ли, Петерс, для меня все это чересчур. Ради Бога, ответьте прямо! Что вы думаете об этом деле?

Петерс отвечает легким, интеллигентным тоном:

– С удовольствием, герр Рихтер! Но сначала я позволю себе небольшое отступление. Впервые увидев Швелленбайна на нашей предыдущей встрече, я тщетно пытался понять главное свойство, так сказать, ядро его характера. Я пришел к окончательному выводу только на следующий день. Это поразительная способность заставлять людей думать так, как ему хочется.

Рихтер. Но в первую очередь – себя самого!

Петерс. Несомненно! Теперь позвольте мне ответить на ваш вопрос...

Громкий гудок селектора. В комнату врывается письмоводитель в полной растерянности.

Письмоводитель. Герр Петерс! Пришел герр Швелленбайн! Он требует, чтобы его немедленно пропустили. Я...

Петерс (спокойно). Разумеется. Что с вами, Пьер? Приход герра Швелленбайна как нельзя более кстати. Будьте добры...

Врывается Швелленбайн. Он собирается, по всей вероятности, извиниться, но стоящий перед ним Петерс одним жестом приглашает его войти и не прерывать его объяснения.

Петерс. Доброе утро, герр Швелленбайн! Садитесь, пожалуйста! Герр Рихтер, позвольте мне продолжить нашу беседу. Или, вернее, позвольте мне ее завершить. Я отвечаю вам, герр прокурор. Я полагаю, что все, что герр Швелленбайн видел, слышал и чувствовал во время своих визитов к фройляйн Хорнер и профессору Риксону, равно как все, что он чувствовал во время бессонницы, предшествовавшей его визиту к фройляйн Хорнер, и во время своей депрессии после нашей первой встречи, – все это, несомненно, произошло в действительности. Но я не думаю, что это произошло с герром Швелленбайном. Я думаю, это произошло с кем-то другим. И в сферу моей компетенции никак не входит

расследовать, кем может быть этот другой. Тожественность Швелленбайна с юношей, убившим четырех человек в станционном зале ожидания, так же невозможно доказать, как тождественность младенца Швелленбайна с младенцем, якобы выброшенным из поезда фрау Швелленбайн, невозможно установить, потому что единственного свидетеля – ее первого мужа давно нет в живых. На основании этих соображений я пришел к решению, что наша следующая встреча совершенно излишня.

Рихтер. А что если бы я подал официальное заявление...

Петерс. В таком случае я открыл бы нашу следующую встречу тем, что я только что сказал. Кстати, герр Швелленбайн, чем я обязан удовольствию снова вас здесь видеть?

Швелленбайн в некотором замешательстве, что вообще ему совершенно не свойственно.

Швелленбайн. Понимаете, я только хотел сказать... Я только хотел прибавить, что в то утро, просматривая бумаги жены, я обнаружил...

Петерс (перебивает его). Чрезвычайно сожалею, герр Швелленбайн, но ваше дело закрыто... (смотрит на часы) ...две минуты назад. (Обращается к письмоводителю.) Письмоводитель Боссе, запишите, пожалуйста. "В присутствии герра прокурора Рихтера, герра Швелленбайна и письмоводителя Боссе уведомляю о запрете на расследование или расследования дела герра Швелленбайна этим или любым другим судом нашего города". Прошу вас переслать копию моего решения адвокату герра Швелленбайна герру Шредеру. Благодарю вас, милостивые государи. До свидания!

Швелленбайн словно прирос к месту.

Студенческий кабачок возле университета. Ночь.

Радио играет чарльстон. Швелленбайн, Кафте и Эрих сидят за столиком и пьют пиво. Сидящий спиной к входу Швелленбайн слегка захмелел, он оживлен, даже возбужден. У него измученное лицо, руки и ноги подрагивают.

Швелленбайн. Но послушай, Морис! Все оказывается жутко сложным. Если Петерс прав, тогда то, что Фрейд называет

подсознательным, вовсе не обязательно факт подсознания данного лица, но может принадлежать совершенно другому лицу.

Кафте (очень серьезно). Это не другое лицо, Миним, это то, что может оказаться другим лицом. Это даже еще интереснее, чем ты думаешь.

Из них троих Эрих самый пьяный. Он поднимает кружку.

Эрих. За здоровье герра доктора Карла Густава Юнга!

Кафте. Bravo, Эрих! Юнг точно бы это просек.

Постепенно кабачок заполняется людьми. Входит Мельхиора. Одной рукой она обнимает за талию здорового негра-баскетболиста, другой – высокого тощего анемичного молодого человека лет двадцати двух, чрезвычайно бесцветного. Она останавливается в двух шагах от Швелленбайна и пристально в него всматривается. Напротив Швелленбайна, лицом ко входу и Мельхиоре сидит Эрих, которого она не знает.

Эрих. Миним, сзади тебя такая красоточка, что у меня слюнки текут. Обернись же, идиотина!

Швелленбайн улыбается, но не оглядывается.

Кафте. Эрих, оставь его в покое. Миним не бабник.

Швелленбайн (рассеянно). Я? Я не знаю, что я за человек. Может, я просто семейный мужчина. Когда я снова разбогатею, а это должно случиться чуть ли не завтра, я куплю себе большую красивую яхту. Я заберу Элано и моих девочек, и мы уплывем... Куда? Вот куда – на Мадагаскар!

Высокий блондин снимает руку с плеч Мельхиоры и направляется к стойке за пивом. Негр-баскетболист гладит Мельхиору по заду.

Негр-баскетболист (шепотом). Значит, договорились. Сегодня в девять. У тебя.

Мельхиора, по-видимому, его не слышит.

Швелленбайн (поднимает кружку). Торжественно приглашаю вас всех на мою яхту. Мы вместе поплывем на Мадагаскар. О, это великолепная идея! Кого еще позвать? Это будет длинная, элегантная яхта. Знаю кого! Приглашу профессора Риксона из Льюишема. Элано будет в восторге от Риксона. По вечерам она будет танцевать с ним чарльстон на палубе.

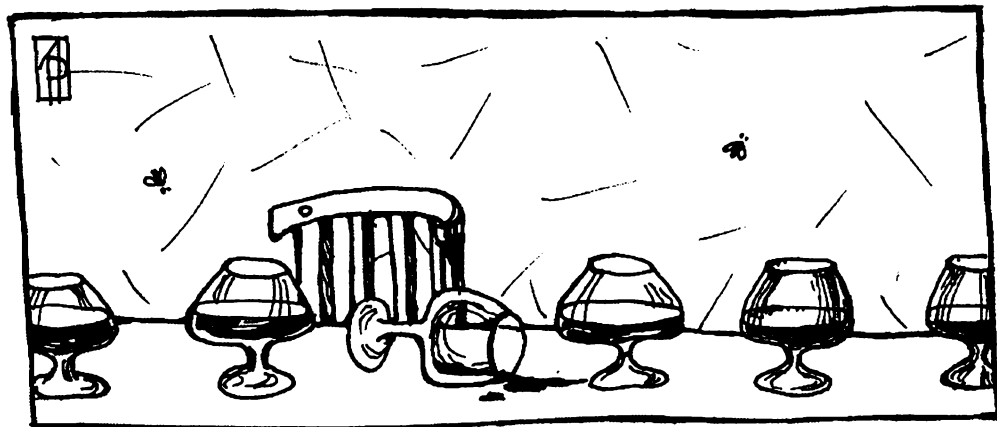
Радио. Чарльстон прерывают последние известия:

– В город прибыл четвертый эшелон с беженцами из Чехословакии. Наш корреспондент Вильгельм Свитцер взял интервью у профессора Карлова университета в Праге Иржи Комака...

Звук ненадолго пропадает, потом снова возобновляется:

– Немало толков в городе вызвала неожиданная отставка прокурора Рихтера. Герр Рихтер отказывается комментировать свое решение. Однако хорошо осведомленный источник, старый знакомый нашего прославленного прокурора, полагает, что причина отставки – давнее желание герра Рихтера вернуться к академической деятельности, а перед этим насладиться заслуженным отдыхом.

Швелленбайн. Ура! Возьмем на яхту Рихтера.

Радио играет вальс. Музыка снова прерывают последние известия:

– Деловые круги города еще не успели оправиться после краха Швелленбайнова "Омнихима", как их потрясает новая очередная неожиданность. Из хорошо осведомленного источника мы только что узнали, что юридической фирме "Шпир Вестермарк" в Шпеере поручено опротестовать завещание покойной фрау Швелленбайн, согласно которому ее сын Минимус Паулус Швелленбайн наследует все ее состояние, оцениваемое примерно в сто миллионов марок. Завещание оспаривает первый сын фрау Швелленбайн, родившийся в первом браке покойной и ныне проживающий в Сан-Франциско. Основанием для протеста служит тот факт, что покойный первый муж фрау Швелленбайн, Густав, оставил все свое состояние своему сыну и, согласно его завещанию, его вдова имела право распоряжаться им лишь пожизненно. Кроме того, ходят слухи что Минимус Паулус – не родной, а приемный сын фрау Швелленбайн. Деловые круги города полагают, что в случае успеха протеста...

Новости более не слышны. Играет вальс. Эрих вскакивает со стула, опрокидывая свою кружку пива.

Эрих. Боже, Миним! Я с утра не показывался в своей конторе. Должно быть, они меня ищут. Мы должны бороться. Ты остаешься без гроша! Ты будешь нищий! Это чистое мошенничество. Тебе придет конец! Нам надо драться. С этой минуты!

Швелленбайн прерывает его.

Швелленбайн. Перестань, Эрих. Плевал я на все эти завещания. Господа, очень жаль, но я вынужден взять назад свое приглашение прокатиться на яхте до Мадагаскара.

До этого момента Мельхиора пристально наблюдала за происходящим. Теперь она незаметно высвобождается из объятий негра-баскетболиста и исчезает за стойкой. Негр-баскетболист озирается и, не видя ее, выбегает в дверь и тоже исчезает. Второй спутник Мельхиоры, высокий блондин, появляется с двумя кружками пива и в замешательстве озирается.

Высокий блондин (Эриху). Простите, Бога ради! Вы сейчас не видели здесь девушку?

Эрих (в отчаянии, ничего не понимая). Какую девушку?

Высокий блондин. Ее зовут фройляйн Хорнер. Она была с черным студентом. Я только отошел...

Швелленбайн резко оборачивается.

Швелленбайн. Мельхиора? Она была здесь?

Он вскакивает и смотрит в лицо высокому блондину. Кафте сидит слева от Швелленбайна и тоже не мог видеть Мельхиоры и ее спутников, но, в отличие от Эриха, он прекрасно знает Мельхиору.

Кафте. Простите, молодой человек! Но в каком отношении вас интересует фройляйн Хорнер?

Молодой блондин ложно истолковывает слова Кафте. Он ставит кружки на пол и отвечает со смесью благородного возмущения и уязвленной добродетели.

Высокий блондин. Вы хотите знать, в каком отношении она меня интересует? Конечно же, не в том, в каком она интересуется вас и вам подобных! Я знаю, отец никогда мне этого не простит, но я собираюсь жениться на фройляйн Хорнер, как только защищу диплом. И мне наплевать, что скажут люди! (Он все больше заводится и даже начинает извлекать удовольствие из своей морализаторской риторики.) Такие, как вы, хотят от женщины только одного. (Швелленбайну.) Вы не в состоянии этого понять, вы, грязный сластолюбец...

Швелленбайн широко улыбается.

Швелленбайн. Смее заверить вас, мой юный друг, что ваше обвинение ни на чем не основано. Только раз в жизни, а именно только сейчас, мне взбрело в голову сделаться, ну... бонвиваном. Но обстоятельства, увы, жестокие обстоятельства, против меня, и я остаюсь ни с чем. (Он протягивает высокому блондину руку, тот растерянно берет ее.) Если бы дела обстояли иначе, я почел бы честью пригласить вас и Мельхиору на Мадагаскар. Но раз уж судьба так решила, мне лишь остается лелеять надежду, что в некоем будущем – не будем загадывать в каком – я буду иметь честь пригласить вас на какое-нибудь куда более скромное увеселение.

Лицо высокого блондина выражает столь глубокое непонимание, что становится искренне его жаль. Даже Эрих пытается как-то его подбодрить.

Эрих. Не грустите, старик! Позвольте, я угощу вас!

Эрих и высокий блондин идут к стойке.

Кафте. Миним, будь же серьезным хотя бы на минуточку! Ты разорен! Что ты собираешься делать?

Швелленбайн (тихо). Понимаешь, Морис, я хотел, чтобы закон дописал мою историю за меня. Раз он отказывается это делать, я должен сделать это сам – так?

1988 год. Горная река на севере Шотландии. День. На берегу сидит Минимум Паулус Швелленбайн. Ему лет шестьдесят, и конечно же, он изменился, хотя не до неузнаваемости. Он поседел и немного располнел. На нем старые рабочие штаны, поношенная куртка, из-под которой видна линялая спортивная рубашка фасона шестидесятых годов. Рядом лежат резиновые сапоги, дождевик и пара рыболовных удочек. Швелленбайн потрошит рыбу. Он счищает ножом чешую, ополаскивает рыбину в реке и бросает в ведро, где уже находятся две рыбины. По узенькой тропинке спускается мужчина в дорогом новом плаще, бриджах, туристских ботинках и альпийской шляпе. Это Кафте. Швелленбайн принимается за четвертую, последнюю рыбину.

Швелленбайн. Фу! Надеюсь, ты хоть немного поспал в нашей хибаре. Я любил тайком уходить по утрам – так тихо, что мышь не проснется. Что делает Леопольд? Выпей кофе. У меня с собой термос. (Наливает кофе в две пластмассовых чашки.) Он еще очень горячий.

Кафте аккуратно расстилает на землю газету и садится рядом со Швелленбайном.

Кафте. Спасибо, Миним. С огромным удовольствием. Я прекрасно выспался. Молодой Леопольд помогает Мельхиоре чистить лук и картошку и наводит порядок на кухне. Но скажи мне – прошло уже двадцать лет, – что заставило тебя приглашать человека, которого ты видел один раз в жизни в университетском кафетерии? Ты по-прежнему удивляешь меня, Миним.

Швелленбайн. Я же обещал, Морис. Помнишь? Я обещал ему. И вообще, как я мог не пригласить единственного, за исключением себя самого, человека, который

предложил Мельхиоре руку и сердце?

Кафте. Ты не представляешь себе, каково мне было его отыскать, – в огромном городе найти человека, про которого известно только, что его зовут Леопольд, что он тощий блондин и, по всей вероятности, закончил юридический! Вообрази его лицо, когда я от твоего имени и за твой счет пригласил его в Шотландию отпраздновать двадцатилетие добровольного изгнания нового Эдипа из родного города! Ты бы убедился, что выражение его лица стоит потраченных двух тысяч франков. Кстати, пока мы тут одни, скажи, откуда у тебя деньги? Я же помню, ты остался без гроша. Понимаешь, Миним, я достаточно богат, и мои деньги полностью в твоём распоряжении.

Швелленбайн. Спасибо, Морис. Но для нашей жизни нам хватает того, что у нас есть. Я говорю "у нас", но на деле деньги принадлежат Мельхиоре. Процентом набегает что-то вроде восьми тысяч фунтов в год, и мы в них укладываемся. Кроме того, я иногда подрабатываю в гостинице, в долине. А Мельхиора получает около тысячи фунтов на курсах немецкого языка для туристов. (Он широко улыбается.) Чтобы отпраздновать этот юбилей, я откладывал по сотне фунтов в год. Каждый год в течение восемнадцати лет с тех пор, как мы купили нашу хибару в горах.

Он закуривает сигарету. Он хочет о чем-то спросить Кафте, но не решается. Это не из-за неловкости перед Кафте, но из нежелания всколыхнуть что-то в себе.

Швелленбайн. Послушай, Морис! Ты только что сказал: "добровольное изгнание нового Эдипа". Это правда, что первый Эдип сам обрек себя на изгнание?

Кафте (несколько рассеянно). Видишь ли, у Софокла это малость туманно. То, что его обрекли на изгнание сограждане, выясняется только задним числом во второй части трилогии и к тому же только через двадцать лет. (Неожиданно он приходит в волнение.) Скажи, Миним, с той ночи с Мельхиорой, когда к тебе начала возвращаться память, ты действительно вспомнил все до мелочей?

Швелленбайн (решительно). Нет! Ничего, кроме двух картин. Первая – когда я был у Мельхиоры, а вторая – у Риксона.

Кафте (задумчиво). Значит, Риксон не

вылечил тебя от амнезии. И все же, Миним, в этом есть что-то необыкновенное.

Швелленбайн. В чем?

Кафте. В том, что ранним утром после ночи у Мельхиоры ты дал ей те деньги, на которые сейчас живешь. И как ты это сделал!?

Швелленбайн. Не вижу тут ничего необыкновенного. Это была простая скромная благодарность миллионера за принесенное облегчение.

Кафте. Нет, Миним! Это было совпадение. Совпадение увиденной картины из прошлого с точным прозрением будущего. Дав ей деньги, ты обеспечил себя на все время своего будущего добровольно-изгнания.

Швелленбайн пожимает плечами.

Швелленбайн. Хорошо, я отправил себя в изгнание. Но почему?

Кафте (медленно и очень тихо). Почему? Потому что ты убил своего отца и еще трех человек, женился на собственной матери и прижил с ней четырех детей.

Швелленбайн (с почти незаметной

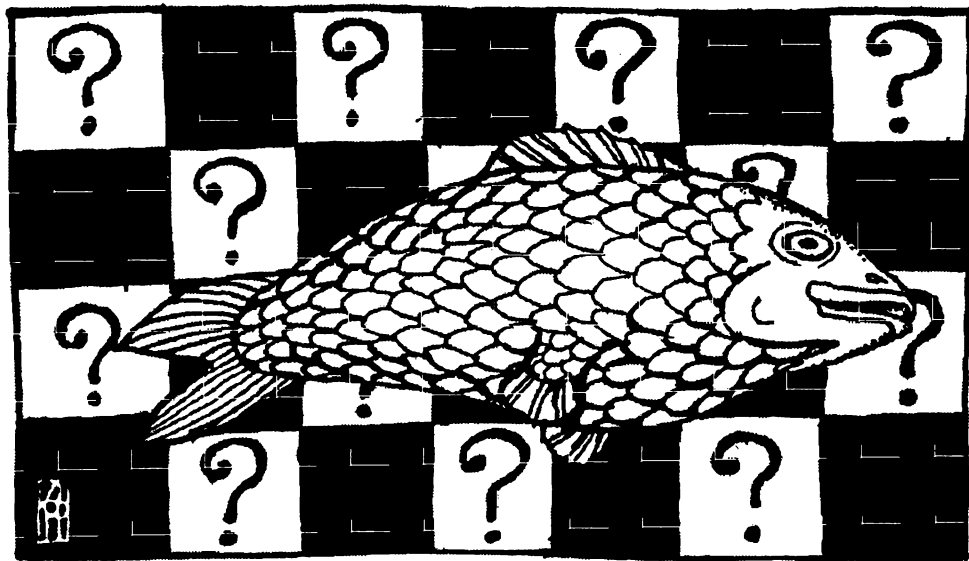
улыбкой). Значит ли это, что наконец-то теперь, через двадцать лет, ты, как и прокурор Рихтер, поверил в мое признание и отрицаешь версию судьи Петерса?

Кафте. Моя версия не подтверждает первую и не опровергает вторую. У меня третья версия. Я думаю, что все, что ты сделал, ты действительно сделал, но в другой действительности. В той действительности, у которой нет прошлого. В действительности, в которой ты всегда то, что ты есть. В действительности, в которой ты пребудешь до тех пор, пока существует добро и зло.

Слышно радио, которое наигрывает медленное танго. За Швелленбайном и Кафте появляются с одной стороны Мельхиора, а с другой – Леопольд.

Швелленбайн. Время завтрака. Пора жарить рыбу.

Швелленбайн встает, подхватывает ведро с рыбой, забирает удочки, плащ и резиновые сапоги и шагает вверх по крутой тропинке. Кафте, Мельхиора и Леопольд медленно уходят вслед за ним.

Авторизованный перевод с английского Андрея Сергеева.

Рисунки Анастасии Рюриковой.

Борис Носик

"Конечно, он был поставлен русскими..."

(Русские эмигранты и французское кино)

Самым блестящим периодом русской кинематографической эмиграции во Франции был, вероятно, период 20-х годов, эпоха немого кино. Известный французский киновед Жорж Садуль писал о выдающейся группе русских кинематографистов-эмигрантов, что она принесла во Францию последние достижения дореволюционного (левый Садуль называет его царистским) кинематографа, "формальные поиски, предвосхищавшие немецкий экспрессионизм и совпадавшие с французским экспрессионизмом". Судя по воспоминаниям знаменитого Жана Ренуара, которого обратил к кинематографу фильм Волкова и Мозжухина "Пылающий костер", русские мастера скорее всего предвосхищали и французский экспрессионизм тоже.

Вместе с Александром Волковым Мозжухин, кроме "Пылающего костра", поставил "Дитя карнавала" и имевший большой успех во Франции фильм "Кин, или Беспутство и гений" по роману Дюма-отца, о котором французская критика писала, что этот фильм должен войти во все антологии немого искусства.

Говоря о немом кино в Париже, надо непременно назвать Дмитрия Кирсанова. Он приехал во Францию двадцатилетним брать уроки виолончели в Парижской консерватории, а потом начал снимать фильмы и снял добрых два десятка. Это было не массовое, а так называемое некоммерческое кино. Дмитрия Кирсанова французские критики называют гением независимого кино. Это был совершенно своеобразный режиссер, который отказывался не только от зарождавшихся

звуковых опытов, но и от титров тоже – он считал, что движение, игра могут выразить всё.

Знаменитыми стали его "Ирония судьбы", "Менильмонтан" и, наконец, истинный шедевр "субъективного кино" – высоко ценимый знатоками фильм "Осенние туманы".

Из русских режиссеров, снимавших в Париже, следует назвать Якова Протазанова, поставившего в эмиграции один фильм и вернувшегося потом в Россию, Николая Евреинова, поставившего два фильма, Федора Оцепа, снявшего "Живой труп" и "Братьев Карамазовых", Рубена Мамульяна, поставившего "Воскресенье" по Толстому, фильм "Доктор Джэкил и м-р Хайд" по Стивенсону и много других экранизаций. Режиссеры Леонид Моги (Могилевский), Вячеслав Туржанский, Александр Грановский, Владимир Стрижевский, Николай Римский, Анатолий Литвак, Бэлла Рейн, Георгий Лампэн, поставивший "Идиота" по Достоевскому с Жераром Филиппом в главной роли, Познер, Маликов, Колин поставили многие десятки

фильмов, включенных в энциклопедию французского и мирового киноискусства.

Соника Бо, Софья Кавуновская, работая во Франции, стала всемирно признанным мастером детского кино и организовала в 1933 году клуб "Сандрийон" ("Золушка") – для создания и демонстрации детских фильмов; Владислав Старевич и Александр Алексеев, стали крупнейшими французскими мультипликаторами.

Режиссер – хозяин и творец фильма, ему достается и львиная доля славы. Но начинается фильм на Западе с продюсера. Это не просто бизнесмен, который ссужает деньги режиссеру, – это зачастую такой же энтузиаст, игрок и вдохновитель шедевра, каким был Дягилев в балете. В Париже были и русские продюсеры. Сперва Сергей Еромольев и Александр Каменка, предоставившие возможность Протазанову, Волкову, Мозжухину, Туржанскому, Стрижевскому осуществлять свои постановки, а потом – и Ренэ Клэру, и Ренуару, и Фейдэру. Русский

продюсер Осип Берхольдц вместе с Эдуардом Жидом, братом знаменитого писателя, основал фирму "Жибэ", с которой сотрудничали Ренуар, Отан-Лара, Кайятт, Жак Деми, Роже Вадим, Клод Шаброль, Жан-Поль ле Шануа. Был еще русский продюсер Саша Гордин, у которого снимали Марсель Карне и Камю и у которого Оффюльс сделал свой знаменитый "Круг", получивший пять международных наград.

Из русских операторов наиболее известны были Георгий Зайдлер, Леонид Азар, работавший сперва со своим братом, режиссером Грановским, а позднее с Марселем Карне и Луи Маллем, Михаил Кольбер, снимавший у Робера Оссейна, у Любича, Седмака, Отана-Лара, Ренэ Клэра, и брат знаменитого Дзиги Вертова Борис Кауфман, снимавший с Жаном Виго и Абелем Гансом, а позднее, в Америке, с Сидни Люметом и Седмаком.

Для французского кинематографа в эмиграции писали сценарии Евгений Замятин, Питер Устинов, Жозеф Кессель, Яков

Кампанеец. Знаменитыми композиторами кино стали в эмиграции Дмитрий Темкин и Михаил Левин-Мишле.

Еще ощутимее во французском кино был вклад русских художников. Речь идет не только о замечательных русских художниках-декораторах, которые в европейское кино внесли струю столь же яркую, как и в европейский балет, но также о костюмерах, примерах. Откройте любой французский словарь кино, и сразу – на букву "а" – вы увидите: Аноп Аракельян, французский гример, ученик великого Шахатуни, создал поразительное лицо чудовища для Жана Марэ в фильме "Красавица и чудовище". Был одним из творцов Брижит Бардо, которая имела первый успех в его гриме. Аракельян работал у Карне и Отана-Лара, у Абеля Ганса и Ренэ Клэра, у Седмака и Роже Вадима.

Кроме упомянутых двух русских гримеров, следует назвать и Сергея Глебова, Бориса Карабанова, Игоря Келдыша, Константина Сафронова... В титрах самых знаменитых французских фильмов вы найдете их имена.

Еще весомее был вклад русских декораторов. У многих великих режиссеров мира работали декораторами парижане Андрей Андреев и Юрий Анненков, Андрей Бакст и Лев Барсак, Александр Бенуа и Георгий Бакевич, Мстислав Добужинский и Петр Шильдкнехт, Евгений Лурье и Иван Лошаков. Даже самые ленивые и нелюбопытные киношники, которых не интересовало, скажем, кто это так блистательно оформил фильмы Волкова, Саша Гитри или Евреинова, все же знали имя Константина Бруни, ибо вдобавок к своим знаменитым кинотворениям Бруни расписал бар на студии "Сэн-Морис" под Парижем, где звезды мирового кино коротали время у стойки. Универсальный эмигрантский гений Юрий Анненков организовал в Синдикате технарей французского кинематографа новую секцию – создателей костюма, и термин "создатель костюма" стал официальным. Заговорив о костюмах, следует упомянуть знаменитые мастерские кинокостюмов, принадлежавшие русским мастерам – Екатерине

Бибко, Марии Громцевой, Варваре и Ирине Каринским, Лидии Добужинской, Марии Молотковой и еще, и еще...

Есть знаменитые французские кинорежиссеры, в чьих именах не сразу узнаешь их русское эмигрантское происхождение. Роже Вадима называют Пигмалионом кинозвезд – он открыл прекрасную Брижит Бардо и прекрасную Катрин Денёв. Его фильм "И сотворил Бог женщину", по мнению критики, на два года предвосхитил французскую "новую волну". Его настоящая фамилия – Племянников. Вадим Племянников. А удивительный, тончайший комедиограф Жак Тати? Он Татищев, тоже русский, хотя уже с примесью голландской, итальянской и французской крови. Но какому, скажите, из русских талантов мешала когда-нибудь примесь чужеземной крови – не Пушкину же, не Жуковскому, не Лермонтову, не Фету, не Пастернаку, не Блоку, не Набокову... Уж не говоря об Эйзенштейне, о Вертове, о Калатозове, о Ромме, о Мотыле, об Окуджаве, об Иоселиани...

*Из книги Бориса Носика
"Привет эмигранта,
свободный Париж".*

Дорога.

Дальний восток.
Пейзаж с фанзой.

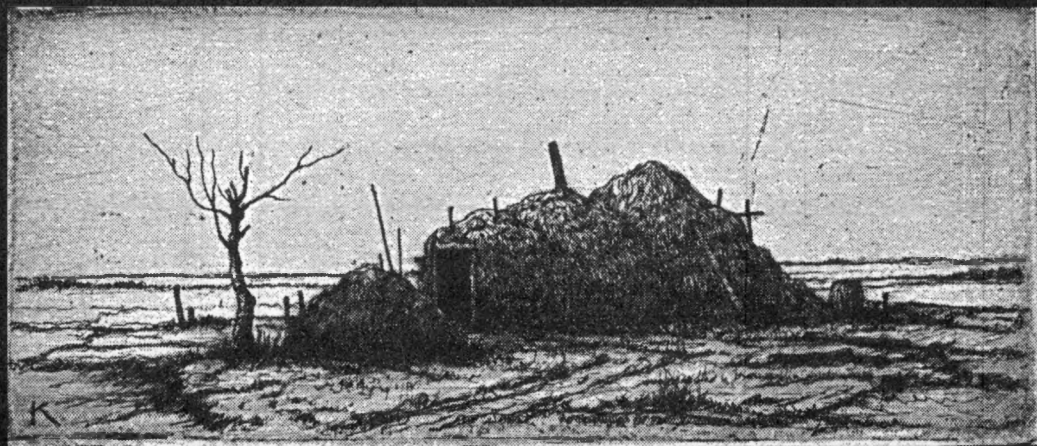
Галерея "Дом Нащокина"
при журнале "Киносценарии"
представляет выставку
произведений

Дмитрия Краснопевцева "Памяти мастера".

Мы прощаемся с Художником,
который в последние
дни жизни
работал над будущей
экспозицией.

Офорты воспроизведены
в натуральную величину.
Публикуются впервые.

Пейзаж
с хижинкой.

Георгий
Параджанов-Анин

Уродина

Раскаленная, потрескавшаяся от зноя земля. У подножия невысокой горы притались мужчины, женщины, старики и дети. Вокруг людей лежал их скарб: домашняя утварь, большие узлы, тюки, чемоданы, корзины, шкафы, кровати и столы. Вперемешку с людьми и их скарбом сидели домашние животные: коровы, буйволы, овцы и козы. На сколоченных на скорую руку деревянных ящиках сидели куры, индюки и гуси. Завывал ветер. По степи катились кусты "перекати-поле". На лицах людей читались тревога, страх и ожидание большого горя.

Юноша Мирза, укрывшись от солнца, крутил ручку "спидолы". Приемник пищал и выплескивал непонятные звуки.

У подножия горы стояла пожарная машина старого образца, с деревянной выдвинутой лестницей, поднятой вверх. На самом вершине лестницы стоял сельский пожарник Тахр и смотрел в подзорную трубу.

– Тахр, ну что? – кричала ему женщина, сидя на стуле.

– Далеко еще, непонятно, в какую сторону идет.

На ноги вскочил Актан и с криками:

– Ай, ай, ай! Я должен успеть! – бросился бежать по степи.

Люди молча смотрели на бегущего Ак-

тана. Актан вбежал в пустое село, подбежал к дому.

– Тахр! Куда он побежал? – кричали снизу люди.

Актан отдирает деревянные подпорки дома, разбрасывая их в разные стороны. Во дворе, возле сарая, Актан увидел ошестинившуюся суку со щенками. Актан кричал что-то людям, сидящим в степи, махал руками, но люди не понимали чего он хочет. Только мохнатый пес наострил уши, вскочил и побежал в село. Сука и кобель бежали к подножию горы, держа в зубах новорожденных щенков, а за ними бежал Актан, держа еще двух щенков, завернутых в майку. Актана окружили односельчане. Люди интересовались, зачем он убежал в село.

– Мой дом очень старый, и если смерч налетит и наткнется на сопротивление, то он разнесет его, а я разобрал подпорки, чтобы он шатался в разные стороны и уцелел.

– Молодец Актан! Ай хитрый, догадался, – хвалили его люди.

– Тахр, ну что, видно что-нибудь или нет? – кричали снизу люди.

– Не видно, – заплетающимся языком ответил Тахр, отхлебнув водки из бутылки.

Мирза лежал под арбой. Одно колесо

арбы было приподнято, Мирза крутил колесо и смотрел через крутящиеся спицы. Взгляд его остановился на девушке Айхан. Айхан была некрасива. В свои шестнадцать лет она была худощава, с плоской грудью и неразвитыми бедрами. Айхан уловила этот взгляд. Мирза смотрел на Айхан и улыбался. Кто-то закричал:

– Ну все, обратно домой. Смерч прошел другой стороной.

Люди зашевелились, поднимали скот, мычали буйволы. Караван двинулся по степи в сторону села.

Айхан и ее тетя Тана пытались разбудить пьяного Тахра, мужа Таны. Пьяный Тахр спал на лестнице пожарной машины. Айхан полезла на лестницу будить Тахра. Люди смотрели на будящую Тахра Айхан и хохотали.

Багровое солнце погружалось в горизонт. Люди выносили из дома и несли на сельскую площадь домашние вещи: стулья, скатерти, люстры, кастрюли, ковры – и все

это складывали в одну большую кучу. Тахр катил старое колесо от машины. Айхан несла лист крашеного картона с наклеенными на него высушенными полевыми цветами. Кучу облили бензином и подожгли. Вспыхнул огонь. (Каждый должен был принести что-нибудь в жертву за то, что смерч прошел стороной.)

Заиграла музыка. Сельский дурачок Каянчик, по пояс голый, танцевал вокруг костра танец “овцы”. Люди клеили бумажные деньги на потное толстое тело Каянчика. Дети бегали, размахивая тлеющими головешками.

Айхан стояла в доме у окна. Искры огня взлетали к звездному небу, исчезая в темноте. Айхан села на пол на соломенную циновку, открыла большой фанерный чемодан, вынимая из чемодана сухие цветы, раскладывала на крашенный картон. В окно кто-то постучал. От неожиданности Айхан вздрогнула, подошла к окну. За окном стоял Мирза.

– Почему ты не пошла на праздник?
– Мне надо закончить работу. Завтра приедут из магазина.
– Ну ладно, счастливо, – попрощался Мирза и скрылся в темноте.
Догорал костер. Захмелевшие люди танцевали и пели.

Утром Актан подпирал подпорками дом. По окраине села, в сторону гор, бежала Айхан с чемоданом в руке. В расщелине гор, на маленьком клочке обработанной земли, росли полевые цветы. Выросшие цветы Айхан аккуратно срезала ножницами и складывала в чемодан. Айхан шла по селу с чемоданом. Навстречу ей шли женщины-соседки.

– Здравствуй, Айхан! Ты что, уезжаешь?
Айхан на мгновение остановилась и быстро пошла вперед.
– Что за странная девочка? О чем ни спросишь, уставится на тебя своими глазами и ни слова в ответ, как глухонемая.

Во дворе дома Айхан развешивала на бельевые веревки цветы. В окне появился Тахр.

– Не понимаю, где ты их берешь? Цветы в наших местах не растут.

Айхан продолжала молча развешивать цветы. К калитке подошел Мирза. В руках он держал нарезанные листы картона.

– Айхан! – окликнул ее Мирза. – Я тебе нарезал картон.

– Спасибо, Мирза.

– Какие красивые цветы, я никогда таких не видел.

Айхан сняла с веревки несколько цветов, протянула Мирзе:

– Передай маме.

Ночь. В дальней комнате на кровати лежали Тахр и Тана. Одну комнату от другой отделяла ситцевая занавеска. Тахр дремал. Тана локтем пихнула в бок Тахра:

– Послушай, Тахр, девочка окончила школу. Жалко ее, ей надо хотя бы училище закончить. Пошлем ее в район в швейное училище. Ты же сам видишь, что у девочки золотые руки. Тем более что деньги на содержание девочки мать высылают.

– Твоя сестра в богатстве задыхается, еще троих родила, в частную школу ходят. А на эту сколько присылает, курам на смех.

Навязали на наши головы, и мы обязаны учить ее?

Айхан спала в другой комнате на тахте.

Утро. По сельской улице ехал новый серебристый “мерседес”, поднимая облака желтой пыли. Дети с криками бежали за машиной, исчезали и вновь появлялись из клубов пыли. Машина остановилась возле дома, где жила Айхан. Из соседних домов повыскакивали ошеломленные люди. Мужчины облепили машину. Из машины вышла Канна, сестра Таны (Канну знали все). Она родилась и выросла в этом селе). Канну моментально окружили женщины. Глаза их сверкали восхищением, любопытством и завистью. Тана и Тахр, с трудом раздвинув толпу, помогли Канне войти в дом. Толпа любопытных не спешила разойтись. Мужчины и дети разглядывали машину. Шофер просил любопытных быть осторожными, чтобы не оцарапать машину. Женщины сплетничали:

– Вы только посмотрите, до сих пор пахнет духами.

– Уже и говорить с нами не хочет, а ведь вместе выросли.

– Вот что делает с человеком богатство.

Айхан на кухне мыла посуду. Тана позвала Айхан. Айхан вошла в комнату, с рук капала мыльная пена. Канна оглядела Айхан с головы до ног.

– Это и есть моя дочь?! Ну и уродина.

Айхан, покраснев, отвернулась и молча вышла из комнаты. Тана, покачав головой, начала накрывать на стол.

– Подожди, Тана, я сейчас.

Канна окликнула водителя, попросила войти в дом и захватить пакеты. В дом вошел молодой красивый парень.

– Это наш водитель Гуджал.

Тахр подбежал и поздоровался с водителем.

– Это моя сестра Тана, а это ее муж Тахр – пожарник. Зачем пожарник в этом селе, не знает никто.

Канна передала пакеты сестре:

– Я привезла кое-что.

Тана выложила из пакетов в блестящих упаковках сыр, колбасы, мясо, сладости и две бутылки дорогой водки.

Все, кроме Айхан, сели за стол. Канна лихо выпила рюмку водки.

– Ой, неужели ты пьешь? – удивилась Тана.

– В этом мой муж виноват, в один при- сест бутылку виски выпивает. У нас в доме постоянно гости.

– Вот это жизнь: пить и есть каждый день такие вкусности, – восторгался Тахр.

– Значит, при ваших возможностях, вам ничего не стоит дочку в район в училище отправить.

– Не говори глупостей, Тахр! – воскликнула Канна.

– И все же девочку надо отправить в училище. Посмотри, что она делает.

Тана показала листы крашеного карто- на с наклеенными на него цветами.

– Сколько раз мы просили ее сказать, где она берет эти цветы, ни за что не го- ворит, – лепетал захмелевший Тахр.

– Из города приезжает человек, увозит в магазин, говорит – хорошо продается, – поддержала Тана.

– Вот и прекрасно, – оборвала всех Канна. – Пусть здесь и сидит.

Тана хотела возразить, но Канна не дала ей сказать.

– И не напоминай мне больше об этом.

В расщелине горы Айхан детскими граблями осторожно вспахивала землю, поливала водой из ведра цветы. Внизу в сте- пи паслась белая буйволица.

Пьяная Канна, обхватила руками шею водителя Гуджала, громко хохотав, крича- ла:

– Вы посмотрите, какой у моего мужа водитель, он же его телохранитель и мой тоже.

Пьяный Тахр спал за столом. Тана про- водила сестру до машины.

– Послушай, Канна, нехорошо смеяться над внешностью девочки, она же в этом не виновата.

– А, это ты про уродину?

– Она ведь твоя дочь.

– Поехали! – крикнула Канна.

“Мерседес”, поднимая желтую пыль, погнал по дороге.

Солнце клонилось к закату. Айхан и Мирза шли по улице. “Мерседес” пронесся мимо них. Мирза долго провожал взглядом машину.

– Вот это машина, “мерседес” называ- ется, красивая, правда?

Айхан молча шла по дороге.

На сельскую площадь заехала грузовая машина в сопровождении двух легковых машин. Из машины вышли дамы, их сразу окружили жители села. Дамы бесплатно раздавали старую одежду, сладости, кое- какие лекарства. Народ набросился на все, как голодные звери.

Гуманитарная помощь быстро кончи- лась. К дамам подступила толпа с криками:

– И это все?!

– Почему так мало приволокли?

– Натаскали всякого дерьма!

Дети стали швырять камнями.

Айхан шла с сумкой продуктов из мага- зина. Войдя в дом, она увидела тетю, ле- жущую на полу скрюченной и стонавшей.

– Что с вами, тетя?

– Ой, умираю...

Айхан выбежала из дому и побежала по улице. Навстречу ей шли женщины, муж- чины и дети. В руках они несли одежду, рассматривая ее на ходу и громко разго- варивая. Дети менялись игрушками. Айхан забежала в пивную. В тумане табачного дыма за столом сидел Тахр. Айхан подо- шла к столу и тихо сказала:

– Тетя умирает.

В гуле голосов Тахр не расслышал, что сказала Айхан.

– Что ты говоришь?

– Тетя умирает, – повторила Айхан и пошла к выходу.

Тахр выбежал из пивной и побежал к дому. Тана лежала на полу без сознания.

Тахр на руках вынес из дома Тану, уло- жил в кабину пожарной машины. Голова Таны лежала на коленях Айхан. Тахр гнал машину по степи.

Тахр и Айхан сидели в больничном ко- ридоре. Из приемной вышел врач.

– Ущемление грыжи. Будем делать опе- рацию.

Пожарная машина ехала по степи. Солн- це клонилось к закату. Белая буйволица лежала в степи.

– Твоя тетка, которая заботится о тебе больше родной матери, больна, смертель- но больна, понимаешь?

Айхан, соглашаясь, кивала головой.

Машина остановилась на площади. Тахр дал деньги Айхан:

– Зайди в лавку и купи водки.

Айхан зашла в лавку. За прилавком стоял Мирза.

– Здравствуй, Мирза.

– Здравствуй, Айхан.

– Дай бутылку водки. Тетю в больницу повезли, у нее грыжа.

На улице засигналила машина.

– Я пойду, меня дядя ждет.

Айхан побежала к машине.

– Тебя только за смертью посылать. Я устал, как собака, а ты языком чешешь с Мирзой.

У дома стоял "москвич"-фургон. Тахр и человек, приехавший на машине, выносили из дома листы крашеного картона, с наклеенными на него засушенными цветами и складывали в машину. Айхан на кухне чистила рыбу и смотрела в окно. Машина уехала. Тахр пересчитывал деньги, которые дал ему человек.

День. По степи ехал обшарпанный УАЗ. За машиной бежали дети с криками:

– Кино! Кино! Кино!

Водитель, он же киномеханик, прямо в степи вбил две металлические трубы, натянул пожелтевшую, когда-то белую, клеенку-экран.

На площади возле магазина висел лист бумаги, на котором корявым почерком было написано: "Новый американский детектив. Андорусский пес". Люди читали афишу и радовались, что привезли кино.

Смеркалось. На небе появились первые звезды. Люди выходили из домов со стульями, табуретками, лавками, одеялами, шли в степь, бросали в железное ведро деньги.

Пьяный Тахр спал на кровати. Айхан вышла из дому. На улице ее ждал Мирза, держа в руках два стула.

– Побежали, а то опоздаем, – сказал Мирза.

Народ молча сидел в ожидании фильма.

– Включаю! – крикнул киномеханик.

На экране вспыхнуло название: "Андалузский пес". Люди смотрели затаив ды-

хание. Легкий ветерок шевелил экран, искажая изображение. В темноте на горизонте засветились желтые точки. Точек становилось все больше и больше. Точки приближались к людям, окружая их кольцом. Местный дурачок Каянчик, вскочив на стул, заорал:

– Волки!

Визжали женщины, плакали дети, мужчины снимали с себя одежду, поджигали, размахивали в разные стороны. Луч прожектора носился по степи, ослепляя и пугая волков. Изображение фильма прыгало по степи.

Утро. В степи валялись обгоревшая одежда, одеяла и кусок экрана. По степи бегали дети с серпантинном киноленте, прищуривая глаза, смотрели на кадры восторженно, показывая друг другу.

Тахр ничего не знал о случившемся. Он сидел на ступеньках дома с бутылкой пива. Айхан вешала на веревки выстиранное белье.

По селу ехал серебристый "мерседес". Остановился возле дома.

– Эй, Тахр, встречай гостей! – крикнула Канна и вышла из машины.

Айхан, увидев мать, спряталась за простыней.

– Я сегодня была в больнице у Таны. Ей сделали операцию. Все хорошо. Через неделю привезешь ее домой. Давай посидим, поговорим.

Она достала водку и закуску.

– А где Айхан?

– Во дворе вешает белье.

– Позови, пусть на стол накроет.

– Айхан, зайди домой.

Айхан вошла и остановилась в дверях.

– Давай, накрывай на стол, – сказала Канна.

Водитель Гуджал включил телевизор. Канна подошла к Гуджалу и обняла его за плечи. Айхан смотрела на блестящие пакеты, не зная, что с ними делать. Она разложила всё на тарелки также в пакетах.

– Ко всем твоим бедам ты еще и дура! – увидев, что сделала Айхан, крикнула Канна.

Айхан, покраснев, вышла из дому. Она шла по улице, остановилась возле калитки одного из соседских домов. Айхан стояла,

оглядываясь по сторонам, словно опасаясь, чтобы ее никто не увидел. Она юркнула во двор и тихо постучала в дверь дома.

– Входите, – раздался мужской голос.

Айхан открыла дверь. В комнате вокруг стола бегал карлик с усами, играя сам с собой в детский настольный хоккей.

– Заходи, – сказал карлик, продолжая игру.

Айхан закрыла дверь и встала у порога, не решаясь пройти в комнату.

– Наверное, ты к бабушке пришла? Она спит, – карлик показал на вторую комнату, из которой доносился храп.

Айхан увидела на комодике куполообразную форму, покрытую белой простыней. Под простыней что-то тяжело дышало, белая простыня надувалась и сдувалась.

– Кто к нам пришел? – раздался голос из другой комнаты.

– Это Айхан, – ответил карлик.

Бабушка вошла в комнату. Это была толстая старуха с множеством бородавок и крашенными хной волосами.

– Тебя что-то беспокоит, детка, иначе бы ты не пришла. Говори, не бойся.

Айхан опустила голову и почти шепотом сказала:

– Я уродина. Помогите мне.

– Ай, – тяжело вздохнула бабушка. – Кто тебе это сказал?

Бабушка подошла к комоду и сняла белую простыню.

– Моя мать.

– Чтоб у нее язык отсох!

Под простыней в большой железной клетке сидела огромная черная курица.

– Ты снесла еще яичко?

Курица закудаhtала.

– Тебе повезло, Айхан. У нас сегодня свежие яйца.

Бабушка вытащила из-под курицы два розовых яйца.

– Перкосрак*, надо помочь Айхан.

Карлик, не обращая внимания, увлеченно бегал вокруг стола, продолжая играть в хоккей.

– Я кому сказала, Перкосрак, давай работать.

Перкосрак, недовольный, лег на кровать и закрыл глаза. Бабушка, взяв два яйца,

разбила их и налила в глазницы внуку. Айхан испуганно смотрела на происходящее.

– Слушай внимательно все, что скажет тебе Перкосрак.

Айхан шла вдоль берега реки, держа в руке глиняную пиалу, останавливаясь, всматриваясь в прозрачные воды, по каменистому дну плыли рыбы. Длинные серые водоросли медленно раскачивались в воде. На противоположном берегу реки белая буйволица пила воду из реки.

Айхан черпнула пиалой по дну реки, пиала наполнилась глиной. Айхан перешла на другой берег реки, ласкала белую буйволицу, легла на землю под большое недоенное вымя, осторожно потянув рукой розовый сосок. На лицо Айхан лилось белое молоко. Буйволица вытягивала вверх шею и мычала. На залитое молоком лицо Айхан мазала глину с речного дна. Затем она встала и пошла в расщелину горы, легла на землю, закрыв глаза и подставив лицо под лучи палящего солнца.

В доме выпившая Канна целовалась с водителем Гуджалом. Тахр, сидя на полу, барабанил по деревянному сиденью стула.

Солнце медленно погружалось в горизонт. В гору шла белая буйволица. Айхан спала. Глина на ее лице высохла и потрескалась. В расщелину горы заглянула буйволица. Айхан резко открыла глаза. Солнце почти исчезло, надвигались сумерки. Испуганная Айхан вскочила на ноги. Испуганная буйволица выбежала из расщелины и побежала вниз в степь. В степь бежала и Айхан. Айхан вбежала в село, было уже совсем темно. “Мерседес” по-прежнему стоял возле дома. Айхан тихо вошла в дом. Работал телевизор. Пьяный Тахр спал на полу. Из дальней комнаты доносились вздохи и стоны. Айхан осторожно, чуть-чуть, приоткрыла занавеску. Канна и Гуджал занимались любовью. Айхан отошла от занавески, подошла к платяному шкафу с большим зеркалом. Кое-где кусочки глины с ее лица отвалились. Она всматривалась в свое лицо, словно впервые его видела, отдирала оставшиеся кусочки прилипшей глины. Лицо Айхан никак не изменилось. Из ее глаз потекли слезы, и она

*Имя – Первая космическая ракета. (Прим. автора)

вышла во двор. Ярко светила луна. Большая ночная бабочка летела на свет в окне, билась о стекло, замирала на мгновение, отлетала и снова билась.

По освещенной лунным светом сельской улице хозяйка, ругая, гнала белую буйволицу.

– Ах ты, сучка, каждую ночь искать тебя надо, сожрут волки, тогда узнаешь, как отставать от стада.

Айхан вошла в сарай.

Раннее утро. Выходило солнце. Канна и Гуджал тихо сели в машину и быстро уехали.

Тахр вышел во двор, болела голова, зашел в сарай. Айхан лежала на циновке, укрывшись старым пледом. Айхан молча смотрела на Тахра.

– Вот ты где? Пойди за пивом.

Он осмотрел стены сарая, на которых висели засушенные цветы.

– Ну, скажешь, где они растут? Эх, была бы ты лицом чуть красивее и телом покрепче, можно было бы найти тебе другую работу, а так, кроме этого, ничего.

Тахр, махнув рукой, вышел из сарая.

Сумерки. На сельской площади горел небольшой костер, через который перепры-

гивали дети. Женщины сидели на лавках и разговаривали, а мужчины играли в кости.

– Как здоровье тети? – спросила одна из женщин.

– Уже лучше, – ответила Айхан.

К Айхан подошел Мирза.

– Посмотри, что я нашел. Это куриный бог.

На ладони он держал камешек со сквозной дыркой.

– Говорят, это на счастье. Миллионы лет назад здесь было море.

Возьми, я дарю тебе.

– Спасибо, оставь себе на счастье.

Айхан попрощалась и ушла.

Ночь. В дальней комнате спал Тахр, в другой комнате спала Айхан. Тахр, проснувшись, вышел во двор, по малой нужде. Возвращаясь в дом, проходил через комнату, где спала Айхан.

Айхан лежала на спине, широко раскинув ноги. Тахр наклонился над Айхан, чтобы поправить сползшее одеяло. Лунный свет, проникавший в окна, падал на обнаженное бедро Айхан, и оно в эти минуты казалось округлым и очень привлекательным. Тахр все ближе заползал на кровать к Айхан. Айхан открыла глаза и застывшим взглядом уставилась на Тахра.

– Закрой глаза, – прохрипел Тахр.

Айхан продолжала смотреть на него.

– Закрой глаза и лежи тихо, ничего плохого я тебе не сделаю. Айхан смотрела на Тахра.

– Закрой глаза! – завизжал Тахр и зажмурил рукой глаза Айхан. Тахр затрясся всем телом и заскрежетал зубами, пот полился с его лица.

Утро. Айхан лежала в постели. Тахра в доме не было. Айхан встала с кровати. На

простыне она увидела пятнышко крови.

Тахр, сидя в забегаловке, рассказывал соседу:

– Все бабы одинаковы, что в шестнадцать лет, что в тридцать. Бывает, девочка еще, а глядит на мужчину такими глазами, как взрослая.

Айхан шла по степи с большим чемоданом в руке. В степи паслась белая буйволица.

Айхан вошла в дом. В комнате на кровати лежала Тана. Айхан удивленно посмотрела на тетку.

– Меня выписали на три дня раньше. Как вы тут жили без меня?

– Нормально, – ответила Айхан и пошла на кухню.

– Завтра пойдем в баню, надо хорошенько помыться.

Айхан выбежала из кухни во двор, забежала за сарай, ее тошнило.

Сельская баня. Айхан и Тана раздевались в раздевалке. Тана увидела, что на худеньком теле Айхан резко выделялись набухшие груди.

Ночь. Тана и Тахр лежали в постели. Тахр храпел, а Тана лежала с открытыми глазами с выражением тревоги на лице. Затем она встала с кровати, отодвинула занавеску, разделяющую комнаты и посмотрела на спящую Айхан.

Утром Айхан и Тана накрывали на стол. Тахр смотрел телевизор. Айхан с трудом глотала еду. Тана следила за Айхан. Айхан забежала за сарай. Тахр, не обращая внимания, ел.

Сельская площадь. Айхан и Тана сели в автобус.

Больничный коридор. В коридоре сидела Тана. Айхан вышла из кабинета врача. Врач вышел следом за Айхан и попросил войти Тану.

– Ваша племянница беременна.

Тана, услышав, взвизгнула.

– Не волнуйтесь, никаких отклонений не наблюдается.

Тана сидела, обхватив голову руками.

– Доктор, а нельзя сделать аборт?

– Можно, но неофициально. Ведь она еще несовершеннолетняя. Но учтите, это ведь первая беременность, у нее может не быть больше детей.

Тана вышла из кабинета, схватила за руку Айхан.

– Кто он? Скажи, кто тебе заделал ребенка?

Айхан, поняв, что беременна, сжалась в комок.

– Послушай, Айхан, какой тебе смысл скрывать его имя?

Айхан, как сомнамбула, шла за теткой. Перед ее глазами пронеслась та самая лунная ночь.

Айхан во дворе красила гуашью листы картона. Тана попросила Айхан войти в дом, дала деньги.

– Пойди купи хлеба и риса.

Айхан зашла на кухню взять сумку. На мгновение она замерла, взгляд ее упал на кухонный нож, лежавший на столе. Она бросила его в сумку и вышла из дома.

Во дворе на бельевых веревках сушились полевые цветы. Тахр ковырялся в моторе пожарной машины. Тана подошла к Тахру:

– Я хочу поговорить с тобой, Тахр.

Тахр, не поднимая головы от мотора:

– Говори.

– Айхан кто-то заделал ребенка.

Испугавшись, Тахр чуть не упал с машины, ухватившись за деталь в моторе. Машина, затрясшись, завелась.

– По срокам все произошло во время моего пребывания в больнице.

– Надеюсь, ты не думаешь, что это я сделал ей ребенка?

– Я хочу выяснить только одно, оставлять ребенка или нет.

Тахр растерянно забегал по саду, пытаясь в цветах, висящих на веревках.

– Я тебя предупреждаю, не смотри на меня так, я здесь ни при чем. Ведь я для нее не просто дядя, я как отец родной.

Тана шла за Тахром.

– Что произошло за время, пока я лежала в больнице?

– Мы с тобой пять лет уже не спим, я пьяница, и мне женщина не нужна.

– Так что, пусть рождает?

– Куда ей рожать? Срам какой, что люди

скажут? Мы с тобой посмешим станем на все село.

Во двор вбежал Актан. Тяжело дыша, он кричал:

– Пойдем быстрее на площадь у магазина...

Актан задыхался и не мог выговорить ни слова. В сторону площади бежали люди с криками:

– Убили, убили...

Актан сбиваясь кричал:

– Ваша Айхан...

– Что-то случилось с Айхан? – испуганно спросила Тана.

– Ваша Айхан пырнула ножом Мирзу, мальчик умирает.

С площади доносились вопли и крики.

– Ты что глупости говоришь? Айхан пырнула ножом Мирзу?..

Из-за висящих на веревках цветов появилось лицо Тахра в желтой и фиолетовой пылице.

По улице бежала Тана. Мирзу уже увезла машина. Кто-то посыпал лужу крови землей. Милена, мать Мирзы, набросилась на Тану:

– Твоя уродина убила моего мальчика!, За что? Он единственный относился к ней по-человечески! Не зря все говорят, что в ней сатана живет!

Женщины пытались увести Милену домой.

– Айхан у Марселя, – сказала одна из женщин Тане.

Тана побежала в милицейский участок.

За столом сидел милиционер Марсель и что-то писал.

– Марсель, что случилось? Где Айхан?

– Твоя Айхан ударила Мирзу ножом, больше сказать мне нечего. Она не хочет говорить.

– А где она сейчас?

– Я ее запер в погребе, – Марсель указал пальцем в пол. – Утром за ней приедет машина, ее повезут к следователю.

Тана стояла на сельской площади. Наступали сумерки. На площади мужчины все еще обсуждали и показывали друг другу, как все произошло.

Тана вошла в дом. Тахр лежал на дива-

не перед телевизором. Увидев Тану, Тахр испуганно взглянул на нее.

– Ну что? Правда ударила ножом?

– Правда.

Тана пошла на кухню, вымыла руки и села ужинать. Тахр, не отрывая взгляда от телевизора, сказал:

– Если Айхан пырнула этого мальчишку, значит, именно он заделал ей ребенка.

Тана ела, не обращая внимания на болтологию Тахра.

– До чего же ты бесчувственна, у тебя не сердце, а камень! Родную племянницу посадили, как преступницу, а ты ешь себе спокойно.

– Она сидит в погребе у Марселя. Завтра ее увезут в район в прокуратуру.

Тахр, как шар, подпрыгнул на диване.

– Учти, Айхан твоя племянница, а не моя. Так что меня это не касается, чтоб меня не вызывали.

Утро. Сельская площадь заполнена людьми. Все собрались посмотреть, как будут увозить Айхан. На площади стоял желтый милицейский УАЗ. Марсель вывел Айхан и посадил в УАЗ. Машина поехала. Тана стояла в стороне, спрятавшись за дерево. Тахр стоял на крыше машины во дворе дома и смотрел на происходящее на площади.

Желтый УАЗ ехал по степи. Айхан смотрела сквозь решетку. Белая буйволица смотрела на машину.

В селе рассказывали, что мальчик потерял много крови. Ему сделали операцию и переливание.

Тана задумавшись шла по улице. Вдруг она остановилась и быстро пошла в обратную сторону, зашла в дом к гадалке Кундуз.

У гадалки Тана увидела Милену. Женщины молча посмотрели друг на друга. Внук гадалки, бегая вокруг стола, играл в настольный хоккей. Черная курица гуляла по комнате.

– Вы пришли, чтобы узнать, что будет дальше с вашими детьми. У меня осталось два яйца. Ритта больше не будет нести яйца (гадалка показала на гуляющую курицу), до тех пор, пока из наших мест не уйдет Астовидад (демон гнева). Но горе у вас одно. Давай работать, Перкосрак.

HP

Внук гадалки лег на тахту, закрыл глаза, скрестив на груди руки. Гадалка Кундуз разбила яйца, налив в глазницы внука. Громко закудаhtала курица.

– Слушайте, женщины, что будет дальше с вашими детьми.

Перкосрак начал говорить:

– Последнее время в наших краях правит Аэшма (демон гнева и похоти). Но скоро взойдет Митра (ангел солнечного света), и Рашлу (ангел правосудия) изгонит Аэшму.

Прокуратура. Тана сидела в кабинете следователя.

– Допрос вашей племянницы не дал результатов. Выяснить причину преступления не удалось. Что вы можете сказать по этому поводу?

– Она дружила с Мирзой, но что произошло между ними, я не знаю. Мальчик все время звал Айхан, пока не потерял сознания.

– Может быть, вы поговорите с ней.

– Я попробую.

Следователь приказал дежурному привести девочку. Айхан ввели в кабинет.

– Садись, – сказал следователь Айхан, а сам вышел в коридор.

– Айхан, я прошу тебя, это Мирза заделал тебе ребенка, поэтому ты и ударила его ножом?

Тана что-то продолжала говорить, но Айхан ее не слушала. Она вспомнила ту самую ночь, когда стала женщиной. Она очнулась, тетка трясла ее за руку. Айхан посмотрела на тетку отрешенным взглядом. Вошел следователь. Приказал увести девочку. Тана попросила разрешения передать пакет с одеждой Айхан. Следователь, быстро перебрав стопку, разрешил.

Айхан шла по коридору, неся в руках пакет с одеждой. Дежурный открыл дверь камеры. Айхан вошла, за ней закрылась дверь. С правой и левой стороны стояли двухэтажные нары, три пустовали, на одной нижней, лежа лицом к стене, спала женщина.

Айхан сидела на углу нар, рассматривая, что ей привезла тетка. Айхан сбросила с себя платье, в котором была, надвела, которое привезла тетя.

Стоя посередине камеры, она смотрела вокруг, как будто что-то искала. Вдруг

она вскочила на верхние нары, посмотрела сквозь маленькое окно с решеткой. Женщина на нижней полке спала. Айхан надела на шею петлю, сделанную из пояска платья, а другой конец привязала к решетке. В камере медленно стало темнеть. Возникает изображение тоннеля с ярким светом в конце. В степи стояли плачущие люди, держа в руках букеты полевых цветов. Белая буйволица была запряжена в арбу. Буйволице завязали платком глаза. На арбе лежала мертвая Айхан в платье из полевых цветов. В степи, на большом расстоянии друг от друга, стояли юноши спиной к плачущим людям. Белая буйволица с завязанными глазами шла по степи. Буйволица подошла к одному из юношей. Юноша повернулся, это был Мирза. Мирза закричал:

– Я беру в жены Айхан!

Мирза развязал глаза буйволице и повел сквозь плачущих людей, которые бросали под ноги идущей буйволице букеты полевых цветов. Мирза вел белую буйволицу к горизонту.

Душераздирающий крик в камере. Женщина, спавшая на нижних нарах, поддерживала за ноги Айхан, висевшую на пояске.

В больничную палату вошла Тана. На одной из коек лежал Мирза.

– Здравствуй, Мирза.

– Здравствуйте, тетя Тана.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. Скоро выпишут домой. Я не знаю, почему Айхан так поступила со мной.

– Скажи, Мирза, ты ничем ее не обидел?

– Мы же с ней дружили. Я приносил ей картон. Наверное, она ранила меня по ошибке.

Тана достала из сумки лист крашеного картона с наклеенными на него полевыми цветами и поставила на тумбочку. Мирза смотрел и радостно улыбался.

– Я не считаю ее виновной. Значит, не зачем ее наказывать, и я сделаю все, чтобы снять с нее вину.

Утро. Тана во дворе дома снимала с веревки засушенные цветы. Тахр лежа раскочивался в гамаке.

– Я вчера была у Мирзы в больнице. Он хочет, чтобы сняли обвинение с Айхан.

– Так я и думал! Нагадил – вот и оправдывается. Где видано, чтобы человек, которого чуть не убили, стал бы говорить – не за что ее наказывать. Подлец.

– Следователь велел тебе виться в прокуратуру. За неявку тебе грозит наказание.

– Меня к следователю? С какой стати?

– Не знаю. Когда Айхан узнала, что Мирза остался жив, она согласилась дать показания. Вот тебя и вызывают.

– Я не знаю, что она там наболтала, но я всегда подозревал, что когда-нибудь эта скотина обязательно меня укусит.

Тахр растерянно бегал по двору, останавливался, подозрительно всматривался в лицо Таны. Лицо Таны оставалось совершенно бесстрастным.

– Айхан солгала? – тихо спросила Тана.

– Конечно, солгала. Иначе зачем им вызывать меня, – продолжал вопить Тахр, – да она хуже скотины, тварь, уродина, уродина!

Вдруг Тахр перестал орать, сделался спокойным и вошел в дом. Вышел одетый.

– Ладно, я еду в прокуратуру.

Завел машину. Машина рванулась назад, поломав деревянный забор, въехала на дорогу.

Прокуратура. Тана сидела в кабинете у следователя.

– Ваш муж исчез. На него объявлен розыск, но пока нашли только пожарную машину. Родители Мирзы написали заявление с просьбой закрыть дело. Айхан можете забрать, только присматривайте за ней – она пыталась покончить с собой. И еще врач, спасавший ей жизнь, обнаружил, что Айхан беременна, но надо было делать срочно аборт: плод задохнулся без кислорода.

Сумерки. На сельской площади остановился пыльный автобус. Из автобуса вышли Тана и Айхан и шли по неосвещенной улице.

Ночь. Тана спала. Айхан лежала с открытыми глазами, потом встала и тихо вышла во двор. Ярко светила луна. Айхан вошла в сарай. Лунный свет падал сквозь открытую дверь сарая. На гвоздях, вбитых в стены, висели букеты засушенных цветов. Тень от цветов ложилась на лицо, руки, ноги Айхан, и в какое-то мгновение она слилась с цветами.

На горизонте восходило солнце. Айхан шла по улице с ведром в руке. Навстречу ей пастух гнал стадо коров и овец.

Ее кто-то окликнул. Айхан повернулась. На велосипеде ехал Мирза. Айхан

отвернулась и словно окаменела.

– Здравствуй, Айхан. Как хорошо, что ты вернулась.

Между ними шло стадо.

Айхан взглянула на Мирзу и едва слышно прошептала:

– Прости меня.

– Зачем ты это сделала?

– Хотела умереть.

– Хотела умереть? Ты?

Айхан посмотрела в глаза Мирзе.

– Мне стало страшно, что если я умру, то ты меня забудешь.

Они молча смотрели в глаза друг другу.

– Ты куда идешь? – спросил Мирза.

– Домой.

– Я провожу тебя.

Айхан пошла по улице.

– Твой дом же в другой стороне?

– Нет, Мирза, мой дом в этой стороне.

Они пришли в расщелину горы. Почти все цветы засохли. Айхан, стоя на коленях, детскими граблями вспахивала землю.

– Вот мой дом. Только никому не говори.

Мирза удивленно смотрел.

– Давай я помогу тебе.

– Если хочешь, принеси воды с реки.

Мирза бежал с ведрами к реке.

В степи белая буйволица паслась рядом с черным буйволом.

Рисунки Натальи Пархоменко

АНОНС

Джоди Фостер:

“Иногда мне кажется, что другие актеры испытывают другие ощущения, потому что я способна входить в образ и выходить из образа легко, не чувствуя при этом будто совершаю некое дальнейшее путешествие на НЛО. Мне не требуется 20 минут, чтобы снова стать самой собой”.

Читайте в следующем номере статью Рэйчел Абрамовиц о Джоди Фостер

Президент Продюсерского Центра "Кинофорум" Вячеслав Шмыров:

Идея фильма "Прибытие поезда" возникла больше года назад, когда новое поколение кинематографистов собралось на Кинофоруме в Ялте.

Кинофорум назвал лидеров – Александра Хвана, Владимира Хотиненко, Сергея Сельянова, Валерия Тодоровского и Ивана Дыховичного. Им и было предложено Продюсерским Центром "Кинофорум" и Роскомкино снять по двадцатиминутной новелле, которые бы объединили в единый фильм мотивы первых люмьеровских роликов. Дыховичный отказался, его место, согласно регламенту Кинофорума, было предложено "следующему по рейтингу" Дмитрию Месхиеву. Проект попал в федеральную программу к 100-летию кинематографа. Сейчас фильм находится в производстве.

Я благодарен нашей великолепной пятерке, и без того активно работающей в кино, что прожитый год не развеял ни их романтических порывов, ни желания довести начатое дело до конца.

Киносценарист Валерий Залотуха:

Когда Владимир Хотиненко предложил мне написать сценарий для его киноновеллы в альманахе, посвященного юбилею кинематографа, он сформулировал задачу коротко и просто: "Это должен быть наш подарок кино". Подарок, как я понимаю, это овеществленное выражение чувств к тому, кому он предназначен. Я люблю кино, очень люблю, но как выразить свои чувства в двухчастевке со скромным бюджетом? Тогда я задал себе вопрос: за что я люблю кино, и, чтобы ответить на него, засел в видеозале "Киноцентра", решив пересмотреть лучшие фильмы мирового кинематографа. Но, посмотрев всего лишь один, пришел домой и написал сценарий.

Фильм назывался "Дорога".

И я назвал свой сценарий "Дорога".

В фильме бродили по дорогам двое уличных артистов Дзампано и Джельсомина, а в моем сценарии – Яшка и Шура, и бродят они не по итальянским дорогам, а по нашим, по московским улицам.

Чтобы мой подарок не остался незамеченным, я призвал на помощь талантливых людей, которых люблю, написав для них роли.

Тот, кто слышал хотя бы раз голос пе-

вицы Евгении Смольяниновой, не забудет его до смерти. Это чистый хрусталь в чистом золоте, ангельский голос.

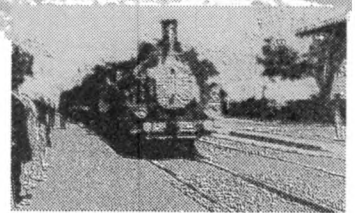
Гарик Сукачев, с которым познакомился на "Кинофоруме" в Ялте. Про него говорят – крутой, и это верно, но модное определение это в каждом отдельном случае расшифровывается по-разному. Крутой Гарик Сукачев для меня – это добрый и умный Гарик Сукачев.

А третий – Володя Ильин, чудесный артист, благодатный человек.

Это наша "Дорога", русская "Дорога". Итальянская "Дорога" кончалась грустно, и Джельсомина умирала, а Дзампано безутешно рыдал на берегу моря. Я не нашел в себе сил написать грустный финал, очень хочется, чтобы русская дорога стала наконец счастливой и привела моих героев туда, где "стали они жить поживать и добра наживать".

Написав эту историю, я понял вдруг, за что люблю кино. За то, что оно помогает людям жить. Тем, кто его смотрит. И тем, кто его делает.

Я очень благодарен Вам за это, многоуважаемое, любимое Кино. Примите, пожалуйста, этот скромный подарок.

Валерий Залотуха

ДОРОГА

Литературный сценарий короткометражного художественного фильма, посвященного столетию со дня рождения кинематографа

История эта началась холодным осенним вечером прямо на улице, на Тверской, бывшей Горького, у дома № 17 рядом с банком "Хелп", где за стеклом витрины стоят сразу девять телевизоров: один, по середине, большой, вокруг него восемь маленьких, а внизу стальными буквами написано таинственное и красивое слово "Кросна". И по каждому из телевизоров что-нибудь шло, а по самому большому показывали немое кино – "Политого поливальщика".

Отсюда, с улицы смотрели его двое: он и она. И кино им очень нравилось. Он искренне и простодушно гыгыкал, а она, приоткрыв рот, смотрела на большой экран, не моргая. Странная это была пара. Он – щупловатый, одетый, как одеваются провинциальные сорокалетние пажоны с уголовным уклоном. На нем были грязные, но с наведенной стрелкой брюки, узконосые туфли, какие раньше продавали на базарах армяне, потертая из кожзаменителя куртка, под которой была цветастая сорочка, а под ней еще и разболтанный на шее грязный свитер. Правда, его волосы перехватывала ленточка тесьмы, как у хиппи, что было, без сомнения, влиянием сто-

лицы, однако деталь эта делала его еще более провинциальным. Да за спиной его, на ремне, был какой-то музыкальный инструмент в твердом футляре, похоже, аккордеон.

Он был странен, но она, его спутница, была еще страннее. В смысле – со странностями. Она смотрела известный люмьеровский сюжет, как малый ребенок смотрит впервые какой-нибудь "Ну, погоди!", она не дышала, у нее замерло сердце. Старый шерстяной платок сбился на спину, и медно-красные ее волосы рассыпались по плечам, по грязному залосканному плащу, подвязанному на широкой талии мужским брючным ремнем. На ногах ее в нитяных сморщенных чулках были большие армейские ботинки. Неожиданно в ее глазах возникло мгновенное смятение, и она обратилась к нему голосом высоким и по-детски чистым:

– Яша, а Пимы где?

Не отрываясь от телевизора и продолжая гыгыкать, спутник махнул в сторону "Маяковки", указывая на невидимые и неведомые Пимы. Она внимательно посмотрела туда и перевела успокоенный взгляд на экран.

Разумеется, в том, что в центре Москвы стоит у витрины и смотрит на халяву телевизор пара бродяжек, ничего странного и необычного нет, эти люди в Москве встречаются теперь очень часто, они так же обычны, как и сами москвичи. Но дело-то в том, что эти двое не были бродяжками, это чувствовалось, необъяснимо ощущалось. В этом, пожалуй, и была их главная странность и необычность.

Когда сюжет кончился, он взглянул на нее насмешливо и хозяйски-грубовато заметил:

– Любишь ты, Шурка, все-таки кино смотреть.

Она кивнула в ответ виновато и стыдливо и призналась:

– Люблю...

Он поправил на плече свою музыкальную ношу, глянул с прищуром в сторону Кремля и пошел – быстро и деловито. Она испуганно глянула ему вслед, потом на экран, потом туда, где должны быть эти самые Пимы, потом снова в спину спутника

и побежала за ним, смешно переваливаясь с боку на бок.

Его звали Яшка. А ее – Шура.

Яшка шел быстро, чуть подавшись вперед, сощурившись и глядя вдаль деловито и озабоченно. Шура же, то отставая, то догоняя Яшку, глазела по сторонам и, увидев что-то, на ее взгляд, чрезвычайно интересное, какую-нибудь светящуюся рекламу, витрину, негра, смешную собаку и опять рекламу с чудными непонятными словами, написанными яркими буквами, дергала спутника за рукав и, глядя горящими от удивления глазами, показывала пальцем на удививший ее предмет и говорила:

– Яшка, глянь, глянь!

Яшка привычно поворачивался на ходу, смотрел коротко и безразлично, кивал и шел, не сбавляя шага, дальше.

Теперь они шли по Арбату, где, не смотря на день будний и холодный, былолюдно и празднично. Яшка шел впереди, хозяйски и деловито пробивая дорогу че-

рез толпу. Глядя по сторонам и оглядываясь, Шура старалась не отставать. И здесь ей было все интересно: художники у мольбертов, продавцы платков и матрешек, танцующие кришнаиты, рок-музыканты и какой-то молодой человек, изображающий из себя неподвижный манекен.

Яшка был здесь как дома.

– Эй, художник, нарисуй портрет! – крикнул он на ходу веселому художнику.

– Плати деньги – нарисую! – дружелюбно ответил тот.

– За деньги я и сам тебе нарисую! – не оборачиваясь закончил привычный диалог Яшка.

Он отдал честь полноватому милиционеру и приятельски хлопнул по плечу медведя – человека в плюшевой шкуре, который переминался с ноги на ногу рядом с фотографом.

– Здоров, Витек, – сказал Яшка опять же на ходу.

– Здоров, – недовольно пробурчал медведь в ответ.

Шура опасливо обежала медведя стороной и испуганно кинулась за Яшкой, которого чуть не потеряла в толпе.

– Гля-гля, еврей! – весело крикнул он ей, впервые удивившись и указывая пальцем на седого старичка, который сидел сгорбившись у забора и старательно и немелко выводил на гармонии "семь сорок".

Они остановились у театра Вахтангова, где было темновато, народу поменьше и рядом никто не играл и не пел.

– Чует мое сердце, сегодня пруха будет! – весело крикнул Яшка и растянул меха аккордеона.

Шура откашлялась, вытянулась и напряглась, приготавливаясь к пению. Яшка играл громко и фальшиво, притоптывая себе в такт ногой. Шура следила за ним с собачьей преданностью и, когда он ей кивнул, запела.

У нее был удивительный голос, очень высокий и необыкновенно чистый. А песня была грустная, горькая и неизвестная, ни разу не звучавшая ни по радио, ни по телевизору. И это все – голос, и песня, и сама Шура привлекали к себе внимание, и потому замедляли шаг и останавливались

не только праздные зеваки, но и прохожие. И когда Шура кончила петь, вокруг было уже довольно много народа, и некоторые даже заплотировали.

– Господа, граждане, товарищи! – задорно, как конферансье, заговорил Яшка, не давая публике остыть. – Дорогие москвичи и гости столицы! Помогите русским беженцам из солнечного Таджикистана добраться на свою историческую Родину! Все мы люди-человеки, все живем в двадцатом веке, сегодня вы мне можете, завтра я вам помогу! Не откажите! – откуда-то из-под аккордеона он выхватил картонный молочный пакет и, протягивая его, стал обходить публику.

Деньги, хотя и небольшие, давали охотно, и все поглядывали на Шуру, будто не веря, что это она только что так пела.

Когда в коробку опустилась стодолларовая купюра, Яшка остановился. Перед ним стоял полноватый и лысоватый, в модной трехдневной щетине, великолепно одетый господин, а чуть поодаль – Хелена красивая госпожа в длинной норковой шубе.

Яшкины глаза были полны внимания.

– Это правда? – негромко спросил господин.

– Пидар буду, командир! – решительно покаялся Яшка и покосился на госпожу. – Заколебали чурки, дом подожгли – еле выскочили!

– Она тебе кто? – господин взглянул на Шурку.

Она смущенно улыбалась, пошмыгивая носом и притоптывая на месте.

– Шурка? Да я и сам не знаю... Как это – золовка, что ли. Сестра жены. Нинка моя, когда жива была, привезла ее из деревни, там у нее мать умерла, ну и жила с нами. А потом и Нинка... Уважала это дело, – Яшка щелкнул пальцем себе по шее и засмеялся. – Даже больше меня. А тут эти чурки... Ну вот... А она заладила: в Пимы, в Пимы...

Шурка резко повернула голову и посмотрела на них, как собака смотрит на того, кто назвал вдруг ее кличку.

– Пимы – это что? – не понял господин.

– Деревня ихняя в Архангельской области, – объяснил Яшка. – Да там никого не осталось, мертвая... Я ее в Стерлитамак повез, потом в Йошкар-Олу. В Сыктывкар хотел... У меня там кенты по зоне оста-

лись... Хотел кому-нибудь оставить, жалко все-таки... А она по хозяйству безотказная, тяжелую работу любит... Да никто не берет, все переженались, своих бы, говорят, поубивать, – Яшка засмеялся, заглядывая в неподвижные глаза господина. – Ну вот, приехали в Москву, документы на беженцев оформили, денюжку маленько дали... А я не пил давно... Ну и загудел. И документы пропил, грузину одному загнал. Сиджу на Казанском без копыа, а она деньги приносит. Представляешь? Я про это не подумал даже, она у нас дева, подумал – украли. Сматываемся, говорю, на Киевский, а она улыбается: "Яш, я пела". "Как пела?" "Так..." Дома-то я ее и не слышал, Нинка-покойница заглушала всех, у нее голосище был – выпь! – он покосился на Шуру, и в глазах его было удивление. – Ну вот, – продолжил он, – я как хотел: сдать ее, пристроить, а сам в Югославию, там марками платят. А теперь, думаю, зачем мне под дули лезть за эти марки, если тут доллары. Яш и интаумент под это дело купил... – Он похлопал по боку аккордеон.

Господин смотрел на Яшку с нескрываемым презрением. Яшка не понимал этого, но что-то почувствовал.

– Может, на заказ что желаете? – спросил он, заглядывая господину в глаза. – Я скажу – она и спляшет для вас.

– Пусть поет, – коротко бросил господин, отворачиваясь.

– Есть, командир! – воскликнул Яшка с готовностью и, сунув коробку под куртку, растянул меха аккордеона.

Они сидели друг напротив друга в купе вагона, который никуда не ехал – это был вагон-гостиница, привокзальная ночлежка для тех, кто имеет немного денег.

Стол был завален едой: копченая курица и колбаса, ананас, рыбные консервы, хлеб, пирожные, початые бутылки водки и кагора.

Шура ела пирожные с детской жадностью до сладкого и запивала кагором, отхлебывая его из стакана, как ситро.

– Ешь-ешь, я еще куплю! – подбадривал ее Яшка, ковыряясь в зубах спичкой.

Он был хмельной, потный и добрый.

– Я и так ем, – отвечала она смущенно и счастливо.

Яшка подлил ей кагора.

– Пьяная уж, Яш...

– Пей, пей, крепче спать будешь!

Яшка засмеялся, наливая в стакан водку.

– А этот-то, богач, влюбился в тебя, что ль? Третий раз приходит! Влюбился, Шура, влюбился!

Шура покраснела как маков цвет, закашлялась, замахала рукой, уткнулась в стол.

Яшка выпил водку, большим страшноватым ножом отрезал ломоть ананаса и, закусывая им, объявил:

– Покурю пойду.

Шура глянула на него встревоженно.

– Яш... – тихо попросила она.

– Чего? – грубо отозвался тот.

– Хочешь – тут кури... – предложила она.

– Тут... Пожара опять хочешь? – глянув строго, спросил Яшка.

Шура замолкла и, сидя в углу, по-собачьи, одними глазами, наблюдала за своим хозяином.

– Приду скоро... – успокоил он грубовато.

Яшка собирался покурить, как на какое-то важное и небезопасное дело: он оправлял брюки и смотрелся в зеркало, прятал в карман нож с выкидным лезвием и пересчитывал деньги.

Хмельно и устало улыбнувшись, Шура прилегла на бок и смотрела на него снизу.

– Яш, а зачем ты веревочку на лоб привязал? – тихо и смущенно спросила она.

Яшка с удовольствием посмотрел на себя в зеркало и объяснил:

– Молодежно.

Яшка подошел к стоящим у бетонного забора двум молодым парням-кавказцам в кожаных куртках и высоких норковых шапках и двум покрашенным в блондинок девицам, одетым ярко, дешево и безвкусно. Яшка поздоровался с кавказцами за руку, приветствуя их на родном языке, вытащил из кармана приготовленные деньги и сунул одному. Тот пересчитал.

– Мало, цыган, – сказал он, улыбаясь.

– Почему мало, сорок...

– Пятдесят.

– Было же сорок.

– Инфляция, – объяснил кавказец.

Яшка покопался в кармане, протянул еще деньги. Взамен парень протянул железнодорожный ключ.

– Восьмой, – сказал он.

Яшка кивнул, глядя на девушек. Они скалили зубы.

– Плати девяносто, бери два, – предложил кавказец, смеясь.

– Морда треснет – девяносто, – проворчал Яшка и, поманив пальцем девицу покрупнее, широко зашагал к темным вагонам.

Осторожно открыв дверь, он вошел в свое купе и стал раздеваться.

– Покурил? – тихо спросила Шура.

Она лежала на спине и смотрела в потолок.

– Угу, – кивнул Яшка, тщательно укладывая брюки под свой матрас, чтобы сохранить стрелку.

– Яш, а она красивая, правда? – задумчиво спросила Шура.

– Кто? – удивился Яшка.

– Жена его... Ну этого, который снова прихотился...

Яшка забрался под одеяло и сладко потянулся.

– Пряма красивая. Ни сисек, ни жопы.

– Только она меня не любит... Ненавидит прямо, – тихо проговорила Шура.

Яшка захрапел. Шура вздохнула и повернулась на бок.

На большом телевизоре опять показывали смешное кино. Два смешных человека, он и она, два клоуна, ходили по кругу среди смеющихся людей, и у нее в руках было игрушечное ружье. Слов не было слышно, но все равно было смешно, и Шура улыбалась. Ружье выстрелило и сломалось, все на экране засмеялись и Шура вздрогнула и засмеялась, а потом глянула вбок, чтобы поделиться весельем с Яшей, но его рядом не оказалось. Шура быстро глянула в другую сторону, но и тут его не обнаружила. Она испуганно завертела головой. Яши нигде не было. Лицо ее исказилось, и рот некрасиво скривился.

– Яша, – прошептала она и заревела. – Я-а-ша-а...

Торопливо идущие по тротуару люди смотрели на нее и оглядывались, но никто не останавливался. С залитым слезами лицом Шура побрела вверх по Тверской, безостановочно повторяя:

– Я-а-ша-а...

Яшка это видел. Он бежал к ней с противоположной стороны улицы, от Елисеевского магазина, и автомобили повизгивали тормозами. В Яшкиной руке была бутылка водки. Черный "БМВ", затормозив, ткнулся в Яшкино бедро, и, оттолкнувшись о его капот ладонью, Яшка выскочил на тротуар.

За рулем "БМВ" сидел тот самый господин, "богач". Господин узнал Яшку и видел, как тот подбежал к Шуре и, размахнувшись, ударил ее кулаком по голове.

– Урод, – прорычал красивый господин и переключил скорость.

...Яшка выскочил на тротуар и, размахнувшись, ударил Шуру кулаком по голове. От неожиданности Шура обхватила голову руками и согнулась, но, увидев Яшу, закричала сквозь слезы:

– Я-аша, ты куда?..

– Куда-куда, на кудыкину гору! – закричал Яшка в бешенстве. – За бутылкой вон сбежал! Я ж сказал тебе – стой здесь!

– Я не слышала! – Шура улыбалась, перестав плакать.

– Не слышала! Когда кино свое смотришь – ни хрена не слышишь! А где инструмент?! – заорал он, сунул кулаком Шуре в бок и побежал туда, к телеэкранам.

Шура побежала за ним, держась за бок и прихрамывая.

Аккордеон стоял на асфальте, никто не собирался его трогать.

– Если б инструмент пропал, убил бы, – объяснил Яшка, успокаиваясь.

Они спустились в подземный переход у "Националя". Здесь было светло и сухо и громко играл джаз-банд. Яшка смотрел на них с ненавистью.

– Яш, а мы на ту улицу сегодня не пойдём? – робко спросила Шура.

– Нельзя на Арбат сегодня, праздник какой-то, правительство там гуляет... – объяснил Яшка.

Они прошли один переход, другой, третий, и везде было полно нищих, и кто-нибудь играл: на скрипке, на гармонии, на саксофоне. Шуре все это очень нравилось, а Яшка все больше мрачнел. Обернувшись, он увидел, что Шура торопливо протягивает нищему монетки. Яшка зло сжал губы,

сощурил глаза, катнул по скулам желваки, стал ее дожидаться. Шура подходила медленно, нерешительно остановилась шагах в трех.

– Ты что сделала? – спросил Яшка требовательно.

– Милостыньку подала... – дрожащим голосом ответила Шура и улыбнулась.

– Какую милостыньку?

– Денежки...

– Какие денежки?

– У тебя из кармана высыпались сегодня...

– Почему мне не отдала?

Шура мгновенно покраснела, опустила голову и стала неподвижно смотреть в асфальт у своих ног. Яшка усмехнулся.

– Зачем дала-то? Я тебе говорил – не давай! Зачем, спрашиваю?

– Жалко, – объяснила Шура.

Яшка даже руками развел от возмущения.

– Кого жалко-то? Их, что ли? – он указал на нищих. – Понаехали в Москву, бездельники! Рабо-

тать не хотят, вот и собираются! Бездельники, бомжи проклятые! Пошли! – приказал он и пошел быстро по пешеходу. Шура торопливо нагнала его и потрусила рядом. – Яш, мы тогда с тобой кто? – спросила она нерешительно.

– Мы, – Яшка ненадолго задумался и сказал громко и гордо, – мы – артисты!

В этом переходе конкурентов не было, но и людей – потенциальной публики тоже не было. Песня была веселая, и Шура пела весело и задорно, но всего два-три человека прошли мимо и даже не замедлили шага. А коробочка для денег была пуста.

Они стояли на железнодорожных путях и растерянно смотрели на то место, где вчера, даже еще сегодня, был их дом. Вагон-гостиницу куда-то угнали.

– Эй, цыган! – крикнул ему один из вчерашних кавказцев – они и девицы стояли на том же месте. – Твой гостиница увезли вши морит!

Стоящие рядом громко засмеялись.

Яшка в ответ крикнул что-то на их языке, видимо, ругательство, потому что один сделал вид, что кидается к Яшке, но второй сделал вид, что удерживает его.

Они сидели на расстеленных газетах на полу в углу зала ожидания. Яшка зло и неохотно откусывал от булки и запивал пепси-колой из пластмассовой бутылки. Шура сидела рядом, положив ладони на колени.

– Яш, а Пимы где? – спросила она тихо.

– Пимы! Пимы! – заорал вдруг Яшка. – Заколебала! Чего там хорошего, в твоих Пимах, скажи! Ну, скажи! – требовал он.

– Там... тихо... – дрожащим испуганным голосом начала отвечать Шура.

– Ну!

– Снег чистый-чистый!.. Там на небе звездочки – много-много... А за речкой – лес, сосульки, когда ветер, звенят: динь-динь-динь, динь-динь-динь... – Шура улыбнулась.

– А жрать мы там что будем?

– Картошка в погребе осталась.

– Картошка... А топить чем? Дров напилем, наколем, лес-то рядом, Яш!

– Да нет там никого, мертвая!

– Мы будем – вот и живая! А потом, Яш, на лодочке на остров поплывем за грибами. Там же грибов тьма-тьмушная. Все белые и ни одного червивого... На лодочке...

– Врезать тебе, что ли? – спросил Яшка.

– Это ж Москва – столица нашей Родины! Здесь такие бабки гуляют – только дураком не будь! Время такое – кому мор, а

кому – корм... А в деревне я подышать не собираюсь, поняла?

У Шуры задрожали губы, глаза наполнились слезами.

– Там твои Пимы, там! – закричал Яшка, указав наугад направление, и, как стрелка компаса, Шура повернулась в ту сторону и закрыла лицо ладонями.

– Сегодня пруха будет, чуёт мое сердце! – весело крикнул Яшка, вынимая из чехла аккордеон.

Шура улыбнулась. День был солнечный, Арбат был загроможден праздным людом.

Ни Яшка, ни Шура не видели, что из стоящего в переулке "БМВ" за ними наблюдает тот господин.

– Эй! – окрикнул Яшку полноватый милиционер и пошел в переулок напротив.

– Стой здесь, – приказал Яшка Шуре и побежал за милиционером, вытаскивая на ходу из кармана деньги.

Во дворе старого разрушенного дома милиционер оставил Яшку наедине с двумя парнями. Парни были здоровенные – с бычьими шеями и прическами-таблетками, одетые в кожаные куртки, спортивные штаны и кроссовки. Они улыбались, но Яшка понял сразу, что их улыбки ничего хорошего не сулят.

– Это ты зря, командир! – обиженно крикнул Яшка уходящему милиционеру.

Тот не обернулся.

Быки подходили. Яшка прижался спиной к стене, выхватил из кармана нож. Щелкнуло, вылетая из рукоятки, лезвие. Рукою мастера Яшка нарисовал им в воздухе невидимую, лежащую на боку восьмерку, кинулся вперед с криком: "Сдохнешь сегодня, а я завтра!", но вдруг остановился, будто наткнулся на невидимую стену, – лезвие покачивающимся дулом в Яшкино лицо смотрел пистолет.

– Газовый? – с надеждой спросил Яшка.

Быки переглянулись, усмехаясь.

– Вот влеплю промеж глаз, тогда узнаешь – газовый или нет... – миролюбиво пробасил бык. – Бросай, дурак...

Яшка отшвырнул нож в сторону.

– Слушай, парень, – продолжал бык, пряча пистолет под мышкой, – твоя певичка нужна одному человеку. Не бойся, ни-

чего он с ней не сделает, наоборот, в люди выведет...

– Она еще знаменитой станет, – вставил второй бык, он был помоложе.

– Ну, – крикнул первый. – Но чтоб ты скрылся с глаз и никогда ее не вспоминал, понял?

Яшка понял.

– Десять тысяч, – сказал он твердо.

– Чего? – не понял первый.

– Долларов...

Быки переглянулись и засмеялись.

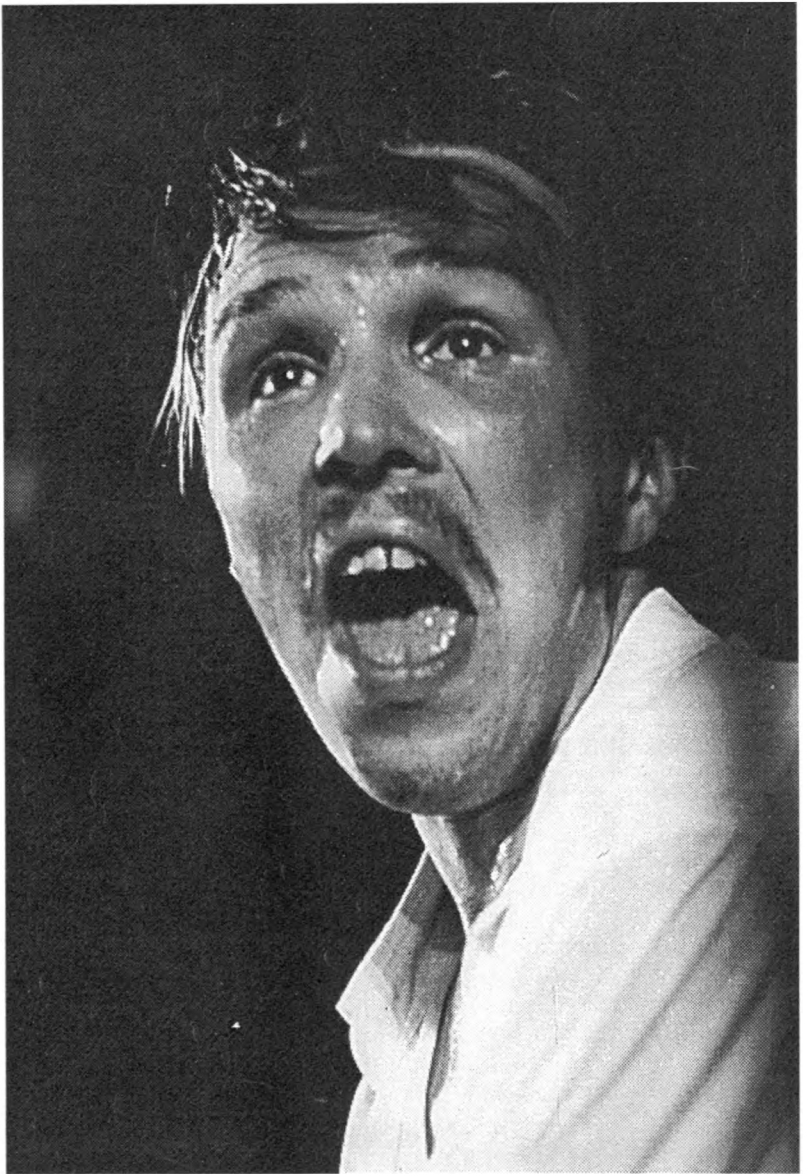
– Мы дадим тебе тысячу, – вновь заговорил первый.

Но Яшка перебил:

– Да тысячу она мне за неделю наплет! – выкрикнул он.

– Наше дело предложить, – пожал плечами первый.

И тут же второй резко и сильно ударил Яшку ногой в пах.

В низком полутемном подвале быки приковали избитого Яшку к трубе под потолок – левую руку, а в правую вложили "лимонку" и выдернули чеку.

– Крепче держи, – попросил первый.

Господин сидел в глубоком кресле в большой, богато обставленной гостиной и, глядя перед собой задумчиво, отхлебывал из хрустального стакана виски. Где-то в огромной квартире хлопнула дверь, и в гостиную вбежала красивая госпожа. Она была в переднике, а голые по локоть руки были

мокрыми.

– От нее дурно пахнет, понимаешь, дурно пахнет! – воскликнула она истерично. – Я не могу!

Господин поднял на нее холодные глаза.

– Когда я встретил тебя в Гамбурге на вешалой улице – от тебя тоже плохо пахло... Возьми и помоги ей одеться, – он указал на разложенные на диване вещи – красивое старинное платье и шелковую шаль с длинными кистями.

Красивая госпожа, покусывая свою ниж-

нюю губку, усмехнулась и стремительно вышла из гостиной.

Господин вылил в себя остатки виски.

Яшка, прикованный за левую руку, стоял на цыпочках. Правую руку с гранатой он прижимал к груди. Он кусал губу, похоже, не зная, смеяться ему или плакать. По лицу катился пот. Рука с "лимонкой" поползла вниз. Он попытался расстегнуть брюки, но "лимонка" чуть не выпала и, сильно вздрогнув, Яшка замер и у ног его стала расплываться лужа.

Шура стояла посреди гостиной – преобразенная, прекрасная – в длинном до пола глухом темно-вишневом платье, с шалью на плечах. Лицо ее просветлело, а медно-красные, расчесанные на пробор волосы блестели.

Господин, все с тем же стаканом в руке, ходил вокруг Шуры, как скульптор вокруг удавшейся своей работы.

– А Яшка не звонил? – оставаясь неподвижной, робко спросила Шура.

– Звонил, – кивнул господин. – Он сказал, чтобы вы, Сашенька, пожили пока у нас, а он поехал... в Сыктывкар.

– В Сыктывкар? – спросила Шура растерянно.

– Да, в Сыктывкар. Он оттуда позвонит, – господин остановился и победно взглянул на госпожу.

Госпожа резко отвернулась к окну.

А господин продолжал ходить вокруг Шуры кругами и задавал вопросы, на которые ответов не ждал.

– Откуда?!

– Почему?!

– Зачем?!

– Кто?!

– Я спрашиваю: кто-о?!

Он остановился и вновь взглянул на госпожу. Она смотрела на него насмешливо, и господин взорвался криком:

– Я сделаю ее знаменитой! Ее будут все знать! Ее будут все слушать. Ее все любят! – горящим взором он посмотрел на госпожу, но наткнулся на ее взгляд, полный насмешки и унижения.

– Может, ты ее и в постель с собой положишь? – негромко спросила она.

Господин сжал кулаки, напрягся, покраснел, но вдруг улыбнулся, плюхнулся в

кресло и сказал госпоже устало и равнодушно:

– Пошла вон, дура!

– Идиот! Козел вонючий! – закричала вдруг в ответ госпожа, выскочила в прихожую, схватила шубку и выбежала из квартиры, громко хлопнув дверью.

Шура пела. Это была даже не песня, а песнопение, духовное песнопение, прекрасное и невыносимое. Господин сидел неподвижно, уронив голову на грудь, и тогда Шура на мгновение испугалась, но, заметив, что он дышит, успокоилась, улыбнулась, вздохнула и, не двигаясь с места, стала ждать, когда он проснется. Но господин не спал. Он медленно поднял голову и посмотрел на нее, но, похоже, не видел ее. Лицо его было мокрым от слез: нос, щетинистые щеки, подбородок...

– Россия... – прошептал он потерянно и, всхлипнув вдруг, повторил, но уже иначе – громко и требовательно:

– Россия!

Вскочил и, глядя в потолок, вскинул вверх руку, прокричал громко, чтобы услышали:

– Россия!!

Шура удивленно и встревоженно наблюдала за ним.

А господин пожал плечами и пробормотал растерянно:

– Россия...

– Россия! – захохотал он вдруг и тут же угрозил кому-то в окно кулаком:

– Россия!

Однако тут же извинился, разводя руками:

– Россия.

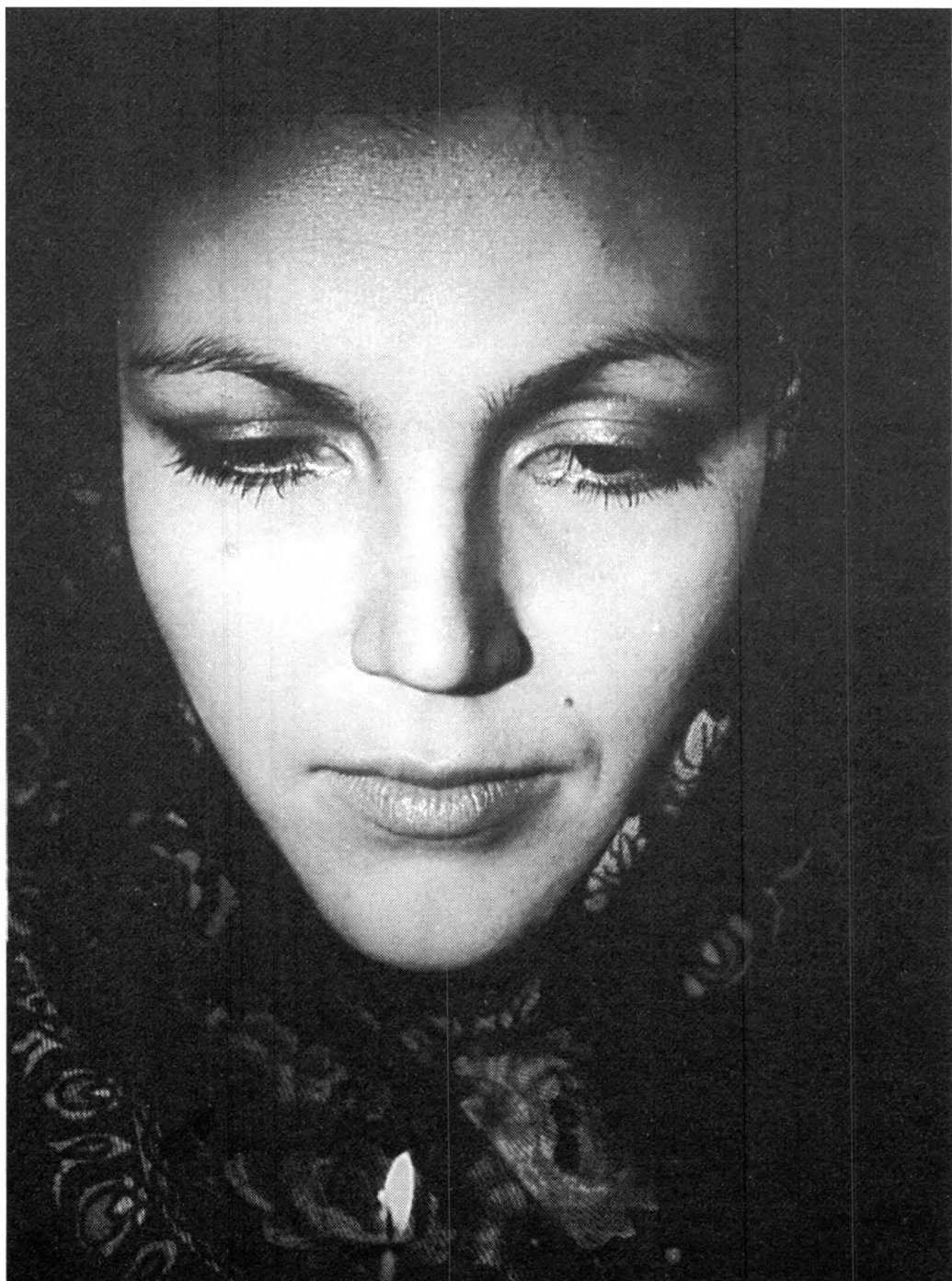
– Россия!

– Россия...

– Россия... – повторил он, и вдруг замолк, прислушиваясь. Но ничего не услышал, а если и услышал, то не понял, потому что не поддавалось пониманию слово, выдерживающее столько разных смыслов.

Господин обессиленно опустил в кресло, налил полный стакан виски, мучительно медленно выпил, задумавшись, опустил голову на грудь.

Шура ждала, что сейчас он вновь поднимет голову и что-то скажет, но господин вдруг всхрапнул и равномерно засопел во сне.

Яшка сжимал "лимонку" из последних сил. Глаза его были зажмурены, оскаленные зубы сжаты, по лицу катился пот. Яшка кряхтел, задерживая в себе воздух, а с ним и последние силы.

И вдруг громко и окончательно выдохнул, открыл глаза и заговорил, глядя в низкий потолок:

– Бог... Если ты есть, сделай так, чтобы... – Яшка задумался и не стал форму-

лировать просьбу, она была понятна и простому смертному. – Ты сделаешь, и я сделаю вот увидишь! Пидар буду...

Ладно, она сама разжалась, в "лимонке" что-то щелкнуло, она скатилась и весомо упала на цементный пол.

Яшка зажурился и обхватил голову рукой, и долгих пять секунд не двигался. Не взорвалась.

Уже в своей одежде – в плаще, подпоясанном мужским ремнем, и спущенных чулках, – Шура возилась с дверным замком, что-то шепча, приговаривая "мамочка" и поскуливая от страха.

Дверь открылась, и Шура торопливо шагнула за порог. Прощально оглянувшись, она увидела аккордеон и кинулась назад.

Но остановилась, вздохнула и присела на аккордеон, как присаживаются на дорожку. Медленно переводя взгляд со спящего господина на висащие на стене красивые иконы, поднялась, перекрестилась, после чего сказала важно и церемонно спящему господину:

– Спасибо за хлеб-соль, за все хорошее, а мы дальше пойдем...

История эта закончилась там же, где и началась, на Тверской, бывшей Горького, у дома № 17 рядом с банком "Хелп", где за стеклом витрины стоят сразу девять телевизоров: один, посередине, большой, и вокруг него восемь маленьких, а внизу написанное стальными буквами красивое и таинственное слово "Кросна".

...Был вечер, людный и шумный. Она сидела посреди тротуара на аккордеоне и смотрела по телевизору кино. Пешеходы обходили ее, иногда оглядываясь. Шура не замечала никого, потому что кино было интересное, про любовь. Рот ее был приоткрыт, а по щекам скатывались слезы.

...Был поздний вечер. Показывали смешное кино, и Шура улыбалась. К рас-

положенному рядом ночному клубу "Найт Флайт" подъезжали лимузины, и из них выходили красивые мужчины. Озябнув, Шура поднялась и, не сводя глаз с экрана, стала притоптывать на месте и хлопать себя ладонями по плечам и бокам. Но заметила стоящего неподалеку бородатого бомжа, который смотрел на оставленный аккордеон, торопливо села на него и больше не вставала. А кино было смешное...

...Под утро из "Найт Флайта" выходили утомленные отдыхом мужчины и красивые смеющиеся женщины. Шура не видела их. Она не слышала и завывание сирен на проноссящихся за спиной милицейских машин. Кино было интересное...

...Было светло и пустынно. Сидя на аккордеоне, сжавшись и уткнувшись лицом в колени, Шура спала.

Телевизионные экраны не светились. Было чисто, светло и пустынно. Мир отдыхал.

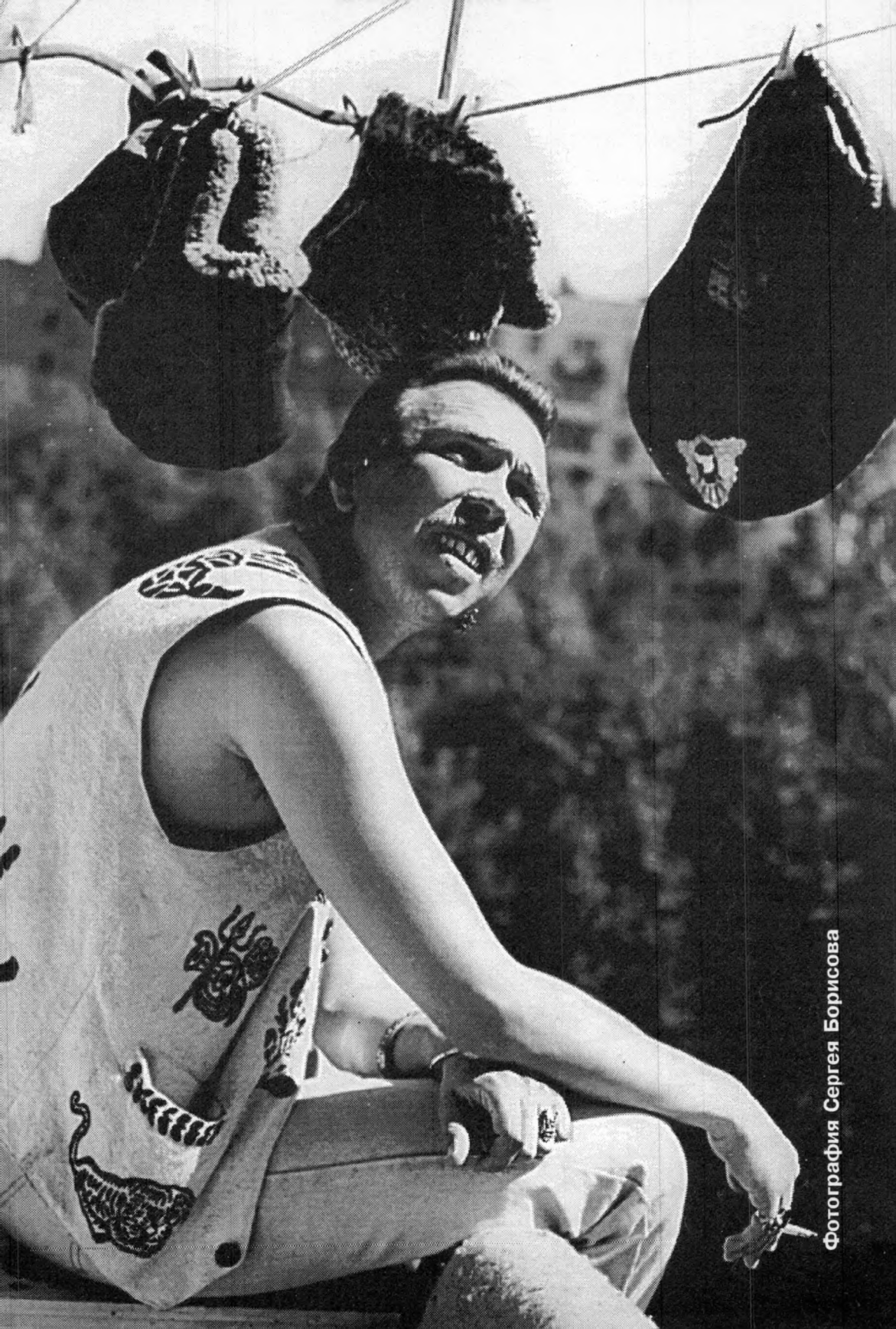
Яшка торопливо шел к ней. Он видел ее. Шура всорепенулась и открыла глаза, и увидела Яшку.

Оставив аккордеон на асфальте, Яшка и Шура уходили. Впереди была "Маяковка", за ней было поднимающееся Солнце, а за Солнцем были тучи.

Маленькие телеэкраны стали зажигаться, и на них вновь возникли те фильмы, которые помогли Шуре прожить эту ночь.

Яшка и Шура шли рядышком, то и дело касаясь друг дружки плечом, будто проверяя ненароком присутствие спутника. И когда они прошли "Маяковку" и вошли в Солнце, здесь в витрине зажегся и большой, центральный экран, и вновь возник люмьеровский сюжет, только другой: в неспокойное море уходила лодка, а сидящих в ней мужчин провожали женщины и дети.

От редакции. В последующих номерах журнала будут напечатаны другие сценарии киноальманаха "Прибытие поезда".

Фотография Сергея Борисова

Валерий Фрид

58 1/2

XI. Штрафняк

Сражение на Чужге вошло в историю Каргопольлага. Из работяг никого не наказали: зачинщиками выгоднее было считать не победителей, а побежденных. Воспользовавшись поводом, администрация ОЛПа-9 решила сплавить блатных на штрафной лагпункт Алексеевку. С их этапом ушел на штрафняк и я.

На Алексеевку свозили нежелательный элемент со всех лагпунктов Каргопольлага – в основном воров-рецидивистов. Это был особый мирок, не похожий ни на “комендантский”, ни на 15-й, ни даже на Чужгу. О нем есть что порассказать. Но поскольку пребывание на новом месте начинается, по лагерным законам, с бани, с бани я и начну.

Водопровода у нас не было. Горячую воду напускали в огромную, трехметровой высоты, кадку с краном. У крана дежурил доходяга дневальный: его обязанностью было следить за соблюдением нормы. Каждому моющемуся полагались две шайки воды, не больше. Деревянные шайки были довольно вместительны – но всё равно не хватало. И дневальный за небольшую мзду – скажем, за щепотку табаку – разрешал набрать лишнюю шайку. А без взятки не разрешал.

Там я впервые постиг основу чиновни-

чьего благоденствия: главное – иметь возможность запретить. Взятку берут не за содействие, а за непротиводействие.

Авторитетные воры, разумеется, пользовались водой в неограниченных количествах. Каких только татуировок я не насмотрелся в алексеевской бане! Кроме обязательных распятий, кинжалов, обвитых змеей, орлов с голой дамой в когтях и клятвенного обязательства “Не забуду мать родную”, очень популярна была композиция из колоды карт, бутылки и тюремной решетки с пояснительной подписью: “Вот что нас губит”. Реже попадалась другая композиция: на одной ягодице мышка, на другой кошка с протянутой лапой. При каждом шаге мышь норовит юркнуть в норку, а кошка пытается её поймать.

Наколки на запястье, на тыльной стороне ладони и на фалангах пальцев удивить никого не могут; а вот татуировку на лбу я видел только один раз: “заигранному” вору, т. е. не имевшему, чем расплатиться, его партнеры по стосу (штосс пушкинских времен) выкололи на лбу слово из трех букв. По прошествии времени он эти три буквы попытался вытравить – но всё равно “икс” и “игрек” явственно просвечивали.

В бане на Алексеевке имелась парная. Там воры парились и занимались рукоблудием.

Спустившись по деревянной лесенке, красный и разомлевший блатарь сообщил мне, счастливо улыбаясь:

– Сейчас два раза Вальку Штранину пошворил!

Пошворил он, конечно, не Вальку Штранину, вольную телефонистку, которую видеть мог только через проволоку, а “Дуньку Кулакову” – так это называлось.

Этого занятия блатные совершенно не стеснялись, мастурбировали прилюдно и даже удивлялись, если кто-то из них воздерживался. Они приставали к Грише Немчикову по прозвищу Заика:

– Гриш, ты же тоже драчишь, просто стесняешься. Скажи, нет?

Грише надоело отнекиваться. Он вытащил член, проделал всю операцию и сказал:

– Ну, видали? Не стесняюсь я, просто мне неинтересно.

К слову сказать, Заика был “полнота”, один из самых уважаемых “законников” – как считалось, последний честный вор. И вдруг, уже на Инте, мы узнаём, что Гриша, оказывается, давно стучит на своих оперу. Я даже огорчился: вот тебе и лучший из них!..

С баней – правда, не алексеевской, а в кировском лагере, где Юлий Дунский отбывал первую половину срока, – связано и такое воспоминание. Женскую бригаду возглавляла там молодая красивая татарка Аля

Камалова. Была она очень целомудренна и стеснительна: даже в баню вместе со своими девчатами не ходила. Для неё, как для лучшего бригадира, топили отдельно. Об этой ее особенности знал весь лагерь. И один из блатных побожился, что увидит её голую. Заранее залез в кадку с теплой водой, затаился, а когда Аля разделась и приготовилась мыться, вор вынырнул из кадки – как чертик из табакерки. От неожиданности и испуга девушка совсем лишилась соображения: в панике выскочила за дверь и как была голышом помчалась через всю зону в свой барак.

(В фильме “Затерянный в Сибири” это комическое происшествие превратилось в драматический эпизод: там блатные пытаются изнасиловать в бане начальницу санчасти.)

Блатные – публика пакостная, с совершенно опрокинутой моралью. На штрафняке это стало мне еще понятнее. Хотя здесь они были не так опасны – очень жесткий режим Алексеевки разгуляться вору не давал.

В массе своей они смекалисты, находчивы и, как я уже упоминал, даже артистичны. Встретив меня, идущего по зоне с

Воров и сук старались не сводить вместе. Кадр из фильма “Затерянный в Сибири”, фото В.Кречета

котелком картошки, пожилой аферист Кузьменко мгновенно сориентировался по офицерскому кителью, который был на мне, и доверительно спросил:

– Товарищ, как военный человек военному человеку – где взяли картошечку?

Картошечку принесли ребята из-за зоны. А о разговоре этом мне напомнила реплика Гусмана в Думе: “Владимир Вольфович, как православный человек православному человеку...”

Если вор хотел войти в доверие к фразеру, он при знакомстве выдавал себя за его земляка:

– Ты из Тулы? (Воронежа, Киева, Владивостока и т. д.) И я... Я на Кирова жил, а ты?

Улицы Кирова, Ленина, Сталина, а также Красноармейские и Октябрьские имелись во всех городах Союза. А у землячка легче выпросить луковицу из посылки или даже шматок сальца.

О живости воровского ума свидетельствует и их язык. (Опять я вступаю в спор с латвийским ненавистником фени – см. примечание к гл. “Церковь”.)

Почему лезвие безопасной бритвы называется “писка”? Есть на фене глагол “пописать” – изрезать в кровь. Второе название лезвия – “мойка”. “Пополоскать” – значит обворовать, потихоньку прорезав карманы. По-моему, тоже очень образно. Наган называется “нагоняй”. Разве плохо?.. Ну, “лохматка, косматка, мерзавка” – о вожделенном и труднодоступном предмете – это уже послабее. Зато как играет феня словами! Самоназвание этого народа “жуковатые”. Отсюда игривое “жуки-куки”, а там уж и “коки-наки” – переименованная ради смеха фамилия знаменитого летчика.

Что-то детское есть в воровской дразнилке: “Черти, черти, я ваш бог: вы с рогами, я без рог”. (Напомню: воры – люди, а мы, все остальные – черти, рогатики.) А в страстной божбе “Руби мой хуй на пятки!” мне слышится что-то шекспировское. Как и в крике отчаянья: “Ну что мне делать? Вынуть хуй и заколоться?!”

Этимология некоторых выражений мне неясна. Про испугавшегося – независимо от пола – говорили: “А, замынжевала, запыркала!” Может быть, цыганское? Надо бы проверить... Непонятно, а выразительно.

Любопытно, что песни, которые слага-

ли и пели воры, чаще всего обходились без фени и мата. Любимый жанр – трагически-романтическая баллада. Например, про отца прокурора, узнавшего родного сына в молодом воре, приговоренном с его помощью к расстрелу. Или такая:

Я буду являться к тебе привиденьем,
Я буду тревожить твой сон –
Тогда ты увидишь кровавые раны
И вспомнишь преступный закон.

Одну, услышанную на Алексеевке, приведу полностью:

Луна озарила зеркальные воды,
Где, деточка, гуляли мы вдвоем.
Так тихо и нежно забилось мое сердце –
Ушла, не спросила ни о чем.

Я вор, я злодей, сын преступного мира,
Я вор, меня трудно любить.
Не лучше ль нам, детка, с тобою расстаться,
Друг друга навек позабыть?

Пойми, моя детка, что я ведь не сокол,
Чтоб вечно по воле летать,
Чтоб вечно тебя, моя милая детка,
Ласкать и к груди прижимать.

Гуляй, моя детка, пока я на свободе,
Пока я на воле – я твой.
Тюрьма нас разлучит, я буду жить в неволе,
Тобой завладеет другой.

Я срок получу и уеду далёко,
Далёко – быть может, навсегда.
Ты будешь жить богато, а может, и счастливо,
А я уж нигде и никогда.

Я пилку возьму и с товарищем верным
Решетку в окошке пропилю,
Пусть светит луна своим продажным светом
– К тебе я, моя детка, убегу.

Но если заметит тюремная стража –
Тогда я, мальчишечка, пропал:
Тревога и выстрел, и вниз головою
Сорвался с карниза и упал.

И кровь побежит непрерывной струей
Из ран в голове и на груди.
Начальство придет и склонится надо мною –
О, как ненавистны мне они!

В больнице у Газа, на койке больничной
Я буду один умирать,
И ты не придешь с своей лаской привычной,
Не станешь меня целовать...

В ходу были и романсы, которые пели еще наши мамы и бабушки – с небольшими переделками. Начиналось по-старому:

Не для меня цветет весна,
Не для меня Дон разольется,
И сердце радостно забьется
Восторгом чувств не для меня...

Перечислив еще несколько недоступных ему радостей, в т. ч. “деву с черными бровями”, лирический герой объяснял:

А для меня – народный суд.
Осудят сроком на три года,
Придет конвой, придет жестокий
И отведут меня в тюрьму.
А из тюрьмы большой этап
Угонят в дальнюю сторонку.
Свяжусь с конвоем азиатским –
Побег и пуля ждут меня!..

Я всегда подозревал, что и широко известная “Течет речка” – это переделка какой-нибудь старой казачьей песни. Ну откуда у современного жулика “конь ворванный, сбруя золотая?” И совсем недавно в книжке Рины Зеленой прочитал, что в молодые годы они пели:

Течет речка по бережку, бережка не сносит.
Молодой казак, молодой казак
Командира просит...

А у воров, в одном из вариантов:

Течет речка
да по песочку,
золотишко моет,
Молодой жульман,
молодой жульман
начальничка молит...

С блатными я общался по необходимости: как-никак, жили в одном бараке. Дневальным у нас был немец из военнопленных. В лагерях для военнопленных легко было заработать уголовную статью – например, украв что-нибудь на разгрузке вагона с продовольствием. Сидели с нами и другие немцы, осужденные как военные преступники, но наш был из проворовавшихся. Наш Фриц (настоящего его имени никто не знал) то ли из упрямства, то ли по тупости ухитрился не выучить за все годы ни одного русского слова. И все жиль-

цы барака, даже блатные, научились командовать им по-немецки: “Фриц, вассер!.. Фриц, фойер!.. Фриц, зитц!..”

В воровском бараке – “шалмане” – я только ночевал*. А время проводил и водил дружбу с фраерами. С большинством моих новых знакомых мне пришлось вскоре расстаться. А жаль – очень славные были ребята.

Экономист Андрей Коваль приехал к нам с Колымы. Это он рассказал мне историю колымского взлёта и падения Вадима Козина. Андрей умел играть на странном инструменте, который я видел первый раз в жизни, – на кобзе.

Впервые же увидел я на Алексеевке живого сиониста, молодого литовского еврея Лёву Шоганаса. В те дни шла первая война евреев с арабами. Англичане были на стороне арабов, Советский Союз и Америка, выражаясь по-лагерному, “держали мазу” за евреев. Лева Шоганас всей душой рвался в Палестину – но тело его прочно застряло в зоне. Войну евреи выиграли без Лёвиной помощи, образовали государство Израиль – и я хочу верить, что Лева сейчас там. “Узников Сиона” там уважают.

Вечерами мы слушали радио; серая тарелка-репродуктор висела над моим столом. Совершенно случайно я услышал выступление моего одноклассника Максима Селескериди. В это время он был уже артистом Максимом Грековым и рассказывал о своем партизанском прошлом. Я обрадовался: перед самым арестом от кого-то мы услышали, что Макс погиб под Сталинградом.

Двое из этой компании стали мне друзьями на всю жизнь; они оба, как и я, вскоре попали на Инту. Об одном, Жоре Быстрове, я расскажу, когда дойдем до Минлага. А другой – это Женя Высоцкий (Генрих Иванович, по-настоящему; но в лагере он назывался Евгением Ивановичем).

Высокий светлосый красавец, он был как близнец похож на Пьетро Джерми в фильме “Машинист”. Сидел Женя с семнадцати лет: он был сыном расстрелянного в ежовщину директора военного завода. Он рассказывал, как в переполненную камеру тюрьмы к ним посадили первого секретаря горкома комсомола. Этого парня Женя хорошо знал, кинулся обниматься, а тот его осадил. Процедил сквозь зубы:

Женя Высоцкий

– С врагами народа не разговариваю.

Нет так нет. Объяснять ему ничего не стали: сам поймёт. И действительно – понял очень быстро. Ночью комсомольского вожака увели на допрос. На допрос увели, а с допроса принесли – избитого до полусмерти. Сокамерники кое-как привели его в чувство. Он выплюнул выбитые зубы, выдавил из себя:

– Ребята... простите... – и снова потерял сознание.

Его расстреляли, а Женя получил сравнительно небольшой срок – лет пять и поехал в Каргопольлаг. Но там срок ему добавили – в годы войны это случалось со многими – и ко времени нашей встречи он отсидел уже одиннадцать лет.

Человек огромного обаяния и многообразных способностей – в том числе административных – на воле он стал бы, думаю, по крайней мере, министром. Ну, обаяние тут ни при чем, я понимаю; но

энергия и умение ладить с самыми разными людьми обязательно вынесли бы его наверх. В лагере тоже вынесли: здесь, на Алексеевке, он был заметной фигурой – начальником работ.

Вольное начальство на него молилось: только Жениному уму и деловой хватке они обязаны были своим благополучием. Недавняя инвентаризация выявила чудовищную нехватку древесины “у пня”, т. е. в лесу. И теперь лагерь в страхе ждал приезда московских ревизоров. А как не быть недостатке, если лагерная экономика испокон веков держалась на туфте – на приписках?.. Но Женя решил проблему несколькими взмахами карандаша. Прodelал – на бумаге – ряд хитроумных комбинаций; круглый лес превратился в брус, брус якобы пошел на замену венцов и т. д. и т. п. Пронесло... Деталей я не помню да и тогда не смог вникнуть во все тонкости этой спасательной операции, по общему признанию – гениальной.

Годом раньше Высоцкому пришлось – недолго, правда – исполнять обязанности коменданта. Это на штрафном-то лагпункте! С ворьем он ладил; они уважали его за справедливость. Фраера видели в Евгении Ивановиче своего надежного заступника. А про начальство я уже говорил.

Жора Быстров

Кроме всего прочего, Женя был блистательным рассказчиком, хранителем алексеевских преданий. Не помню, по какому поводу он рассказал мне про Филю-людоеда – так прозвали доходягу из жуковатых. Кто-то из офицеров зашел в зону со своим годовалым ребенком. Филя кинулся к нему, схватил ребенка и заорал, оскалившись как волк:

– Не принесете хлеба – сейчас схавую! Гад человек буду!

Не схавал, конечно. Но и хлеба не получил – посадили в кандей.

(Вообще-то дети в зону забредали. Вольная кассирша приводила каждый день шестилетнюю дочку. Та играла в конторе со счетами, с трескучими арифмометрами “Феликс”.

Я удивился, спросил:

– Не боитесь?

– Ой, что вы! Здесь хоть интеллигентные люди. А чего она там за зоной наслушается – от офицеров, от надзирателей! Это ж просто ужас!)

Тот же Филя-людоед мечтательно говорил Высоцкому:

– Хуй ли фельдшеру не жить? У него дрожжей от пуза.

Дрожжи давались нам в качестве антицинготного средства. Производили их на 37-м пикете из опилок (или на опилках; не знаю технологию). Сине-серые, консистенцией и вкусом они напоминали оконную замазку. Ничего, ели. И пили горький хвойный отвар – тоже от цинги.

Воры не зря называют себя босяками: ни дома, ни семьи настоящей вор иметь не должен. Посылок нам ждатель не от кого – а на штрафном лагпункте, где фраеров было не так уж много, некого было и “обжимать”. Известное присловье: “довольно мучиться, пора и ссучиться” для многих становилось на Алексеевке руководством к действию: блатные шли в услужение к начальству. Один – Сашка Силютин по прозвищу Чилита – пал так низко, что стал дневальным оперуполномоченного.

Положенную “по нормам Гулага” крохотную порцию мясного здесь выдавали тем же мясом морзверя. Однажды в бухгалтерию пришла телефонограмма: “Вам отгружена по недосмотру партия морзверя с неотобранными половыми частями. По получении сего надлежит вернуть эти час-

ти на центральную базу для замены на полноценный продукт”. Но было уже поздно: всё мясо успели пустить в дело. И на прием к начальнику ОЛПа явился юморист из бригады грузчиков, предъявил “неотобранную часть”:

– Начальник, я на тебя два года ишачу, а что заработал? Хуй моржовый!

Легендой Алексеевки был польский еврей по фамилии Кац. “Отказчики” бывали на всех лагпунктах, но этот принципиально отказывался от любой работы – наотрез!

Его таскали к начальнику, к оперу:

– Почему не выходишь на работу?!

– Я голодный.

И тогда они проделали такой эксперимент: дали Кацу целую буханку хлеба и полный котелок каши. Кашу он, по местному выражению, “метанул как соловецкая чайка”, а хлеб доесть сразу не смог.

– Наелся?

– Наелся.

– Теперь будешь работать?

– Нет.

И начальство отказалось от дальнейших попыток. Каца списали в бригаду инвалидов, и теперь он мог не работать на законных основаниях. Инвалиды, поголовно дистрофики, очень страдали от голода. Я уже рассказывал: часами варили траву, надеясь обмануть желудок, копались в помойках. А Кац действовал по-другому: подстерегал какого-нибудь работягу на выходе из столовой и вырывал у него из рук пайку. Потом падал на живот и сразу вгрызался в нее. Каца били ногами по спине и по бокам, а он продолжал – давясь, не пережевывая – пожирать украденный хлеб. Если же добычу пытались отнять силой, он совал остаток пайки себе в ширинку. Доставать хлеб оттуда мало кто решался. Каца продолжали бить нещадно, как мужики коннокрада – а он терпел. Секрет его терпения скоро стал известен: свой бушлат Кац изнутри подшил кусками старых автомобильных покрышек, так что спину его защищал панцирь – как у черепахи...

Но самой впечатляющей личностью на Алексеевке был зав. буром Петров. БУР – барак усиленного режима, внутриллагерная тюрьма. Решетки на окнах, крепкие запоры на дверях камер. Легко можно предсказать, кто попадал в бур на строгоре-

жимной Алексеевке: отборные из отборных, “самый центр”, как говорили воры. Человеку обычному справиться с ними было не под силу. Но Петров был человеком (человеком ли?) необычным.

Необычным было и его появление на Алексеевке – года за три до моего, вполне обычного.

Тогда на штрафняк пригнали спецэтап – все сплошь законные воры, рецидив. Такие этапы начальник лагпункта Цепцура всегда лично встречал на вахте. Отличный психолог, он по первому впечатлению, “с почерку”, решал, кого сразу отправить в бур, кого оставить в общей зоне. И почти никогда не ошибался.

Воров пропускали в зону, сверяясь с формулярами. Нагруженные шмотками, награбленными за время их странствий по пересылкам, блатные называли свои фамилии и под внимательным неласковым взглядом Цепцуры следовали – все как один – в бур.

Дошла очередь до Петрова. Он назвался. Цепцура подался вперед, взгляделся в грубо вытесанное жестокое лицо, переспросил:

– Петров?

– Ну, Петров, – угрюмо пробурчал новичок – и вместе со всеми отправился в барак усиленного режима.

Но в тот же день Цепцура вызвал его к себе в кабинет; и после часовой беседы с глазу на глаз Петров вернулся к своим, но уже в другом качестве: зав. буром.

Оказалось, что никакой он не вор: служил оперативником на севере, в лагере, где начальником был тогда Цепцура, за какую-то серьезную провинность получил срок, а попав на пересылку, решил выдать себя за вора в законе. Ему это было нетрудно: феню и все блатные повадки он изучил за годы работы в системе Гулага. А по своим моральным качествам он вписывался в их среду просто идеально. Считаться законным вором в лагере, а особенно на пересылках, было выгодно – и вот надо же! Попал на старого знакомого...

На привычной должности тюремщика Петров чувствовал себя превосходно. Он стал грозой всего лагеря, настоящим пугалом. Алексеевка надолго запомнила историю Вальки-боксера. Она случилась до

меня, поэтому не знаю, был ли этот Валька боксером и вообще кем он был на воле. А в лагере он был дневальным бура – правой рукой Петрова и его дружка. И был, видимо, такой же жестокой скотиной, как Петров.

Сидевшие в буре Вальку ненавидели. Однажды во время раздачи обеда устроили – “с понтом” – драку; Валька бросился наводить порядок. Миски с баландой обычно он подавал своим подопечным через кормушку, а тут пришлось открыть дверь. Не успел он войти, на него кинулись сразу пятеро, скрутили и зарезали его же ножом: “лагерной милиции” из заключенных разрешалось – правда, неофициально – иметь ножи, на случай самообороны. Но в этом случае не сработало...

Петров к тому времени уже стал расконвоированным; убийство произошло в его отсутствие. Вернувшись в зону и узнав о смерти своего “помогайлы”, он взялся собственноручно навести в буре порядок. Надзор был только рад: никому из них не хотелось лезть на нож.

Петров вооружился железнодорожным молотком на длинной ручке и отправился в бур – один; чувство страха у него было атрофировано (как и все другие человеческие чувства). Ворвавшись в камеру, он стал лупить молотком всех без разбора: двоим сломал руки, пробил чью-то голову. Потом выхватил троих и повел их через всю зону к вахте.

На крыльце барака, где жила бригада грузчиков, стояло человек семь-восемь. А надо сказать, что все грузчики были из блатных; они и работали, по уговору с начальством, не так, как прочие, а аккордно. Выходили грузить кругляком поданный к лесобирже состав, вкалывали, если надо, полторы-две смены без передышки, а потом возвращались в зону, и дня три их никто не тревожил – до следующего аврала. Все они были законными ворами, все – молодые крепкие парни, здоровые лбы.

И вот они стояли на крыльце и смотрели, как Петров конвоирует их товарищей на вахту. А Петров нарочно остановился и стал избивать своих пленников все тем же молотком. Все, кто был на крыльце, повернулись и без звука ушли в барак. Вдогонку им Петров крикнул:

– Позор вам, воры!..

Об этом происшествии я слышал от других; а своими глазами видел такое: перед отбое Петров зашел в наш барак. И урки – вся бригада грузчиков – накрылись с головой одеялами: чтобы Петрову, не дай бог, не показалось, будто кто-то из них косо посмотрел на него. Мне и самому захотелось укрыться с головой.

Как-то раз в конторе я слышал, как Петров похваляется своими военными похождениями. Особенно гордился он случаем, когда они со старшиной похарили вдвоем пустившую их на ночлег украиночку, а утром нахезали на пол посреди хаты и ушли,

В таком виде разгуливал по зоне ссученный вор Васек Чернобров, комендант. Это почти униформа блатных в 40-е годы: кубанка, правилка (жилет), рубайяха навывпуск (желательно – расписуха, т.е. с вышивкой), шкары с напуском и прохаря в гармошку.

прихватив недоеденное хозяйское сало. Рассказал и победно оглядел слушателей, ожидая одобрения... Я думаю, Петров был тяжелым психопатом; не может так вести себя нормальный человек.

Немногим уступал ему новый комендант зоны, ссученный вор Васёк Чернобров-Рахманов. Рослый, с коричневатым румянцем на щеках и красивыми дикими глазами, Васёк, как говорил мне еще в Кодине всё знающий Якир, в юности был “бачей” – мальчиком-проституткой где-то в Средней Азии. Может быть, за это и мстил человечеству? По ночам он подстерегал работаг, вышедших отлить на снег возле барака, и в момент мочеиспускания бил их по нежному месту длинным железным прутом**.

На что только ни шли жители Алексеевки, чтобы вырваться из-под власти таких, как Петров и Чернобров-Рахманов! На стене ШИЗО появилась надпись мазутом: “ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЧЕРЧИЛЛЬ!” Автор надеялся, что его увезут с Алексеевки в следственный изолятор и будут судить по 58-й. Ну, дадут сколько-то лет за антисоветскую агитацию – всё лучше, чем мучиться на штрафняке!.. Не получилось.

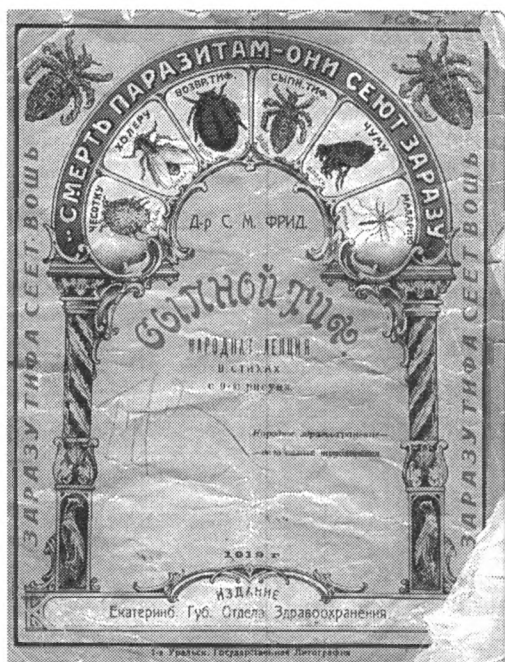
Другой – воришка-полуцвет – как только попадал в кандей, объявлял смертельную голодовку: зашивал рот нитками. Искали иголку – ни разу не нашли. Оказалось, у него в губах привычные дырочки – какие прокалывают в ушах под серьги.

А один жуковатый на глазах у главврача разломал на три части и проглотил иголку. Упал, стал корчиться в муках. Но врач все эти номера знал и велел санитару Степке выбросить симулянта в снег. Степка – здоровенный верзила с асимметричной плешью набекрень (горел в танке) – сграбастал пациента в охапку, вынес его на улицу, но в снег не бросил, а аккуратно уложил на скамью.

Доктор вышел на крыльцо и громко, чтобы все слышали, объявил:

– Запомни: старший блатной тут я, а главный блатной – Кучин. Других нету!

Кучин был “кум”, оперуполномоченный. А фамилию врача я не помню; все звали его – за глаза – Антон, а еще чаще – Чиче. (Глубоко посаженными глазами и головой, ушедшей в высоко поднятые плечи, он очень напоминал злодея-профессора Чиче из немого фильма “Месс Менд”).

Обложки двух "народных лекций в стихах"

Проглотивший иголку блатнячок покорчился еще немного, потом встал и пошел к себе в барак.

Не надо думать, что наш Чиче был таким же бессердечным злодеем, как Чиче из фильма. Врач он был хороший и заботливый. Но на Алексеевке надо было найти правильный тон для общения со здешним специфическим "контингентом" – и Антон избрал вот такой...

Блатных, сидевших в буре, выводили на работу в лес. Трое из них, чтобы спастись от непосильных норм, от побоев и издевательств Петрова, решили поломать себе руки. Так и сделали: парень клал левую руку на два отставленных друг от друга полена, а кто-то из товарищей бил по ней изо всей силы обухом топора. С открытыми переломами предплечья всех троих привели в зону, отправили в лазарет. Но Чиче отказался принять их:

– Саморубов мне не надо! – а сам, узнав о происшествии, уже успел вызвать по телефону дрезину, чтобы отвезти их в центральную больницу: там условия были лучше.

Антон был не "контрик". Срок он получил за хищения в особо крупных масшта-

бах, совершенные в бытность его начальником военного госпиталя. В армии он был, как и мой отец, подполковником медицинской службы, а по врачебной специальности венерологом. Отец мой тоже работал когда-то в ГВИ – Государственном венерологическом институте им. Броннера***. А в гражданскую войну д-р Фрид написал две "народные лекции в стихах". Обе выдержали несколько изданий, и одну – о сыпном тифе – похвалил Л. Д. Троцкий: наркомвоенмору понравилась сентенция "Сколько горя и обиды терпим мы от всякой гниды!" Об этой похвале отец предпочитал не вспоминать.

Вторая лекция в стихах, "Бич деревни", была о бытовом сифилисе. Так что у нас с Чиче нашлось много тем для разговоров. Я даже рассказал ему, как мы с моим другом детства и будущим однодельцем Мишей Левиным поспорили с отцом, что за три часа напишем "народную лекцию" не хуже "Бича деревни". Было нам тогда по четырнадцать лет.

Мы накатали целую поэму под названием "Любовь моряка". Ее герой Сёма (тезка Семена Марковича Фрида) подцепил в сингапурском борделе гонорею.

Я в роли доктора Семена Марковича читаю отцовские стихи в фильме "Служили два товарища"

Дней примерно через пять
Начал Сема замечать,
Что неладное творится:
Он не может помочиться,
Неприятное колотье
У него под крайней плотью
И обильный желтый гной.
Сёма стал совсем больной...

Корабельный кок пытается лечить Сёму,
но неудачно. Пришлось обратиться к врачу.
Тот возмущается Сёминой самодеятельностью:

Понимает ли ваш кок,
Что такое гонококк?!
Почитай, что говорит
О таких болезнях Фрид,

Доктор С.М.Фрид в годы гражданской войны

Знаменитый венеролог,
Так же микро он биолог...

Антон одобрил наши познания в венерологии. Но сам он больше занимался не гонореей, а сифилисом: сифилитиков свозили на Алексеевку со всех концов Каргопольяга.

Сифилис в больших количествах привезли в Советский Союз вернувшиеся из Европы победители – и те, что попали в лагеря, и те, кто остался на свободе. Привозили вместе с другими трофеями – аккордеонами и мейсенскими сервизами.

В Кодине, недалеко от "комендантского", работала артель лесорубов – вольных. Их было девятнадцать мужиков, и с ними

Автор "народных лекций в стихах" и его несовершеннолетний подражатель

повариха, побывавшая в Германии и Польше. Она кормила их и спала со всеми девятнадцатью. Шестнадцать из них она заразила сифилисом, а троим повезло – не заболели.

Как бы ни ругали советское здравоохранение, а тоталитарное государство в борьбе с эпидемиями даст фору демократиям. С помощью "органов" перед войной в два счета выловили всех вероятных носителей инфекции – когда в Москве врач-экспериментатор заразился чумой от своих подопытных крыс. Всех, кто был с ним в контакте, изолировали. Вылечить всех не удалось, но вспышку ликвидировали в самом начале.

С такой же энергией после войны взялись за сифилитиков. В результате, как рассказывал мне мой дядька-дерматолог, уже в сорок девятом году в Москве нельзя было найти свежий случай люэса, чтобы продемонстрировать студентам мединститута.

А в лагере условий для систематического принудительного лечения было еще больше, чем на воле. Не придешь на укол – приведут под конвоем.

Лечили и вылечивали. Антон агитировал:

– Если не хотите рисковать, живите с

моими лечеными сифилитичками!

(Под его надзором проводились курсы лечения на женском ОЛПе Круглице.)

Веря в скорое избавление – ну, положим, не слишком скорое, года через полтора; но спешить-то было некуда! – наши сифилитики относились к своему несчастью довольно легкомысленно. Еще в Кодине у нас была бригада Васьки Ларшина, куда собрали всех сифилитиков лагпункта. Они весело называли себя "Крестоносцами" (+, ++, +++ – один, два, три креста – так оценивались результаты РВ, реакции Вассермана).

– Жопа как радиатор! – говорил наш тракторист про свои исколотые инъекциями биохинола ягодицы.

Правда, веселились не все. Очень славный грузин, летчик Володя Ч., заразился от приехавшей на свидание жены. Какое уж тут веселье!.. А один мерзавец, бесконвойный экспедитор, мстил за свою болезнь всем женщинам, норовя заразить как можно больше девчонок. Говорят, такое и в наши дни случается – с подхватившими СПИД... А того экспедитора законвоировали: Чиче потребовал. Сам Антон страдал от другой болезни – он был наркоманом, сидел на пантопоне, которого в санчасти хватало. Но начальство закрывало на это глаза – и правильно делало.

Кстати, упоминавшийся выше Васёк Чернобров был, ко всему, сифилитиком. Это он заразил малолетку-дневального. Я спросил у пацана: зачем пошел на такое дело? Он грустно усмехнулся – разве жалко? Сказал:

– Люди хлебом делятся.

Чернобров запугивал его, требуя молчания: он не хотел, чтобы кум узнал, кто "наградил" парнишку: боялся лишиться своей завидной должности – и только; а стесняться гомосексуальных связей у блатных было не принято. Еще когда нас уводили с Чужги, вдгонку кому-то из босяков его товарищ, на этот этап не попавший, но уже побывавший на Алексеевке, весело крикнул:

– Передавай привет! У меня там две жены – Машка и Чарли!

Этот "Машка" пользовался у любителей особым успехом. О нем отзывались с восхищением:

– Подмахивает, как баба!

Кто его знает, может, действительно получал удовольствие. Но в большинстве случаев гомосексуалистами молодых ребят делали не природные склонности, а голод и желание найти покровителя.

Главным совратителем был завкаптеркой по кличке Горбатый. Горбат он не был; высокий, но как-то странно переломленный в поясе: длинные ноги и длинное туловище под углом 45 градусов к ногам. Мрачный, крайне неприятный субъект.

Считалось, что он не пропускает ни одного мало-мальски смазливового "молодяка", попадавшего на Алексеевку. Прикармливал их, подманивал – как зверьков... Мерзость, да. Но честное слово, не самое страшное из того, что творилось на штрафняке.

И всё-таки, когда пришел "наряд" – меня и еще человек двадцать отправляли на этап, – я не хотел уезжать. Знал утешительную лагерную поговорку: "Дальше солнца не угонят, меньше триста не дадут", и все-таки... Тут, на Алексеевке, хоть всё понятно; а угонят неизвестно куда – что там ждет? Попробовал отвертеться – не вышло.

Но скоро утешился: нарядчик сказал по секрету, что этап идет на Инту. А я уже знал из маминых писем, что на Инте Юлик Дунский; он теперь в каком-то особом лагере, откуда можно посылать только два письма в год, так что я не должен обижаться на его молчание.

Женя Высоцкий пронес в зону пол-литра, и мы всей компанией выпили за то,

чтобы мне в Инте встретиться с Юликом****.

Примечания автора

* Грамотных на штрафняке было негусто, и меня сразу взяли в бухгалтерию. Начальником лагпункта был офицер со странной фамилией Цепцура. (Или Сцепура?.. Нет, Сцепура – это старший агроном на 15-м.) Цепцура откровенно пренебрегал рекомендациями оперчекистского отдела и на все хозяйственные должности ставил контриков. Эти, говорил он, воровать не будут.

** На Инте, в Минлаге, такого быть не могло. Во-первых, там стояли возле каждого барака так называемые "писсуары ночного времени" – сооружения из снежных кирпичей, нечто вроде эскимосского иглу, но без крыши. А во-вторых, к тому времени Черноброва уже не было в живых: зарубили топором блатные.

*** Директором ГВИ им. Броннера был сам профессор Броннер – пока его не посадили в 37-м году. Такое тогда практиковалось. Имею в виду не аресты, а то, что учреждениям присваивались имена их руководителей. Так, Мейерхольд руководил театром им. Мейерхольда. А одессит Столярский, рассказывают, садясь на извозчика, так и говорил ему: "В консерваторию имени mine!"

**** Я пишу то "в Инте", то "на Инте": мы говорили и так, и этак. (То же и с Воркутой: и "в Воркуте", и "на Воркуте".) Возможно, это идет с тех давних времен, когда первые этапы прибывали на речку Инту и на станцию Инту. Поселок образовался потом – и со временем стал городом.

XII. “Этапы большого пути”

Нас перегнали на центральный лагпункт. Чтобы не разбрелись по зоне, на ночь заперли в буре – вместе с другой партией зеков, не знаю, откуда прибывшей.

Два ворёнка крутились возле латыша, владельца соблазнительного чемодана. Выбрав момент, они выхватили чемодан – “угол” по-ихнему – из-под его головы и потащили в свой куток. Латыш беспомощно оглядывался, жалобно выкрикивал: “Помогите, помогите”, но помочь ему никто не спешил. И мне стало противно. Если бы эти двое были серьёзные воры! А то ведь шакалы, торбохваты... Среди взрослых мужиков они чувствовали себя неуверенно – но, не получив отпора, нагнали с каждой минутой.

Я поднялся с нар, подошел, рванул на себя чемодан. Силенок у них было мало-вато; в драку гаденыши не полезли, но один, пискнув как крыса, укусил меня за палец. Победа досталась мне очень недорогой ценой. Я отдал чемодан хозяину. Он

не поблагодарил, смотрел на меня с подозрением – видно, ждал, что я потребую свою долю... Мне стало еще противнее.

Наутро нас рассортировали. Похоже было, что на Инту со мной пойдет только пятьдесят восьмая, причём большесрочники. Из пунктов преобладали тяжелые: 6-й – шпионаж, 8-й – террор, 14-й – саботаж. Хотя и “предателей” (58. 1а, 58. 1б) было достаточно. К нам добавили человек сто, пришедших с других лагпунктов, и повели на станцию, грузиться в краснухи. К моей большой радости, в один вагон со мной попал киевский паренек Сашка Переплетчиков. Мы подружился еще в Кодине, на “комендантском”. Напомню: это он разделял на циркулярной пиле забредшую в оцепление козу.

В Каргопольлаге Сашка проходил за блатного: на руках наколки и вся “выходка”, т. е. манера держаться, была воровская. Но воров он не был (кстати, и не Сашкой был, а Абрамом Евсеевичем) и сидел по пятьдесят восьмой. Я охотно прощал ему этот достаточно невинный обман: “...старая романтика, черное перо”.

Багрицкого, правда, он не читал. Молодой, глупый... Нет, это я для красного словца: очень умный был парень и тянулся к культуре. Умел отличить хорошие стихи от плохих и так же хорошо разбирался в людях – а это, я думаю, первый признак ума. Но по молодости лет Сашка увлекся не тем, чем надо.

В краснухе к нам присоединился другой Сашка – Силютин, по кличке Чилита. О нем я тоже уже упоминал: он был ссученный вор. На этап вместе с нами, фашистами, попал потому, что за неудачный побег имел, кроме воровских статей, и 14-й пункт 58-й. С кем придется встретиться в пути, Чилита, как и мы, не знал и попросил: давайте держаться вместе. Он боялся, что в этапе его, суку, опознают законные воры – и тогда ему не уйти живым. А втроем как-нибудь отмахнемся... (Нам действительно пришлось воевать вместе с Чилитой – но не против воров. Об этом немного погодя.)

Первый этап, до Вологодской пересылки, у меня в памяти не застрял: никаких происшествий или интересных встреч не было.

А на пересылке первым сильным впечатлением стал тюремный сортир. Грязью

Мой приклатненный друг Сашка Переплетчиков

и зловонием он мало отличался от всех советских вокзальных туалетов – даже в Москве, даже сейчас есть такие же. Но особенность вологодского была в том, что когда ты садился орлом над бездонной дырой (тюрьма была многоэтажная, и труба диаметром до метра соединяла все этажи), за твоей спиной со свистом пронеслись каловые массы: время оправки на всех этажах совпадало. И главная задача была не поскользнуться на мокром бетоне и не улететь вниз вместе с фекалиями.

Второе сильное впечатление – Володя-жид. В нашу камеру он не попал: вологодские надзиратели, встречая новеньких, опытным глазом отделяли козлиц от агнцев – по выражению лица, по одежке, по повадкам. И воры отправлялись к ворами, а фраера оставались с фраерами. Это называлось “петушки к петушкам, раковые шейки в сторону”.

Володя-жид был “полнота”, авторитетный вор. Как-то раз, возвращаясь с оправки, мы встретили его в коридоре: Володю в наручниках вели куда-то два вертухая, крепко ухватив за локти. Третий шел позади, отстав на шаг. Глаза у Жида были налиты кровью, свирепая морда – свекольного цвета; он на голову был выше любого из низкорослых своих конвоиров – и вдвое шире. Шел и хрипло орал, матеря тюрьму, советскую власть и всё на свете. Впечатление было такое, будто ведут на расчалках бешеного жеребца – на случку. Но Володю-жида вели не на случку, а в карцер. И всё время, пока он оставался в карцере, до нашей камеры доносился всё тот же яростный хриплый рёв.

Говорили, что он сумасшедший; его репутации среди блатных это не вредило. Ощущение опасности исходило от него, как от дикого зверя. Даже запах, мне показалось, был звериный... Вот к такому я не полез бы заступаться за чужой чемодан, это уж точно.

Каждой камере полагался староста. В нашей мужики выдвинули на этот пост меня: завоевал уважение, “тиская романы” по дороге в Вологду. (На меня даже не шипели, когда, по случаю поноса, я вынужден был бегать к параше – прощали за прошлые заслуги.) Жизнь в камере текла спокойно, и мне, как старосте, делать было нечего.

Один только раз Сашка-Чилита, вспомнив свое воровское прошлое, прицепился к интеллигентному ленинградцу и попытался “взять его на бас”, требуя дани: тот сидел недавно и на этапах его не успели “оказачить”, т. е. ограбить. Не удалось это и Чилите: интеллигент оказался “с душком” (это означает “не слаб духом”, не трус). Сашка успел стукнуть его – но тут уже в дело вступил другой Сашка, Переплётчиков. Кинулся и оттащил Чилиту за шиворот – как оттаскивают за ошейник злую собачонку. А я подошел извиниться: начало инцидента я как-то прозевал.

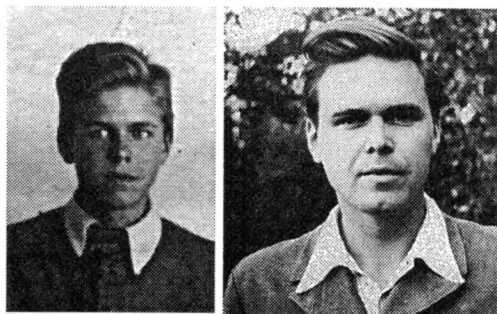
Не помню фамилии и не помню, кем по профессии был этот наш сокамерник – может быть, даже театральным режиссером. Нестарый человек, благообразный, с хорошими манерами. Мы разговаривали с ним о книгах, о театре – и я здорово облажался, назвав Незнамова, героя “Без вины виноватые”, Названовым, но собеседник сделал вид, что этого не заметил. (Я-то заметил, что он только делает вид.)

В Вологде мы просидели долго, месяца полтора ожидая неизвестно чего. Книг в пересыльную камеру не давали; мы болтали, пели, спорили.

В наших разговорах никогда не принимал участия пожилой литовский ксёндз. Почти все время он проводил в молитве: закрывает лицо ладонями – я заметил, многие литовцы так делают – и молотится, отрезавшись от всего земного. Но оказывается, он прекрасно всё слышал. Однажды отнял ладони от лица и сказал ядовито:

– А ваш Молотов в Женеве не дал дефиницию фашизма! – и снова углубился в беседу с богом. Так я узнал новое слово “дефиниция” – определение.

Письма из пересыльной тюрьмы отправлять разрешалось – и мы писали, не особенно надеясь дождаться ответа. Я написал домой, написал и на Сельхоз своему наставнику Ивану Обухову. Оба письма дошли: почта тогда, в сорок девятом году, работала куда лучше, чем сейчас. Помню, еще с 15-го я написал два письма, одно Юлику Дунскому в лагерь, другое в Москву тетке Вале. Перепутал конверты, и послание, предназначенное тетке, попало к Юлику, а он получил другое, адресованное тетке. И он, и она письма прочитали и

Ваня Сухов, младший брат Лешки.

**Таким он пошел
в лагерь...**

... а таким вышел

переслали по правильным адресам, о чем каждый известил меня.

В Вологде писем я не получал, но из прежних маминых уже знал, что в лагере умер Володя Сулимов, что умер и Леша Сухов – и что посадили его младшего брата, школьника Ваньку. Посадили не по нашему делу, хотя, конечно, и оно сыграло роль в его судьбе. В прошлом году Ваня Сухов тоже умер – но на воле, на руках у жены Вали и дочери Машки. Ему повезло больше, чем брату – и в жизни, и в смерти, и в любви.

Пока я пишу свои заметки, успели умереть многие из тех, о ком я рассказал или собираюсь рассказать: ближайšie мои друзья Миша Левин и Витя Шейнберг, Шурик Гуревич, Олави Окконен, Женя Высоцкий, интинская красавица Лариса Донати, дочь Карла Радека умница Соня. И два стукача: Аленцев и Виктор Луи. (Стукачи умирают, но дело их, боюсь, живёт.) Наверно, надо торопиться, чтобы успеть дописать...

Политических споров на вологодской пересылке мы почти не вели, поскольку не было больших идейных разногласий: своей нелюбви к Сталину уже можно было не стесняться и не скрывать. Все понимали, что едем туда, откуда возврата, скорей всего, не будет.

Спорили больше по пустякам: сколько было в России генералиссимусов, жива или не жива Фанни Каплан и о том, как правильно петь: “Кирка, лопата – это мой товарищ” или “Кирка, лопата стали мне друзьями”. А в другой песне: “Я вор, я злодей” или “Я вор-чародей”. Спорили и ни до чего не договаривались.

Я старался примирить спорящих: и ты

прав, и ты прав. Ведь едва ли найдется мало-мальски популярная песня, текст которой не оброс вариантами. Очень часто слова оказываются слишком сложны для поющих, и они их упрощают. Уверен, что в русском тексте “Интернационала” когда-то рифмовалось “разроем” и “построим”, и только потом “разроем” превратилось в “разрушим”: так привычнее, а рифма – бог с ней.

Написанный эстетом-стихотворцем текст “Волочаевских дней” подвергся еще большей вивисекции. Строчка “Наливались знамена кумачом последних ран” превратилась в “Колыхались знамена кумачом в последний раз”. Почему, почему в последний раз?.. Бессмысленно? Зато без интеллигентских ваших выкрутасов!.. И другая строчка: “Партизанские отряды занимали города”. Раньше у автора было “Партизанская отава заливала города” – это показалось слишком красиво. Правда, пропала рифма “отава – слава”, но в этих изменениях была хоть примитивная, но логика. А я слышал, как поют: “Кони сытыми бьют копытами” и даже “Любимый город, синий дым Китая” – вместо “в синей дымке тает”.

Но рекорд побили товарищи Саши Митты по детскому саду. Вместо непонятого “Выше вал сердитый встанет” они пели “Вышивал сердитый Сталин”. Александр Наумович сообщил мне это в прошлом году. Жаль, я не мог привести этого примера спорщикам на вологодской пересылке...

Когда кончился мой запас голливудских фильмов, я с горя стал пересказывать наши с Юликом Дунским вгиковские сочинения. Наш недописанный в связи с арестом дипломный сценарий “Ермак, покоритель Сибири” для этого вполне годился: он отличался чисто голливудским презрением к исторической правде. Придуманый нами голландский мореход предлагал идти в поход на Сибирское царство морским путём. А Ермак, приставив клинок сабли к компасу морехода, отчего стрелка отклонилась, победно вопрошал: “Ну, немец? Чья стрелка надежней?”...Что-то в этом роде. Только что не говорил: “Мы пойдем другим путём”.

Моим преданным слушателем был Сашка Переплетчиков. Привязчивый и доброжелательный, он фантазировал на тему

сценария о лагере, который обязательно должны написать мы с Юлием. Даже придумал название: “Конвой применяет оружие”. Я не был так оптимистичен, не верил ни секунды, что буду когда-нибудь писать сценарии, но чтоб не огорчать симпатягу Сашку, обещал. Так и не выполнил обещания...

От нечего делать мы с обоими Сашками решили изготовить в камере колоду карт – “пулемет”, “бой”, “колотьё”. Технологии оба моих спутника знали в совершенстве. Теперь знаю и я.

Разумеется, пришлось обходиться только подручными материалами – как Робинзону Крузо. Для начала надо было найти бумагу. Сгодилась бы и газетная (нарезанные обрывки газет – на закрутку – были у многих). Но это был бы второй сорт. Повезло, нашлась и белая – правда, папиросная. Не беда, можно склеить вместе два листика. Когда высохнет, будет негнущаяся, звонкая, как слюда, пластинка. Клей же сделать проще всего: нажевать или размочить мякиш тюремного черного хлеба и протереть через носовой платок. Получится отличный белый клейстер.

Затем следовало аккуратно обрезать склеенные листики папиросной бумаги. Тут нельзя было спешить. Сашка-Чилита отломал черенок казенной алюминиевой ложки, заточил узкий конец об кирпичный пол и, связав ниткой будущую колоду крестнакрест, обрезал ее под линейку – чью-то расческу – неторопливыми размеренными движениями. Сначала один бок, потом другой, третий, четвертый.

Тем временем Сашка Переплетчиков изготовил трафареты. Для этого пришлось сломать вторую ложку и заточить обломок. (За компанию проделал то же самое и я; получилась коротенькая заточка, как сказали бы сейчас. Мы этого термина не знали. Какое-никакое, а оружие, в дороге может пригодиться.) Своим заточенным обломком Сашка вырезал на клочке газеты сердечко, ромбик, крест и репку с ботвой – черви, бубны, трефы и пики.

Теперь предстояло приготовить краску. Можно было, конечно, обойтись одной черной, но мы хотели, чтобы всё получилось по высшему классу.

Соврав, что болит горло, попросили у медсестры красного стрептоциду: в те годы

им лечили ангину. Красного у нее не оказалось. Тогда тем же отточенным черенком Сашка надрезал мне руку и нацедил в ложку несколько кубиков крови. Черную краску сделали заранее: отрезав от резиновой подошвы полоску, подожгли и накоптили на дно эмалированной кружки нужное количество сажи. Сажу соскребли, смешали с остатками клейстера и получилась густая стойкая краска.

Осталось только натрафаретить “стиры” – карты назывались и так. Для воровских игр – стоа и буры – двойки, тройки, четверки и пятерки не требуются. Поэтому вместо “картинок” в центре стирь тесной кучкой собираются обозначения мастей. Скажем, два сердечка нос к носу – червонный валет, три – дама, четыре – король.

Описание творческого процесса заняло меньше страницы – а на изготовление колоды ушло двое суток. Но, как уже сказано, спешить зеку некуда. Тем же способом мы изготовили и вторую колоду; обе засунули в подушку, чтобы не погореть во время шмона. В подушке мы привезли их и в Минлаг. Провезли через три шмона, а сыграть ни разу не сыграли: ни я, ни Сашка не были картежниками. Весь этот эксперимент мы проделали исключительно с познавательной целью.

Так же с познавательной целью я попросил Сашку Переплетчикова сделать мне наколку. Вспомнил иллюстрации Ватагина к “Маугли” и нарисовал силуэт оленя в прыжке – небольшой, со спичечный коробок. Вместо туши мы использовали оставшуюся после изготовления карт черную краску.

Сашка связал ниткой три швейных иголки и приступил к делу. Он обкалывал рисунок по контуру через бумажку и втирал краску пальцем.

Боли я не чувствовал; назавтра наколотые линии слегка воспалились и припухли, а дня через три краснота прошла и остался как бы рисунок пером. У меня хватило ума поместить татуировку на верхней части бедра, трусики ее прикрывают.

Когда наш этап прибыл в Инту, минлаговский парикмахер из западных украинцев, “обрабатывавший” нас в бане, увидел наколку и сказал с вежливой издевкой:

– О! Пан блатный?

А я как-то упустил из виду, что “олень” – презрительная кличка работяги-фраера. Почему олень, не знаю. В нашем первом фильме мы с Юликом попробовали придумать объяснение: с рогами, а забодать никого не может...

Ничего более поучительного про Вологодскую пересылку рассказать не могу. А в один прекрасный день нас, наконец, вызвали на этап. Вывели из камеры и торопливо, будто уходил на Север последний эшелон, погнали к вагонам.

Состав показался мне очень длинным, конца его я не видел. Для нас, тех, кого привели из Вологодской тюрьмы, отведено было пять или шесть теплушек. Мы с Сашкой Переплетчиковым опять попали в один вагон – но на этот раз не по счастливой случайности, а благодаря вовремя проявленной инициативе.

В ходе переключки мы заметили: в краснухи грузят по общему списку, в алфавитном порядке. Чтобы не расставаться, я, по выражению Сашки, “крутанул чертово колесо”: рискнул поменяться на время пути фамилией и стать с соседом по камере Ромкой Полторацким – он, как и Переплетчиков, был на “п”, а значит, попадал в один с ним вагон. Теперь он стал Фридом, а я Полторацким Романом Владимировичем. Правда, не обошлось без конфуза: когда начальник конвоя выкликнул мою новую фамилию, я с непривычки среагировал не сразу. И только услышав второй раз “Полторацкий!”, торопливо отбарабанил:

– Роман Владимирович, двадцать третьего года, пятьдесят восемь один “а”, двадцать пять и пять по рогам.

Чилита, чья фамилия начиналась на “с”, попал с нами.

В нашей краснухе, кроме каргопольчан, ехало человек десять литовцев – свеженьких, только что с воли (точнее – из следственной тюрьмы). Мы с обоими Сашками заняли престижные места на верхних юрцах; литовцы разместились внизу: кто попроворней – на нарах, остальные на полу.

Посреди теплушки стояла печка-буржуйка. На Севере апрель – холодный месяц; печку топили, но для всех желающих погреться места возле нее не хватало.

Перед кем еще изображать урку, если не перед новенькими? Сашка Переплетчиков нагло, по-блатному, потребовал, чтоб

его пустили к печке. Кто-то из литовцев уперся, Сашка стукнул его, оттолкнул и стал греть озябшие руки. Литовец смолчал, но затаил злобу.

Прошло часа два. Под перестук колес хорошо спится даже на жестких нарах. Я задремал у себя наверху – и проснулся от громкого крика. Кричал Сашка. Пятеро литовцев окружили его и принялись лупить, мстя за земляка.

Чилита оторвал доску, которой заколочена была щель в стенке вагона, и прыгнул с нар. Я надел было очки, но вовремя сообразил, что вряд ли они понадобятся. Снял и тоже прыгнул вниз.

Там уже шла настоящая битва: Чилита орудовал доской, а Сашка хватал с пола глиняные миски и метал их в противников. Я включился с ходу: “надел на калган” первого попавшегося литовца, то есть ухватил за шею и боднул в лицо. Отчетливо помню, что в голове у меня как боевая инструкция пронеслись фрагменты виденных мною лагерных драк. Можно было, например, ударить оппонента ребром крышки от параша. В краснухе параша не имелось, но стоял бачок с питьевой водой. Я нагнулся за деревянной крышкой, не увидев по близорукости, что ее нет на месте. Но она немедленно обнаружилась: кто-то из литовцев стукнул меня этой крышкой по голове. А я в отместку “порвал ему пасть” – это тоже рекомендовалось: сунуть пальцы в рот и разодрать. Щеки тянулись как резиновые, но одну в конце концов мне удалось разорвать. От изумления литовец даже не попытался укусить меня.

Глиняные миски к этому времени были все перебиты. Сашка действовал теперь заточенным черенком ложки – как ножом. Чилита отбросил свою доску и тоже стал рубить и колоть.

И неприятель дрогнул. Их было вдвое, а может, вдвое больше, чем нас. Крепкие ребята – литовские партизаны или, по тогдашней терминологии, “бандиты” – они без труда одолели бы нас в нормальной человеческой драке. Но в нашем мире они были новичками и растерялись, впервые встретившись с лагерной, не знающей запретов, жестокостью. А мы, войдя в раж, пугали их блатняцким боевым кличем:

– Под нары, пацды! Под нары!

Они действительно полезли под нары:

это было самое безопасное место. На том нам бы и успокоиться, но злопамятный Сашка Переплетчиков пополз, не слушая увещаний, за тем литовцем, с которым полаялся в самом начале, догнал и воткнул в его ягодицу острый черенок. Литовец дернулся и тяжелым армейским ботином попал Сашке по морде. Это сыграло известную роль в развитии событий.

А пока что я снял с одного из победенных рубаху и отдал на сменку свою, порванную в драке и перепачканную кровью – моей и чужой. Он отдал без звука: знал уже, что так положено.

Спустя сколько-то времени поезд остановился перед очередным семафором. Дверь краснухи стремительно отъехала в сторону, и к нам ворвались трое краснопогонников. Старшой заорал:

– Что тут у вас?.. Ну?!

Оказывается, именно на нашей теплушке была узенькая площадка над буферами. Такие площадки – для сопровождающего груз – бывают на товарных вагонах, но далеко не на всех. Нам просто не повезло: стрелок, дежуривший на площадке, слышал через тонкую стенку крики и шум драки. Доложил начальству, и на первой же остановке они прибежали наводить порядок.

Сказать им, что ничего особенного не случилось? Это не проходило: весь пол был усыпан черепками, ни одной глиняной миски не осталось в живых.

Кто-то из каргопольских нашелся:

– А тут у нас эстонец есть психованный. Это он побил миски, у него припадок был!

Психованный эстонец с нами действительно ехал. Этого несчастного на следствии так били, что он повредился в уме. Панически пугался любой голубой чекистской фуражки; когда в камеру заходил вертухай, эстонец хватал мокрую тряпку и принимался мыть пол около параша, демонстрируя покорность и усердие.

Сейчас, по незнанию русского языка, он не мог опровергнуть возведенную на него

напраслину – но этого и не потребовалось. Конвой и так понимал, что к чему:

– Кто здесь Сашка? Кричали: “Сашка, брось, Сашка, брось!”

Никто не отозвался. Тогда старшой приказал всем перейти на одну сторону вагона и стал пропускать зеков мимо себя по одному. Каждого он несильно ударял длинным, похожим на крокетный молотком – подгонял и заодно пересчитывал. Такими деревянными молотками они обстукивают пол и стенки вагонов, угадывая по звуку, нет ли где подрезанной доски, не готовится ли побег.

Я сидел у себя на нарах, привалившись разбитой стороной головы к стенке – чтоб не видна была засохшая над ухом кровь. Через очки смотрел на происходящее, изображая лицом интеллигентский испуг и непонимание. Это сработало: при пересчете я остался последним и меня не стронули с места – а иначе опознали бы и во мне участника драки. Первым из всех разоблачили Сашку Переплетчикова: у него на скуле вздулся огромный синяк – отпечаток литовского каблука. На Сашку, на Чилиту и на всех, у кого были синяки, порезы или царапины, конвой надел наручники и увел с собой: остаток пути они проделали в отдельном вагоне, походном карцере на колесах.

Забавно, что в этой истории все старые лагерники, ехавшие с нами, приняли нашу сторону. Хотя виновата во всем была Сашкина блатная фанаберия. Нет на свете справедливости!.. А я и сейчас не уверен, мог ли я в той ситуации вести себя по-другому...

На следующий день мы прибыли на Инту. Несколько вагонов отцепили, остальные поехали дальше – на Воркуту. Тот, в котором был поменявшийся со мной Ромка Полторацкий, остался на Инте. А уехал бы Ромка в другой лагерь – не тем, кем был до этапа, а Фридом – не знаю, как бы мы выпутывались.

Этот этап оказался последним в моей жизни – хотя прожить на Крайнем Севере мне предстояло еще целых семь лет.

Подписаться на наш журнал можно начиная с любого номера.
Индекс по каталогу ЦРПА – 70434.

*Валентину Черныху*60
лет

ПОДЖИГАТЕЛЬНИЦА

Поздравляем!

Шарову было за пятьдесят, может быть, чуть меньше или больше. На таких молодые женщины уже не обращают внимания, стараясь даже не думать, что их будущие мужья тоже станут такими же полнеющими, лысеющими, в тесноватых пиджаках, блеклых галстуках и ботинках со стоптанными каблуками.

– Ни за что, – сказала она себе и улыбнулась ему. Шаров как будто натолкнулся на ее улыбку и спросил:

– Чего надо?

– Ничего, – ответила она.

– А чего улыбаешься?

– Приятно встретить гения, – ответила она. – Женщинам надо говорить, что они замечательно выглядят, а мужчинам, что они – гении.

– Ты правильно поступаешь, – похвалил ее Шаров. – Лесть должна быть грубой: тогда она легче доходит.

По его взгляду она поняла, что он заметил ее стройную фигуру, ее хорошей формы грудь – не большую и не маленькую, подходящую для каждой мужской руки, как говорила ее мать.

Она вслушалась в стук его стоптанных каблучков. Оглянется или не оглянется? Если оглянется, ритм шагов изменится. Она всегда слышала, оглядывается ли мужчина. Шаров не оглянулся. “При точно поставленной цели усилия не должны прерываться”, – часто повторяла ее главная подруга. Значит, придется приложить усилия.

Ирина Шпак, старший лаборант, крашеная блондинка тридцати двух лет, не уродина, но и не красавица, а таких, как известно, большинство, не могла решить две проблемы: выйти замуж и защитить диссертацию. Два ее последних романа закончились ничем, и она решила отложить вопрос замужества и сосредоточиться на защите диссертации, потому что ученая степень по-прежнему давала определенную стабильность в ее Институте тонкой химической технологии. Но получить ученую степень с каждым годом становилось все труднее. Проанализировав защиты аспиранток в институте, она пришла к выводу, что им обязательно кто-нибудь помогал: или отец, используя свои, наработанные годами связи, или любовники – обычно крупные величины в науке. Ни отца, ни мужа у нее не было. Мать работала на заводе резинотехнических изделий и ничем ей помочь не могла. Она не стала советоваться с матерью. На заводе резинотехнических изделий женщины не спали с мужчинами ни за идеи, ни за деньги. Она в школе долго колебалась, кем стать: химиком или медицинской сестрой? Ей нравилось ходить в белом халате, а учителя ее всегда хвалили за ловкие руки, в которых, как известно, особенно нуждаются и химия, и медицина.

Она стала химиком, поступив в “Керосинку” – Институт имени Менделеева. Не сразу, конечно. Оработала два года на заводе резинотехнических изделий и поступила как работница завода, в те годы для рабочих были льготы. Теперь она заканчивала аспирантуру, а диссертация не получалась. Нужна была идея.

Она просчитала возможные кандидатуры. Выяснилось, что тех, у кого есть идеи, совсем немного. Она остановилась на Шарове. Его и держали в институте из-за идей.

О Шарове знали в институте немного. Что не женат, что у него нет машины и романов в институте, что отпуск проводит в деревне. Поговаривали, что он предпочитает продавщиц из универсамов в личной жизни. Осенью он каждое воскресенье выезжал институтским автобусом по грибы.

Приняв решение, в одно осеннее воскресное утро она поднялась ни свет ни заря и приехала во двор института, где собрались грибники.

Как только они вошли в лес, выяснилось, что грибники предпочитают заниматься своим древним промыслом в одиночку. Несмотря на явное неудовольствие Шарова, она все-таки пошла за ним. Некоторое время он не обращал на нее внимания. Потом, сжалившись, все-таки показал, какие грибы надо брать, а какие не надо. Она была понятливой. В следующее воскресенье Шаров уже сам молча кивнул ей, и они пошли в лес вместе.

А когда грибное время закончилось, она достала с переплатой два билета на концерт Аллы Пугачевой и пригласила его, сказав, что заболела ее подруга.

После концерта он проводил ее до дома, она его пригласила выпить чашечку кофе. Она всегда держала в доме коньяк и хорошие сигареты на случай непредвиденных обстоятельств.

После того как они выпили и выкурили по сигарете, Шарову надо было вставать и уходить, чтобы успеть на метро. По его остановившемуся взгляду она поняла, что он сейчас подойдет к ней, обнимет, поцелует и начнет расстегивать пуговицы на платье.

Утром, когда он встал, она уже сидела за письменным столом. Конечно, она подала ему и кофе, и гренки. Шаров послонялся по комнате, полистал журнал “Бурда моден” – ехать на работу было еще рано. Он повздыхал и начал читать ее диссертацию.

Вначале он вчитывался, потом стал читать быстрее, наконец сказал:

– Полная ерунда!

Ей очень хотелось ответить:

– Тогда помоги!

Вернее, “помогите”. Она ведь называла его на “вы”. Но не сказала – не спугнуть бы.

Теперь они встречались каждое воскресенье.

Заканчивалась зима, идеи для диссертации по-прежнему не было. У нее нарастало раздражение. Старые мужчины для того и существуют, чтобы помогать молодым женщинам. И директор их института, академик, теперь уже совсем старик, помогал когда-то заведующей ее лаборатории. Он на ней так и не женился, но она стала доктором наук.

Она стала подумывать, не выйти ли ей замуж за Шарова. Как жена она просто бы заставила его написать за нее диссертацию, ведь прибавка к ее зарплате за ученую степень пошла бы в их семейный бюджет. Но Шаров о женитьбе не заговаривал.

И тут случилось такое, чего предугадать она не могла. Шаров позвонил ей в лабораторию:

– Зайди ко мне! Надо поговорить.

За секунды, пока она шла к нему в кабинет, она просчитала все возможные варианты. Он безнадежно болен? Он решил уехать из страны? У него другая женщина? Наиболее вероятным был третий вариант.

Она постучала в дверь его лаборатории робко, как старшая лаборантка к ведущему научному сотруднику, а не как женщина к мужчине, которому она на завтрак подавала омлет с колбасой.

– У меня умерла тетка, – сразу сказал он, – и оставила мне в наследство дачу.

“А мог бы сказать – нам оставила”, – подумала она.

В субботу они поехали посмотреть его дачу. Дача была построена еще в тридцатые годы. За пятьдесят с лишним лет доски, которыми был обшит сруб, местами сгнили, фасад дома был приподнят, а задняя часть его опущена. Дача напомнила ей тонущий корабль на репродукции в книге “Родная речь”: поднятый нос и уже скрывающаяся в волнах корма. И ей сразу захотелось уехать отсюда.

Шаров сразу начал обследовать дом. Он ходил по дому с рулеткой и блокнотом, занося в него все, что предстояло сделать. А предстояло поднять фундамент, заменить перекрытия, перестлать полы, перекрыть крышу. Еще Шаров собирался переложить печь, оштукатурить стены, срубить старые яблони и посадить новые, вырубить малинник и посадить облепиху.

Шаров не дождался следующей субботы и уехал на дачу в середине недели. В ее квартире появились резиновые сапоги, топоры, заступы, вилы, олифа, цемент.

В субботу они поехали на дачу вдвоем. На участок завезли три самосвала навоза, и хотя она старалась брать на вилы поменьше, навоз все равно был тяжелый, слежавшийся. От непривычной работы у нее болели плечи, поясница.

За месяц дачной жизни Шаров изменился. Он загорел, похудел, на лице

выступили морщинами. В ватнике, в кирзовых сапогах он стал похож на тех мужиков, которых она видела в электричках и всегда старалась отсесть подальше – от них, как теперь от Шарова, пахло навозом, потом, мокрой одеждой.

Они познакомились с владельцами соседних дач: милицейским полковником, директором электролампового завода и ректором медицинского института.

Соседи помогли Шарову поднять фундамент. Директор завода привез огромные гидравлические домкраты. Шаров называл это толокой. Она решила, что это от слова “толкаться”, когда толкнутся много людей, занимаясь одной работой.

Потом они пили водку, закусывали салом и солеными огурцами и вспоминали детство. Оказалось, что все они в прошлом – деревенские, дети раскулаченных и наверняка еще совсем недавно скрывали свое прошлое. Глядя на них, она подумала: сколько же людей скрывало свое прошлое, если из четверых соседей трое, кроме милицейского полковника, были дети раскулаченных. И впервые она поняла, что если у таких матерых мужиков отобрать их дома и землю, они тоже, как их отцы, будут стрелять, но, учитывая их уровень и возможности, стрелять они будут уже не из примитивных обрезов, а из десантных автоматов Калашникова и базук.

У нее никогда не было собственного дома. Вначале они с матерью жили в коммунальной квартире с соседкой-старухой. Старуха умерла, и мать захватила ее комнату. Как только старуху увезли в морг, они с матерью выставили ее мебель и поставили свою.

Потом они эту квартиру разменяли на две однокомнатные на окраинах. Так она получила отдельную квартиру. Собственная она или государственная – это ее не волновало. Все вокруг принадлежало государству: магазины, железные дороги, самолеты. О собственной даче она никогда не думала. И чего думать о неосуществимом? Она знала, что купить дачу ни она, ни мать никогда не смогут. Но, выезжая за город, она часто видела за заборами дач молодых женщин, которые тоже эти дачи не покупали. И она ведь могла выйти замуж за молодого человека, у родителей которого могла быть дача.

Теперь, когда она присмотрелась к этим ухоженным, покрашенным голубой

или зеленой краской – предпочитали именно эти цвета: коричневый – слишком мрачно, беж – марко, красный – вызывающе, – то впервые осознала, что поддержание этой исправности требовало постоянных усилий. Чтобы все это не развалилось, надо ремонтировать прохудившееся, подбивать, подкрашивать. Но это при готовом доме, а им предстояло чуть ли не заново все построить. В эти дни она поняла, что в деревне не справиться ни одному, ни вдвоем. Может быть, поэтому в деревнях такие большие семьи – работы хватало на всех.

Она знала, что у Шарова есть сын, уже взрослый. Она знала, что Шаров и сын встречаются изредка. Особой близости между ними не было. Теперь, когда Шаров явно не справлялся с тяжелыми работами, в одно из воскресений появился сын. Такой же, как и Шаров, приземистый, длиннорукий и плотный.

Они начали менять стропила. Работали молча, понимая друг друга с полуслова.

Весна оказалась ранней и дружной. Остатки снега стояли в три дня. На участке давно ничего не сажали, земля слежалась.

– Осенью будет плохо с картошкой, – сказал Шаров-младший.

– Посадим, – сказал Шаров-старший.

– И огурцы бы, и помидоры, и капусту.

Шаров-старший кивнул.

В следующую субботу они начали вскапывать участок лопатами. Шаров-старший всаживал лопату в землю, переворачивал пласт, разбивал его. Всего три движения: вонзить, перевернуть, разбить. Отец и сын методично переворачивали участок. Она попробовала помочь им, но быстро выдохлась.

Когда участок вскопали, появилась сноха Шарова, высокая, полногрудая. Такая родит хоть десятерых. Оказалось, что она из той же деревни, что и Шаровы. Бывая у родственников наездами, Шаровы давно присматривались к рослой красивой девочке. Такую в Москве они бы не заполучили. Шаров-старший помог ей поступить в институт. Нынешней зимой она вышла замуж за Шарова-младшего.

Сноха привезла рассаду помидоров, высадила на гряды. Мужчины натянули целлофан, опасаясь заморозков. Потом Шаровы на время оставили работу в доме и принялись за забор: посаженное надо было защитить. На двух самосвалах завезли штакетник. Врыли цементные столбы, прикрепили к ним брус и начали набивать штакетник. Следом за мужчинами шли они со снохой, олифили и красили.

Потом сорная трава стала забивать гряды, и они пололи, пололи, пололи. Потом наступила жара, и они носили воду и поливали гряды, сначала только утром, а потом еще и вечером.

Шаров прорубил второй, отдельный вход в дом, и она поняла, что половина дачи предназначается молодым. И не она теперь становилась главной женщиной на даче, а сноха, которая умеет все: и копать, и окучивать, и полоть, и варить варенье, и мариновать, и солить, и сушить.

В середине лета выяснилось, что сноха беременна, уже третий месяц. Мужчины освободили ее от тяжелых работ, и она ходила по участку выпятив живот и даже платья надевала тесноватые, чтобы живот выделялся отчетливее. Ей показалось, а может быть, так и было на самом деле, что сноха теперь с нею разговаривает покровительственно, снисходительно.

И она, конечно, могла бы родить, но Шаров о женитьбе не заговаривал. Он

как будто присматривался к ней: сгодится или не сгодится в будущем хозяйстве. Ее явно испытывали на терпение и на прочность.

После очередной закупки материалов для штукатурки стен она заглянула в главную сберегательную книжку Шарова. Она знала, что строительные материалы дорогие, но не предполагала, что настолько. Деньги у Шарова на книжке кончились, и она вдруг отчетливо поняла, что этой осенью они с Шаровым никуда не поедут: ни в туристическую поездку в Индию, ни в санаторий на юг. У нее износилась дубленка, и она ждала удобного случая, чтобы сказать об этом Шарову.

Она просчитала, сколько Шаров потратил на покупку материалов для дачи, прикинула объем оставшихся и поняла: чтобы завершить перестройку дачи, потребуется не меньше пяти лет, а чтобы рассчитаться с долгами, в которые придется влезть, – еще пять лет, как минимум. Она попала в ловушку.

Вечером усталый Шаров сидел на крыльце, курил и смотрел на заходящее солнце.

– Мне надо заканчивать диссертацию, – сказала она.

– Глупости все это, – сказал Шаров. – Никому эти диссертации не нужны. Все уйдет и забудется. А вот этот дом останется.

Все коту под хвост, как говорила ее мать. Надо будет заглянуть в словарь идиом – почему коту и почему под хвост?

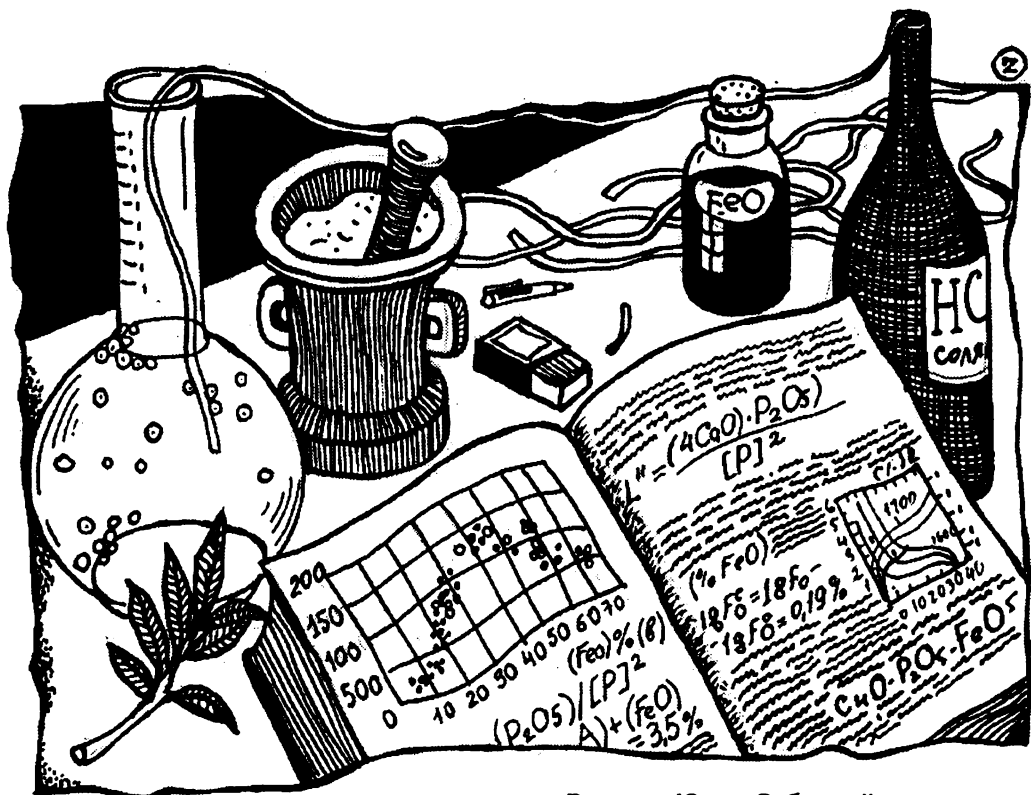
Она ничего не ответила Шарову, боясь, что сорвется и начнет кричать, обзовет его старым дураком. Она вспомнила их первый приезд на дачу еще зимой, когда Шаров намечал, что предстояло сделать. Она тогда осторожно усомнилась: стоит ли?

– У меня никогда не было своего дома, – сказал тогда Шаров. – Моего отца раскулачили. Я родился в бараке. У меня вообще не было ничего своего. А теперь будет.

– Если бы не эта дача, – подумала она и вдруг осознала, что выход есть – дачи не должно быть. И все не так уж сложно. Приехать на дачу последней электричкой. Там в кладовке стоит бидон с керосином, на случай если вдруг в поселке отключат электричество. Пока пламя разгорится, она успеет выбежать с участка, по оврагу добежать до речки, потом через речку выбраться на дорогу. Но этот вариант предполагал слишком много случайностей. Она могла встретить в электричке соседей по даче, которые припозднились в городе. В детективных романах следователь всегда опрашивал соседей по даче, знакомых, пассажиров. Даже если она выйдет на шоссе незамеченной, следствие опросит всех таксистов, которые проезжали в это время. Нет, ей необходимо безупречное алиби, во время пожара она должна находиться рядом с Шаровым.

Она знала, что найдет решение, надо только думать, думать непрерывно. Она думала. В лаборатории, в троллейбусе по пути на работу. Решение нашлось внезапно. Она смотрела телевизор. Показывали военную хронику к очередной годовщине победы над немцами во второй мировой войне.

В следующую субботу она не поехала на дачу, сказала Шарову, что у нее болит голова. В библиотеке она заказала книги о партизанском движении в последней войне. В воспоминаниях партизанских командиров упоминались мины с часовым механизмом, магнитные, химические и даже радиомины, которые взрывались на расстоянии. Ей оказалось достаточным одного упоминания о химическом составе смеси. В понедельник в лаборатории она приготовила более совершенную горючую смесь, выверила время растворения медного

Рисунки Юлии Зубревой

провода в кислоте. Можно было, конечно, использовать “реле времени”, которым пользовались еще некоторые хозяйки для выключения старых стиральных машин без встроенных таймеров. Подумав, она отказалась от этой идеи. Реле могло сгореть не полностью, и вообще, от любого механизма остаются следы. Абсолютное алиби при пожаре давала только химическая мина. И партизанские командиры утверждали, что химическая мина практически не оставляет следов.

Мину она установила вечером в воскресенье. Перед отъездом с дачи она поднялась на второй этаж, положила провода в кислоту. Она накрыла мину старыми газетами и поставила рядом бидон с керосином.

Они уехали с дачи в девять вечера. Замыкание должно было произойти в три утра плюс-минус десять минут. Старая дача вспыхнет мгновенно. Соседи увидят пожар минут через пятнадцать, пока добегут до телефона-автомата, пройдет еще минут пять, пожарные приедут минут через пятнадцать, когда тушить будет практически нечего.

Она прикинула расстояние между дачами Шарова и директора завода. Пламя вряд ли может перекинуться на соседний дом даже при очень сильном ветре. Ей не было жаль директорский дачи, но при двух сгоревших домах следствие могло проявить повышенное внимание. А так – сгорела старая дача, наверняка замкнуло – старая электропроводка. Да и почему бы ей не замкнуть, если ее не меняли несколько десятилетий.

Она проснулась около пяти утра. Конечно, было бы интересно увидеть пожар. В своей жизни она видела только два пожара. Зрелище очень завораживало, и она оба раза оставалась, пока пожарные не уезжали.

Шаров спал спокойно. Вчера он сделал новое крыльцо. Замечательное крыльцо. Ступени не пружинили под ногами. Шаров так радовался, поднимаясь и спускаясь по ступеням крыльца, трогая ладонями теплые гладкие перила.

Новый дом Шаров осилить не сможет. Он уже потратил почти все свои сбережения. Доски, сруб, дранки тоже должны сгореть. Навес для них Шаров поставил слишком близко к дому. Теперь она ждала телефонного звонка, пожарные уже должны были уехать. Хотя могут и не позвонить. Позвонят утром в лабораторию. Она представила, как это все произойдет. Шаров откроет дверь, кивнет ей, она выйдет в коридор, и он скажет:

– Сгорела дача. Едем!

Так все и произошло. На дачу они ехали молча. Еще на платформе она почувствовала горьковатый запах гари.

Дача сгорела полностью. На пепелище валялись ребристые масляные радиаторы, прогоревшие ведра. Ничего уже даже не тлело. Воды, по-видимому, вылили много – черные мокрые головешки блестели под ярким солнцем. Пожарные машины разворотили забор. Забор ей стало жалко. Много дней подряд она олифила и красила. Красивый и прочный забор, штакетина к штакетине.

Она подумала, что пора выразить свое отношение к случившемуся. В такой ситуации деревенские бабы, наверное, выли и рвали на себе волосы. Выть не хотелось, да и прическу было жаль. И она сказала:

– Какое несчастье!

– Начнем строиться, – сказал Шаров.

– Как строиться? – не поняла она.

– Обыкновенно, – сказал Шаров. – В России всегда горели и всегда строились. Страховку возместят, возьмем кредит...

Шаров достал калькулятор и начал высчитывать то ли убытки, то ли будущие расходы.

И она пошла к платформе. "Старый мудак! Так ему и надо сказать, если он догонит и начнет упрашивать вернуться", – решила она.

Она оглянулась. Шаров не догонял. Сняв пиджак и подвернув штаны, он растаскивал обгоревшие бревна. Он тащил их к забору и складывал в штабеля. Какая сволочь, – подумала она, – еще и складывает так аккуратно.

На станции, по перрону бродили пьяные. Утро, начало рабочего дня, а они уже пьяные. И ей стало совсем тоскливо. Неужели начинать все сначала?

Она спустилась к коммерческому киоску, купила бутылку водки, банку маринованных огурцов, батон и пластмассовые стаканчики. В другом киоске она купила газету.

Когда она подошла к пепелищу, Шаров продолжал растаскивать обгоревшие бревна. Он разогнулся и молча на нее посмотрел. Она расстелила газету, нарезала огурцы и хлеб и поставила бутылку водки.

– Спасибо, – сказал Шаров. – Это то, чего мне сейчас не хватало, – и благодарно улыбнулся ей.

Она смотрела на Шарова и думала, что таких не переделаешь. Горели их деды и прадеды. Горели и строились. И Шаров будет строиться. И его сын. И первое, что запомнит внук Шарова, как отец и дед строят дом, и когда сгорит и этот дом, он построит другой.

"Раз так, я рожу ему сына, – решила она. – Тогда будущий дом будет моим домом и домом моего сына". О том, что она сама сожгла дом, она уже забыла. Все равно об этом никто и никогда не узнает. Как утверждали партизанские командиры, химические мины не оставляют следов.

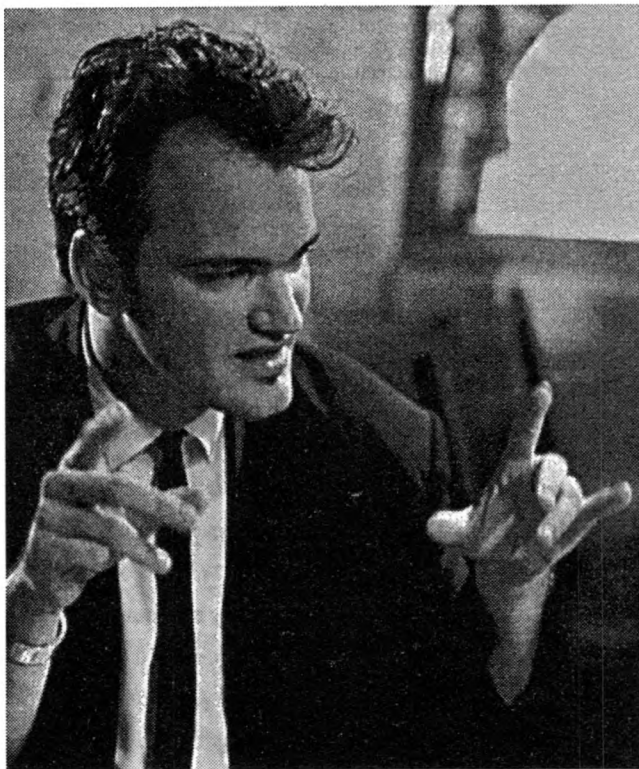
Питер Бескинд

Квентин Тарантино

В Канне Квентин Тарантино не новичок. Два года назад он привез сюда свою первую картину "Бешеные псы". Тогда о нем, бывшем актере, выпускнике школы киноискусства, еще никто не знал. Он сделал недорогой фильм об ограблении, выдержанный в стиле "черного кино". В нем были заняты интересные актеры, хотя далеко не "звезды". Но французам картина понравилась: она поразила сердца зрителей, питающих слабость к артистам второразрядного американского кино. К тому же фильм льстил французам реверансами в сторону Жан-Пьера Мельвиля и Жан-Люка Годара. Полтора года он шел на вечерних сеансах в парижском кинотеатре "Утопия". И вот в мае 1994 года Тарантино вновь в Канне, на этот раз с фильмом "Бульварное чтиво". Вместе с ним приехали Брюс Виллис, Юма Турман, Джон Траволта, Самюэль Л. Джексон и другие. Завсегда и каннских фестивалей, жаждущие увидеть кинозвезд, были просто в экстазе. Однако в стране, где родилась теория авторского кино, сам Тарантино представляет не меньший интерес, чем его актеры.

Tarantino

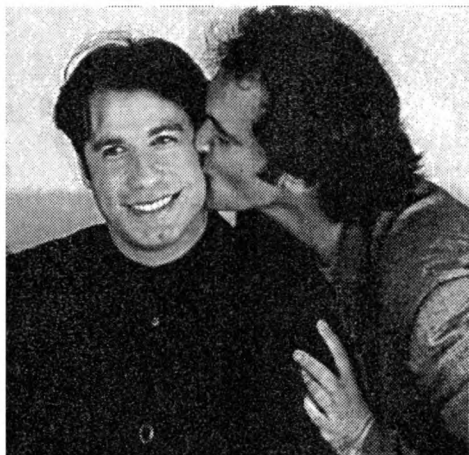

В субботу вечером улицы наполнились восторженной публикой и фоторепортерами. Устроители фестиваля освобождали дорогу, чтобы 24 лимузина со съемочной группой могли беспрепятственно проехать от отеля "Карлтон", в котором остановился Тарантино, до Пале, где должна была состояться премьера его фильма. Ради торжественного случая Тарантино, который обычно появляется с трехдневной щетиной и всклокоченными волосами, в солнечных очках, черной майке и джинсах, навел маршкет: надел смокинг, волосы опрятно причесаны. Плотная толпа по обе стороны улицы пыталась прорваться к автомобилям, скандируя: "Квен-тин! Квен-тин! Квен-тин!"

При таком возбуждении есть надежда на то, что в понедельник вечером, когда будут названы победители, "Криминальное чтиво" окажется среди них. Представитель Тарантино по связям с общественностью ненавязчиво дал понять, что "Квентин не желает появляться, если ему не будет присуждена какая-нибудь премия, потому что слишком тяжело присутствие на церемонии награждения, если ты ничего не выиграл". В понедельник Гарви Вайнштейн из компании "Мирамакс" (дистрибьютор фильма) интересуется, не стоит ли Виллису и Травольте отправиться домой, но оказывается – актеры должны побыть еще в Канне. Вайнштейн не унимается: "Нам действительно стоит там появляться?" Ему объясняют, что съемочная группа обязательно должна присутствовать на церемонии.

И вот группа в полном составе направляется в Пале. Во время вручения призов Вайнштейн, который сидит рядом с Тарантино, шепчет: "Так... Награда за лучший сценарий. Не думаешь, что она достанется тебе?" "Думаю, – отвечает Тарантино. – За лучший сценарий получу я". Однако приз достается Мишелю Блану за фильм "Большая усталость". Тарантино начинает нервничать, хотя и надеется, что у него есть шанс получить награду за лучшую режиссуру. Он уверен, что "Пальмовая ветвь" достанется фильму "Три цвета. Красный" Кшиштофа Кесьлевского, а фильм, получивший главный приз фестиваля, никогда не награждается за лучшую режиссуру. Но за лучшую режиссерскую работу отмечен "Дорогой мой дневник" Нанни Моретти. "Теперь шансы у всех одинаковые", – говорит Тарантино. Наконец, остается "Пальмовая ветвь". Вайнштейн догадывается, зачем их пригласили и, подпрыгивая на месте, орет: "Господи, ты же выиграл "Пальмовую ветвь", эту самую ветвь, будь она неладна..."

– "Гарви, заткнись, черт тебя дери. Не выиграли мы никакую ветвь". Тарантино считает, что будет специальный приз для артистов: "Мне придется пойти получить приз за Брюса, Джона и Сэма. Это промежуточная премия". Клинт Иствуд выходит на сцену и объявляет, что "Золотая пальмовая ветвь" присуждена фильму... "Криминальное чтиво".

**Джон Траволта (слева),
Квентин Тарантино**

Известно, что французы – неразборчивые зрители, однако в отношении Тарантино они не ошиблись. Возможно (за исключением братьев Коэн), он наиболее выдающаяся личность, появившаяся с тех пор, как почти десять лет назад Оливер Стоун заявил о себе фильмом "Сальвадор". Формула фильма "Бешеные псы" не нова, а вот сочетание хорошей литературы и откровенной бульварщины, высокого и низкого оказалось необычным. И отзывы о картине были самые противоречивые: от восторженных до гневных. У зрителей фильм тоже вызывал либо восторг, либо отвращение, но равнодушных не было. Поскольку многие приняли своеобразный "черный юмор" картины за нравственную

разнузданность, на Тарантино обрушилась волна протеста против голливудских фильмов насилия.

Тарантино написал сценарий и поставил фильм "Псы". Вскоре вслед за ним на экраны вышел другой "Всепожирающая страсть", сделанный во многом благодаря Тони Скотту, по еще одному сценарию Тарантино. В фильме есть несколько сцен, стимулирующих выброс адреналина. Одна из них (где Патриция Аркетт штопором пробуравливает ногу и спину плохому парню) вызвала яростное сопротивление со стороны совета по оценке фильмов, и Скотту пришлось поубавить крови на экране. Фильм не оправдал полностью ожиданий студии "Уорнер Бразерс". Похоже, что разговоры по поводу сцен насилия заставили женскую половину зрительской аудитории от него отвернуться. Тарантино же со свойственной ему невозмутимостью заявил, что делал картину для того, чтобы на нее могли ходить влюбленные пары. Тем временем Стоун приобрел права на постановку фильма "Рожденные убийцами" по сценарию Тарантино. Этот сценарий, как, пожалуй, ни один другой, написанный Тарантино, буквально выворачивает зрителя наизнанку. Сам Тарантино берется за реализацию еще одного сценария – "Криминальное чтиво".

Несмотря на свой нежный возраст (31 год), Тарантино завоевал место в ряду лучших современных сценаристов,

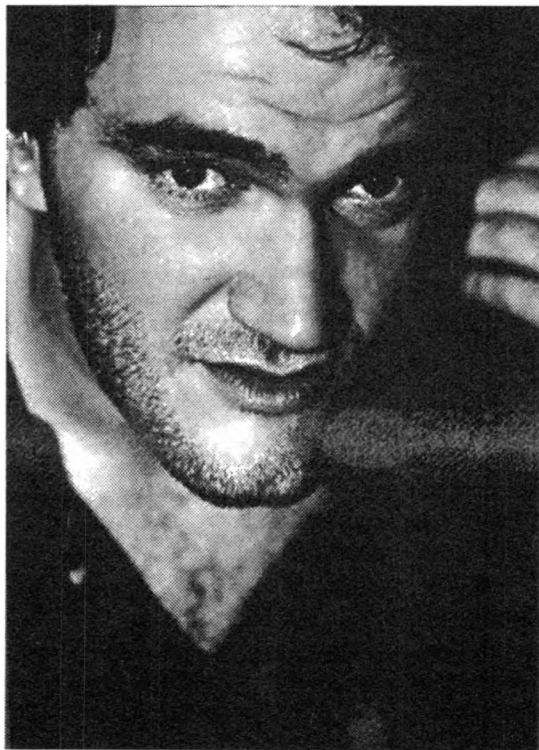
Квентин Тарантино, Брюс Виллис

таких, например, как Ричард Прайс и Дейвид Уэбб Пиплз, которые действительно способны написать добротный сценарий. Он строит сюжет так, что даже мельчайшие составные части буквально наэлектризованы. Неудивительно, что эти сценарии как магнит притягивают к себе многих интересных молодых актеров, таких как Стив Буссеми, Гэри Олдмэн и Тим Рот, не говоря уже о живых легендах старшего поколения – Деннисе Хоппере, Кристофере Уолкене, Гарви Кейтле. Тарантино также заявил о себе как о незаурядном режиссере. Многие даже стараются ему подражать, что дало повод критику Джону Пауэрсу говорить о "квентинизации Голливуда".

Безусловно, Тарантино – явление. Тем не менее, работая в таком городе, где сегодняшний успех может завтра обернуться компостной кучей, он испытывает судьбу. Фильму "Криминальное чтиво" сопутствовала яростная буря в печати. Статьи появились в журналах "Премьер", "Вэнити Фер", "Роллинг Стоун", "Плейбой", "Эл Эй Уикли", "Филм Коммент". Однако Голливуд не дает никаких гарантий, и только будущее покажет, выдержит ли талант Тарантино всю эту шумиху и не переживет ли он свою склонность к эпатажу буржуа, по мере того как культурный климат будет становиться все более консервативным.

На сегодняшний день путь Тарантино почти из самых низов до относительного богатства довольно тривиален. Родился он в городе Ноксвилл, штат Теннесси, в 1963 году. Его мать Конни Тарантино, наполовину индианка из племени чероки, вышла замуж за бывшего музыканта по имени Тони, когда ей было всего шестнадцать. Однако вскоре она поняла, что совершила ошибку. "Отца я никогда не видел, – рассказывает Квентин. – Мама вышла замуж, потому что хотела уйти от родителей, у которых не было ни кола ни двора. А получилось так, что, уйдя от родителей-бродяг, она связала свою жизнь с таким же, как они, бродягой". Переехав в Лос-Анджелес, она вышла замуж второй раз, за Курта Заступила, тоже музыканта.

Тарантино вырос на южной окраине Лос-Анджелеса, в Саут Бей, представляющем череду нескончаемых

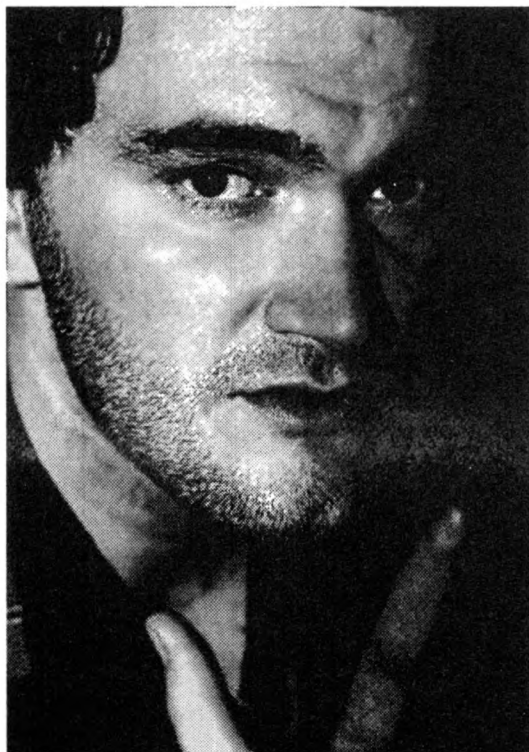

городков: Манхэттен Бич, Редондо Бич, Торранс, Карсон. Молодая Конни изо всех сил старалась выбраться из болота захолустного Торранса, в котором прошло ее детство. Куда бы она ни шла, Квентин всегда был с ней. А чаще всего они ходили в кино. Лет в семь он посмотрел фильм "Плоть". "Эта картина нисколько не смутила его, – вспоминает Конни Тарантино. – Он всегда понимал, что кино есть кино". Позже, когда дела пошли лучше, она покупала сыну абонементы на баскетбольные матчи, в которых принимали участие команды

"Лейкерс" и "Рэмз". "Мне казалось, это то, что нужно мальчику, а его невозможно было затащить на игру. Он хотел в кино". Время от времени Конни приходилось подбрасывать сына родителям, жившим в штате Теннесси. В то время ее отец занимался развозом самогона, и нередко он оставлял Квентина на автостоянке, где можно было, сидя прямо на земле, ночи напролет смотреть под открытым небом фильмы про парней на мотоциклах.

Тарантино был вылитый Гекельберри Финн: он всегда предпочитал рыбалку школе. "В классе я не успевал, был каким-то тупым ребенком," – говорит Тарантино. Ни орфография, ни математика ему не давались, он даже не мог правильно определить время по часам. В школе его считали гиперреактивным, и администрация настаивала на том, чтобы он принимал успокоительные таблетки, но мать воспротивилась. Он так и остался самоучкой: косноязычен, путает названия французских вин, до сих пор не умеет писать без ошибок.

Миссисипи в Саут Бей не было, но зато был телевизор, перед которым Тарантино провел не один час, впитывая поп-культуру постспилберговского периода. Сейчас он коллекционирует вещи, являющиеся осколками теле-кинокультуры 70-х.

Тарантино можно было бы принять за свихнувшегося гения поп-культуры. На самом деле с мозгами у него все в порядке. Он любил читать, а на тестах умственных способностей набирал 150 очков из 180. Тем не менее "где-то в классе пятом у меня появилось желание стать крутым парнем, – вспоминает Тарантино. – Слышали, наверное, как учителя говорят шалуну: "Когда-нибудь ты нарвешься на парня, который задаст тебе трепку". Вот у меня и засело в голове – стать таким парнем. Если кто затеет с тобой драку, сразу же об этом пожалеет. Я знал, что тот, кто бьет первым, обычно побеждает, поэтому когда я видел, что назревает драка, бил прямо в лицо и молотил до победного. Я стал сам себе худшим врагом – поскольку я был крутым, со мной пытались драться. К 22 годам я почти полностью изменил свои взгляды по этому поводу.

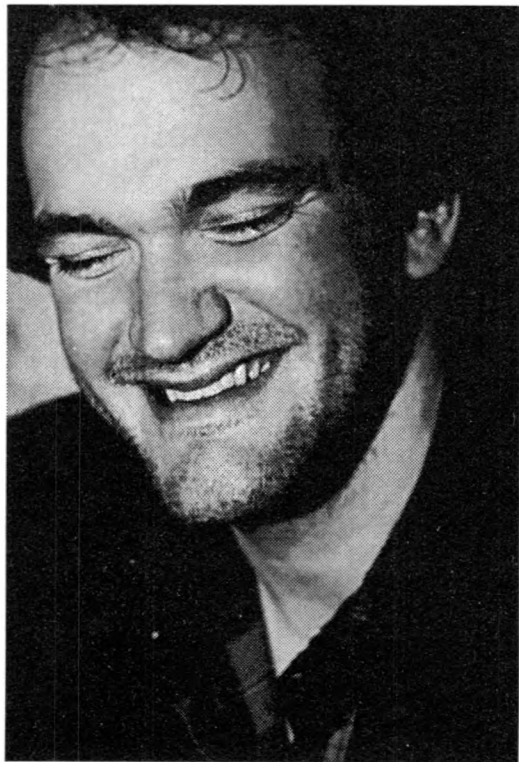
До чего же я ненавижу школу.

Меня оставляли на второй год, так что в девятом классе мне уже было шестнадцать лет. Я даже и не пытался хоть что-нибудь сделать, чтобы поправить дела. Я мечтал стать актером. Мама не хотела, чтобы я бросал школу. Она считала, что только образование помогло ей выкарабкаться из тяжелой ситуации к новой жизни. Я делал вид, что ухожу в школу, на самом же деле направлялся в ванную на первом этаже, прихватив с собой одеяло и подушку. Там ложился на пол и часа полтора ждал, когда мама уйдет на работу. Спать не

спал – слышал ее шаги по всему дому. Мне казалось, что наверху расхаживает какое-то чудовище. Потом я валял дурака, сидя дома. Она здорово сердилась, мы ругались. И как-то я сказал: "Знаешь, я бросаю школу. Немедленно". – "Нет, ты не бросишь". Через два дня мама сама сказала: "Хорошо, Квентин, если ты хочешь бросить школу, я не против. Но ты должен устроиться на работу". Я ответил что-то вроде: "Согласен. Здорово. Господи, школы больше не будет".

В семнадцать лет Тарантино начал подрабатывать, совмещая работу с изучением актерского мастерства в городе Толука Лейк. Жил он в Торренсе, а водительских прав у него не было. "Домой я добирался на трех автобусах в течение трех часов, – вспоминает Тарантино. – Автобусы ходили вечером до определенного времени. Когда я опаздывал на последний – доставал свой спальный мешок и устраивался спать прямо в школе". Иногда он участвовал в актерских пробах. "В кино я тогда еще ничего не сделал, поэтому в анкете приходилось привирать. Но поскольку я хорошо знал кино, много смотрел его, мог написать такое, что казалось вполне правдоподобным. Таким образом в моей анкете появилась строчка – "Король Лир" режиссера Ж.-Л. Годара с Молли Рингуолд и Вуди Алленом. Еще я говорил, что снимался в фильме "Рассвет мертвых" в эпизоде. Там есть один мотоциклист, смахивающий на меня. Обо всех своих странностях я старался не признаваться. Кому это надо?"

Тарантино работал тогда в видеомагазине в Манхэттен Бич. Вместе с ним работали еще несколько молодых парней, грезивших кинематографом, в том числе и Роджер Авари, сделавший позже фильм "Убивающая Зоя", в котором Тарантино выступил в качестве исполнительного продюсера. Постепенно он начал писать игровые эпизоды для своих актерских классов – вспоминал сцены из фильмов, которые когда-то видел, и перекраивал их на свой лад: "То, что я не мог вспомнить, домысливал". Но сценаристом он себя не считал. Писал только для того, чтобы это потом сыграть или, что еще лучше, поставить.

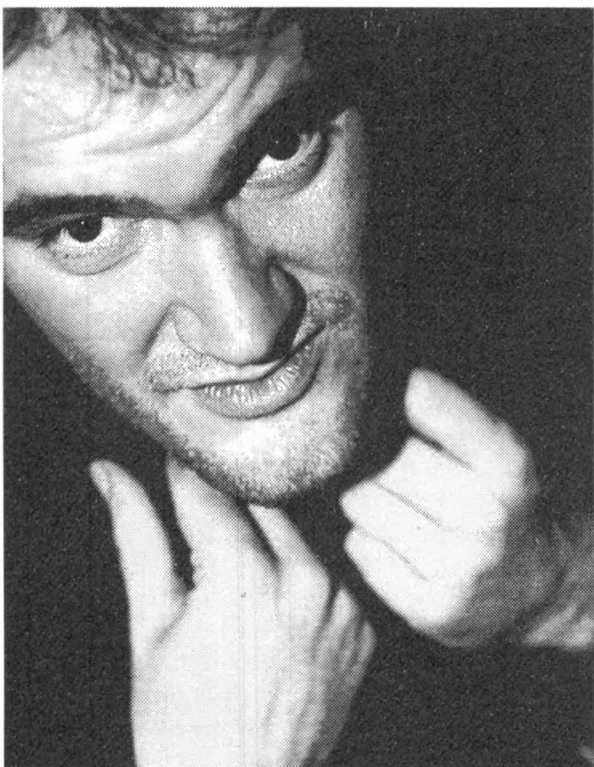

Работу над сценарием "Всепожирающая страсть" Тарантино закончил в 1987 году. Затем в течение трех лет они вместе с Авари пытались протолкнуть его: "Я написал этот сценарий, имея в виду снять первый большой, яркий, сочный фильм. Собирался поставить его, а Роджер должен был быть продюсером. Мы хотели походить на братьев Коэн, он – в роли Этана, я – в роли Джоэла. Нам нужно было раздобыть миллион двести тысяч долларов. Мы никогда не планировали снимать картину на студии. Сценарий там не приняли

бы, да и мне никто не позволил бы ставить картину". Наконец, они нашли спонсора. "Этот парень говорил: все замечательно, великолепно. Возможно, через три месяца появятся деньги, а через полгода мы уже сможем приступить к съемкам. Квентин, ты будешь режиссером, тут все ясно. Мы с Роджером вышли от него в состоянии полного кайфа. Шли к машине обнявшись, чувствуя себя на седьмом небе от счастья. Теперь мы сделаем фильм! Надо же, как все легко! Это будет великолепный фильм! Большой эйфории в своей жизни я, пожалуй, не испытывал".

Потом наступили будни. "Все буквально остановилось. Эти постоянные: через пару недель мы будем знать наверняка. Пара недель, пара недель, пара недель, конца не видно. Полтора года из пары недель. В конце концов мне заявляют: "Квентин, всё дело в тебе. Если ты уйдешь, дело пойдет намного быстрее". Тогда мне уже было на всё наплевать. Мне нужны были деньги, потому что я сидел совершенно на мели. И я ушел".

Потом картиной заинтересовался Тони Скотт. Тарантино получил за сценарий 50 000 долларов, а Скотт взялся за постановку фильма. Казалось бы, из истории с фильмом "Всепожирающая страсть" Тарантино должен был извлечь

для себя урок, но, видимо, то, что случилось, не пошло впрок – история в общем повторилась и со сценарием "Рожденные убийцами", который был написан в 1990 году, а Оливер Стоун снял по нему свой фильм. "Этот сценарий у меня украли, – говорит Тарантино. – Украли не Оливер Стоун, да и не кража это в прямом смысле, но то, что меня надули, – факт". "Рожденные убийцами" – история о двух скрывающихся от полиции убийцах, Микки и Мэллори, и тележурналисте по имени Уэйн Гейл, которого намеревался играть сам Тарантино. Гейл готовит на телевидении передачу – "Американские маньяки об убийцах-маньяках". На этот раз в паре с Тарантино в роли брата Коэна был Ранд Восслер. Восслер обзвонил кого только можно, расписывая своего партнера как будущего Скорсезе. Наконец, ему

удалось заарканить двух братьев-близнецов. Братья были нордического типа, оба два с лишним метра ростом, культуристы, оба подвизались на актерском поприще. Они согласились вложить деньги в картину при условии, что в ней найдется место и для них. Тарантино написал эпизод, где Микки и Мэллори ножовкой отпиливают братьям ноги, а затем, сидя в инвалидных колясках, они дают бодренькое интервью программе про американских маньяков. Близнецы

пообещали 270 тысяч долларов, если Тарантино и Восслеру удастся сделать этот эпизод. Не удалось.

К тому времени Тарантино продал сценарий "Всепожирающей страсти" и решил пустить деньги на подготовку съемок фильма "Бешеные псы". Но ему не хотелось иметь дело с Восслером, поэтому он отдал ему сценарий про убийц, попросив ни с кем не заключать контракта, а снимать на 16-миллиметровой пленке по выходным, партизанским способом. "Но он сделал по-своему. Встретился с неким Доном Мерфи и Джейн Хамшер, которые сказали ему: "Брось ты это. Мы достанем под картину три миллиона долларов". Он им поверил и заключил с ними контракт. А три дня спустя они его уволили. Я бы никогда, ни

Кадр из фильма "Бешеные псы"

при каких обстоятельствах этим людям не продал бы права на сценарий". Правда, Мерфи и Хамшер отрицают, что они уволили Восслера.

Потом появился Стоун, который в конце концов и приобрел сценарий. "Я не испытываю к нему плохих чувств, и это меня не особенно радует, – признается Тарантино. – В общем, мы с ним здорово расходимся в восприятии мира и в стиле работы. Я люблю недосказанность. А ему, видимо, это не по душе. Мне кажется, что если бы Оливер Стоун показал свой фильм тысяче человек и эта тысяча человек не совсем точно поняла, что он хотел сказать, он бы считал себя неудачником. Больше всего я ценю его энергию. Его самый большой недостаток в том, что его прямолинейность сводит на нет всю эту энергию, а энергия направлена на то, чтобы быть прямолинейным. Это второй Стэнли Крамер, но со стилем. Я сказал Стоуну: "Вы делаете хорошие фильмы. А почему бы вам не снимать кино меньшего масштаба?" И добавил что-то вроде: "Почему бы вам не снять кино типа "Бешеные псы"? "Он ответил: "Вот "Рожденные убийцами" и будут как раз таким кино". "Не совсем, – заметил я. – Это скорее, взгляд Оливера Стоуна на убийц-маньяков и на насилие в Америке. Это такой же масштабный фильм, если не самый масштабный, из сделанных

вами". Он сказал: "Бешеные псы" – очень и очень хорошая картина, но это кино. Я делаю фильмы, ты – кино. Мартин Скорсезе тоже делает кино. И Джон Ву, которого ты любишь, делает кино. Но проработав лет пятнадцать, можно остановиться и подумать про себя: "Да ведь кроме нескольких мелкотравчатых картин я ничего не сделал". И может быть, тебе захочется сделать когда-нибудь настоящий фильм". Он говорил со мной как-то снисходительно, но, вспоминая этот разговор, я думаю, что в общем он прав. Я не хочу делать фильмы. Я люблю кино. Но я не сомневаюсь, что картина "Рожденные убийцами", какой бы она ни получилась (хорошей, или плохой, или так себе), будет интересной. Но с Оливером мы во многом расходимся".

Кадр из фильма "Бешеные псы"

А вот как Стоун вспоминает этот разговор: "Это уж он вам наговорил, а вы всё слушаете. Я тогда сказал: "Квентин, тебе еще нет тридцати. Ты делаешь кино про кино. Я же делаю кино о жизни, которую знаю, дожив до 40 с лишним лет. Я видел насилия больше, чем ты. Я был во Вьетнаме. Был там ранен. Если ты хочешь говорить о насилии, то давай говорить правду". Я люблю его картины, но они не похожи на мои... надеюсь, что "Рожденные убийцами" ему понравятся. Но я без замиранья сердца жду его отзыва. Британская пресса уже написала, что он старается дистанцироваться от картины. Он же картины еще не видел, чего же ему отмежевываться?"

Когда Гарви Кейтл согласился играть в "Бешеных псах", "Лайв Энтертейнмент" пошла на финансирование картины. Фильм, поставленный Тарантино, обошелся в полтора миллиона долларов. В Соединенных Штатах продано 100 000 кассет с фильмом и примерно столько же в других странах мира. В Великобритании этот фильм на видео запрещен. Общий доход от фильма составил 20 миллионов долларов. "Это очень здорово", – говорит Тарантино.

После "Псов" Тарантино неожиданно уехал в Амстердам. Не считая Канна,

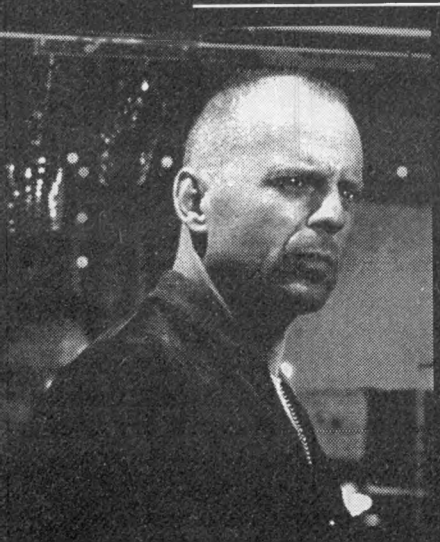
КРИМИНАЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Джон Траволта

Брюс Виллис

Юма Турман

в фильме Квентина Тарантино
"Криминальное чтиво"

это была его первая поездка за границу. В Амстердаме он частенько заходил в дешевый ресторанчик "Бетти Буп", смотрел фильмы режиссера Г. Хокса, писал сценарий "Криминальное чтиво", изучал причуды голландской жизни, в которой ему не все нравилось.

Сценарий "Криминальное чтиво" изобилует забавными наблюдениями над еврокультурой. По словам Тарантино, он работал над ним, как студент-киношник работает над своим проектом. В сценарии отдается дань уважения дешевым популярным журналам тридцатых годов. Как и в "Псах", Тарантино прибегает к приему дробления последовательного повествования.

Разработка этого сценария финансировалась компанией "Дэни Де Вито Джерси филм". Первоначально он был принят компанией "Трайстар Пикчерз", но позже она от него отказалась, так что "Мирамакс", занимавшаяся прокатом "Псов", с удовольствием за него ухватилась. К тому времени, когда Тарантино начал подбирать актеров на роли, он был уже настолько популярен, что от артистов, готовых работать с ним, не было отбоя. Так, на роль, сыгранную Юмой Турман, Тарантино не взял, например, Холли Хантер. А на роль, которую в фильме исполнил Траволта, он рассматривал кандидатуру Дэниеля Де Льюиса. Гарви Вайнштейн вспоминает: "Были моменты, когда я готов был вскрыть себе вены".

Несмотря на то что Тарантино задумывал фильм как эксперимент в области построения повествования, несмотря на то что в нем множество аллюзий с другими фильмами, было бы неправильным считать его не более чем любительским упражнением. Тарантино – дитя 60-х и 70-х годов, и его фильмы отражают тогдашние ценности, увиденные им сквозь призму столь любимых им французских вариантов "черного кино", которые, в свою очередь, отмечены рефлексиями гангстерских голливудских фильмов. "Вьетнам и Уолтергейт были двойным нокаутирующим ударом, который разрушил веру американцев в свою страну, – замечает Тарантино. – Я вырос с ощущением того, что все вокруг – ложь. Президент – обезьяна. Я помню, как мои родители говорили: "Чертовы свиньи, кретины".

Как и в "Крёстном отце", герои "Чтива" живут в своем мире. В фильме ни разу не появляется полиция; герои должны постоять за себя, руководствуясь такими традиционными ценностями, как честь, достоинство, верность. Чувство верности у Тарантино развито настолько сильно, что подчас оно напоминает первобытное чувство преданности своему племени.

Аллисон Андерс получила согласие актера Хью Гранта сниматься в ее новом фильме "Пол умер". Затем, по словам Андерс, "Хью без всяких на то причин отказался. В Канне Квентин рассказал мне, как одна дама восхищалась безупречной порядочностью Хью. И тогда Квентин заметил ей: "Вы так думаете? Позвольте, я вам кое-что расскажу. Хью Грант обосрал меня. Потому что он обосрал моего друга, Аллисон Андерс. Она дала ему роль, а он слинял куда-то. И чести мужской у него нет – не смог просто сказать, что, мол, больше не хочет работать. Он обосрал ее, а стало быть, и меня, потому что если обосрала одного из нас, значит – всех нас обосрала". Он меня до смерти растрогал – "Я тебя люблю".

Тарантино вовсе не проповедует насилие, его ценности удивительно консервативны. В фильме "Криминальное чтиво" идет спор о том, видели ли два главных героя свершившееся чудо. И один из них к концу фильма переживает нечто вроде религиозного перерождения и пытается, в духовном смысле, спасти остальных.

Хотя мать Тарантино католичка, она никогда не испытывала привязанности к организованным формам религии и сына своего никогда не мечтала видеть в церковном хоре. Тарантино самостоятельно вырабатывал свои убеждения. "В магазине "Видеоархивы" я проработал пять лет, и каждые полгода устраивал себе проверки, во время которых я презирал Квентина. Я не ложился спать всю ночь и подробно анализировал все, что было не так в моей жизни. Я не жалел себя. "Ты чертов неудачник", – говорил я себе. Однажды во время такой проверки я заявил себе: "Ты должен уехать к чертовой матери из Саут Бей. Ведь о своих успехах ты судишь по успехам своих друзей в видеомагазине. А они же ничего не делают, чтобы улучшить свою карьеру. Тебе надо уехать в Голливуд. Если ты будешь бежать с быстробегущей толпой, ты будешь бежать быстро, даже если будешь последним. До Голливуда от Саут Бей довольно далеко, так что доехать туда нелегко. Поэтому сначала дважды подумаешь, но если будешь думать дважды, то тебе крышка". Денег у меня не было. В год я тогда получал меньше десяти тысяч долларов, и возврат внесенного налога составлял существенную часть годового дохода. Но я затыкнул с оформлением бумаг, и мне должны были вернуть деньги за два года. После того как я принял важное решение о переезде, я вернулся домой в час дня и обнаружил письмо. В нем был чек на тысячу триста долларов – возврат налога за два года. Деньги появились как раз в тот день, когда я решил изменить свою жизнь. Получи я их двумя годами раньше, я бы, конечно, их профуфырил впустую. Такие вещи, когда они случаются, заставляют человека задуматься. Бог словно ждал, когда я, наконец, раскочаюсь".

Конечно, признание и деньги имели большое значение для Тарантино. Впрочем, его друзья подчас скептически говорят об этом. Ранд Восслер, например, рад тому, что все, что он когда-то говорил о Тарантино, в общем сбылось. Но с Тарантино он уже не разговаривал года два. "Бывало, мы с ним целыми днями работали вместе, – вспоминает Восслер, – а теперь он господин Тарантино". А вот что говорит Александр Рокуэлл, друг Тарантино, сделавший фильм "В переплете": "Квентин очень быстро добился большого успеха, и друзьям это трудно понять. Ты крутишься целый день, стараясь до кого-нибудь дозвониться, а возле Квентина вечно суетятся люди, желающие только одного – лишь бы он пошел с ними пообедать".

Даже в спокойные дни Тарантино не может не функционировать. Он, Андерс, Рокуэлл и Роберт Родригес работают вместе над фильмом для компании "Мирамакс" под названием "Четыре комнаты". В фильме четыре новеллы, действие которых разворачивается в четырех разных комнатах одного отеля. "Когда работаешь с Тарантино, его невозможно обуздать, – говорит Рокуэлл. – Это равносильно попыткам отговорить наркомана не грабить вас. В общем, сиди и слушай его в течение двух часов".

Тарантино, действительно, оказывает немалое влияние на молодых кинорежиссеров. "Я сейчас читаю много сценариев об ограблении – восемь человек планируют грабежи, – замечает Гарви Вайнстайн. – Есть в этом некое подражание". Андерс, которая критически относится к сценам насилия в фильмах Тарантино, говорит: "Эти ребята не понимают, что, если из фильмов Тарантино изъять насилие, все равно останется невероятно изумительный фильм. В них есть поп-культура, блестящая структура повествования, удивительная композиция. А ведь из иных фильмов уберешь насилие, и фильма нет".

Тарантино работает так много, что на личную жизнь времени почти не остается. Одно время он встречался с Андерс, но из этого ничего не получилось, они остались друзьями. "Невозможно ходить на свидание с другими кинорежиссерами, – говорит она. – Представьте, я иду на свидание с Квентином после того, как целый день занималась монтажом, а он мне рассказывает, что у него пошло в корзину из его фильма".

Теперь девицы бросаются ему на шею. Как-то в шутку он сказал Андерс, что собирается написать статью под названием "Руководство для молодого кинорежиссера по поведению в постели на кинофестивалях". "Квентин похож на какого-то чудака от кино, проснувшегося в кондитерской лавке, – считает Рокуэлл. – Неожиданно все эти женщины, которые раньше не желали брать у него напрокат видеофильмы, им заинтересовались".

Пока что Тарантино справляется со своей славой как нельзя лучше. Он не обзавелся всем тем, что, по неписаному этикету, полагается иметь преуспевающему молодому кинорежиссеру. Нет у него ни "мерседеса-кабриолета", ни ярко-красного старинного "мустанга". Не обедает он и в ресторанах типа "Манки Бар", где любит собираться голливудская молодежь. Денег много не тратит, хотя и сделал небольшой взнос в пользу кинофотоархива при калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Телефон для машины не покупал и факс в квартире иметь не собирается. Он по-прежнему ездит на потрепанном "Гео Метро", который купил на деньги за "Всепожирающую страсть". На полу в машине набросаны смятые кофейные стаканчики и почерневшие палочки для чистки ушей.

На вершине каньона Лорел стоит дом, к которому ведет извилистая дорога. Здесь, в этом доме, несколько недель спустя после каннского успеха Тарантино в компании каких-то людей курит марихуану. То ли курево оказалось крепким, то ли просто Тарантино измотан, но после пары затяжек ему кажется, что он в полном кайфе. Оглядываясь, он ищет знакомое лицо. Потом до него доходит, что кругом только незнакомые люди. Тарантино начинает терять контроль над собой. "Какого черта я тут торчу с ними", – думает он. Совершенно обалдевший, выходит из дома и медленными зигзагами продвигается к своей машине. Но добраться домой намного труднее, чем думалось. Живет он в Креснт Хайтс у подножья каньона Лорел, и по прямой это недалеко от того места, куда его занесло. Но он не привык ездить в пьяном или обалдевшем состоянии, да

еще по лабиринту крутых извивающихся дорог, ведущих вниз к его дому. Он дает себе обещание, что такое больше никогда не повторится. Потом он заводит машину и медленно едет вниз. Голова у него трещит. Он тихо разговаривает сам с собой: "Молодец, Квентин, ты все делаешь правильно. Раз нельзя ехать быстрее 25 миль, зачем набирать 40". Ему представляется, что он, как Карен Блэк в фильме "Аэропорт 1975", ведет "Боинг-747" после гибели экипажа, а потом, как Чарльтон Хестон, пытается по радиосвязи помочь посадить самолет. Спокойно, Квентин, говорит он сам себе. Главное, держаться справа от белой линии на дороге... Дом все ближе и ближе, можно с облегчением вздохнуть. Доехал.

Мастерская
Одельши
Агишева
и
Веры
Туляковой

В.Тулякова: Прошлым летом мы с Одельшой Александровичем Агишевым набирали во ВГИКе свою третью мастерскую.

Один из тех, кто обрадовал – Аркадий Казанцев. Писать Аркадий начал рано и показал свою прозу нам первым. Отслужил в армии, но не утратил интереса к армейским сюжетам. Ему тридцать, живет в деревне Симоново Тверской области. Филолог с университетским образованием, учителствует в сельской школе. Писать будет – сомнений нет. Дай Бог ему удачи, здоровья, сил.

Аркадий Казанцев

На позиции

Жаркий летний день. Яркое, слепящее солнце. Горный ландшафт. Вечно снежные пики. На вершине скалистого холма боевое укрепление: уложенные по кругу большие камни. Меж них – окна бойниц. Внутри укрепления – три человека. Один из них сидит особняком. Он в тельняшке, у него коротко остриженные белые волосы, бронзовая от загара кожа, голубые глаза, волевые черты лица. Это – сержант Полонейчик. Два других бойца сидят рядышком у противоположной стены, рядовые Баскаков и Джаманкутов. У Баскакова розовое, конопатое лицо, облезлая на носу кожа, толстые, потрескавшиеся губы. Он то и дело облизывает их языком. У Джаманкутова азиатские черты без особых примет. Рукава армейской куртки закатаны, он чистит автомат.

Сержант (вяло, кажется, лишь для того, чтобы развлечь себя разговором):

– Эй, Баскаков.

– Я, товарищ сержант.

– Помнится, ты неделю назад письмо получил.

– Так точно.

– Откуда?

– Из дома.

– Стало быть, с ВОлОгОдчины, – заокал сержант, подражая северному диалекту своего подчиненного. – От мамки?

– От невесты.

– Ого! Стало быть, кабы нас сегодня не убили, женился бы.

– Женился.

– А чо, БОскаков, было у вас там с ней чо? – спросил сержант и, встретившись с непонимающим взглядом, стал подбирать выражение помягче, чтобы не смутить им скромного деревенского парня. – Ну, жили вы с ней как муж и жена?

– Нет, – густо покраснел Баскаков.

– А что так?

Тот повел плечами.

– Да ты не стесняйся. Жить-то нам осталось, пока они намаз закончат. Хоть поговорить перед смертью.

– Если честно, – недолго поразмыслив над

В кадре появляется девушка в короткой, легкой юбочке и секси-майке. Раскачивая бедрами, она подходит к Коле и садится ему на колени.

– Если тебе нужна кровь, – продолжает жек тем Серега, – убей вон этого. И он снова кивнул на Колю. – Можно как-нибудь изощренно... Пусть его возьмут в плен, а дальше сам знаешь. Но так, чтобы всем племенем. Вот это поворот. Или вон Талгата убей. У него мать много рожает. Там кроме него четыре сестры и братьев не меньше. Ну сколько, Талгат?

– Пят от старший жена и еще двасат две от сякий-разный-другой, – подыграл Талгат.

– Ну ты видишь! А я сиротинка горькая. По-береги...

– Нет, Серж, – прервал его Вова, – давай шутки в сторону. Осталось два часа работы. Давай еще раз, но по-моему. Пуля. Ты понимаешь. – И Вова стал заводится от своей гениальной придумки. – Я не знаю, откуда она взялась. Шальная она? Прицельная? Кто ее послал? Бог? Черт? Аллах? Будда? Но пуля, понимаешь. Судьба. Наказание за его черный юмор.

– Вова, блядь, – еще сильнее взвился сержант, – ты вообще смотрел на нашего зрителя, когда тот от телевизора встает? У него же мальчики кровавые в глазах. И девочки. Голье.

– Серега, – незлобиво гнул свою линию Вова, – во-первых, я не блядь. А во-вторых, еще один дубль и шашлык с водочкой.

Сержант устало опустил на камень, промокнул тельняшкой лицо.

– Пусть мне сейчас нальют. Последние. Сталинские. Сто грамм. Не хочу подыхать трезвым. И дай, наконец, хорошую сигарету, – он со злостью выбросил пачку "Астры". – Уже в горле першит от этого дерьма.

– Катя, реквизит, – указал на пачку Вова.

Девушка поднялась с колен Баскакова, раскачивая бедрами, подошла к пачке и нагнулась в их сторону нешироким, упругим задом. Он тут же приковал взгляд сержанта. Вова посмотрел на Серегу.

– Ну, знаешь, это не ко мне. Сто грамм, сигарета – пожалуйста... Хотя, конечно, последняя воля приговоренного...

Катя не спешила разгибаться, ожидая развязки разговора.

– Ладно, – принял Серега пачку "Мальборо" из руки режиссера, – она – всё одно извращенка.

– Ну-ну, попрошу...

– Хоть этого греха на моей душе не будет.

С пачкой сигарет Катя вернулась на колени к Коле. Тот нежно погладил ее по волосам:

– Не слушай их, они дурачки. Ты – классная.

– В общем так, Серж, смотри, – начал объяснять задачу Вова. – Вот ты встаешь,

выглядываешь: "БОскакОв, не плачь. Научишь ты свою неумеху всему, что надо. Вот уже и наши летят". И тут эта пуля. Ты резко выпрямляешься и падаешь на спину. – Вова повернулся и стал выискивать среди камней место, куда должен упасть сержант, – вот сюда с кровавым пятном на лбу.

Все как замороженные посмотрели на место предполагаемого падения Сереги.

– Ужас! Какой кровожадный! – уронила Катя.

– Кать, помолчи, – резко заявил о своих правах молодой режиссер.

– Молчу, молчу, – строила невинные глазки Катя и, подражая вологодскому произношению, обратилась к Коле. – Эй, БОскакОв, может, я тебя чему научу, пОка вас тут всех не пОубивали?..

Первые легкие сумерки. Горный ландшафт. На сложенной из камней стене укрепления сидят друг против друга сержант Полонейчик с пулевым отверстием во лбу и рядовой Джаманкутов с перерезанным горлом. Дымится мангал. В две гитары они бьют незадействованные аккорды и что есть силы напрягая глотки поют песню:

Вспомним, товарищ, мы Афганистан,
Запахи пожарищ, крики басурман,
Как заговорил твой верный АКС,
Вспомним, товарищ, вспомним, наконец...

Три "душмана" уносят с позиции тюленеобразное тело пьяного в стельку Вовы.

Вспомним, товарищ, как мы шли в ночи,
Как по нам из буров стреляли басмачи,
Как загрохотал твой грозный АКС,
Вспомним, товарищ, вспомним, наконец...

"Душманы" заносят тело режиссера в находящийся здесь же небольшой уютный домик, над дверью которого значится табличка "Пансионат "Горная лаванда". Перед пансионатом играют в бадмингтон, визжат и хохочут Катя и Коля.

Поскольку последующие куплеты песни запутались в опьяненных головах Сереги и Талгата, едва покончив со вторым куплетом, они тут же начинают с первого:

Вспомним, товарищ, мы Афганистан...

Суровые лица. Суровая песня. Тяжелые слова. Они с хрипом вырываются из напряженных легких, взламывая перегородки голосовых связок и ранеными птицами падают вниз. Потом плывут мрачными тенями по глубоким ущельям, пока не истреплет себя об их каменные стены и, тем лишившись тяжести, не воспарят снова вверх, к вечно снежным вершинам, проводя в последний путь души погибших интернационалистов.

Мастерская
Одевши
Агишева
и
Веры
Туляковой

О. Агишев: Рома Голев был из тех людей, которые запоминаются навсегда. Почти двухметровый очкарик, застенчивый, молчаливый, нежно любящий свою маму Марию Ивановну. Сильный, наивный, одинокий, одаренный.

Приехав в Москву из родного Славянска, поступил в МГУ безо всякого блага. А через год пришел поступать во ВГИК на наш сценарный факультет – снова без малейшей помощи и рекомендаций.

Он искал и утверждал себя с редкой честностью и бескомпромиссностью. Писал тяжело, медленно. Та легкость, с которой написан его летний творческий дневник, – его первая удача, – далась ему тяжелой внутренней работой. Он незаметно становился душой курса. На обсуждениях Рома стали цитировать.

Он боялся высоты. У него в дневнике есть записи о воображаемых полетах, падениях, о зове бездны. Ночью 2-го мая 1992 года он решил разом преодолеть свой страх. И сорвался с высоты 16-го этажа. Видимо, ему было очень важно победить и в этот раз. Но, кажется, в нынешней жизни не бывает победителей; или, может быть, побеждают совсем иные люди, чем наш Рома.

Ему было неполных 19 лет.

Роман Голев

Из дневника сценариста

В классе я был, наверное, самым спокойным и послушным мальчиком. Еще ясно помню, что боялся любых проявлений агрессивности. Поскольку во мне ничего подобного не было, то я испытывал страх перед агрессией. Я не мог осознать ее природы.

Вместе со мной в одном классе нормальной школы учился дистрофик с врожденным дебилизмом – Толик Семашко, или Дурко, как мы называли его за глаза. В моем классе его боялись все. Поголовно. Даже сейчас не могу понять до конца – за что. Скорее всего, наверное, именно за нездоровое состояние психики.

Он будто бы был до краев заполнен энергией, которая заставляла его совершать невысказанные для нас поступки. Именно эти две вещи – слабоумие и чрезмерная подвижность – давали порой поразительный эффект: он мог кинуть снежком в спину директорше, которую боялся до смерти, мог притащить на урок кусок дерьма, повесить в школьном саду кошку, залезть на целый день под женскую половину туалета.

Но он действительно был дистрофиком. Вообще редко встречаются люди с таким чахлам здоровьем. Это, впрочем, не мешало ему терроризировать школу. Повторяю, мы панически

боялись его. И я был одним из любимых предметов его издевательств.

Однажды наш класс вечером мыл школу. Толик заставил меня выполнить, кроме моего, еще и его объем работы. Я покорно исполнил.

Я не помню, что произошло, но он плюнул мне в лицо. В прямом смысле.

В одно мгновение со мной что-то случилось. Откуда-то глубоко, глубоко изнутри вылез зверь. Это было впервые в моей жизни. Ощущение было такое, будто во мне родилась шаровая молния.

Перемена, происшедшая в моем лице, отразилась в его глазах страхом. И я увидел это.

Он пошел от меня прочь по коридору. Я стоял на месте, и только когда он обернулся, двинулся за ним. В этом крыле школы были только мы двое, и сладостное сознание его беспомощности вдруг поразило меня. Бежать ему было некуда. Он зашел в комнату и попытался держать дверь.

Помню, что бил я его с наслаждением. То, что я испытывал, можно назвать разновидностью оргазма. Я ссадил кожу на обоих своих кулаках и оставил вмятину от его головы на цинковом ведре. Если бы он не кричал, то я, может быть, остановился бы после первого удара.

Минуты через три я все-таки остановился – внезапно. Будто кто-то выдернул вилку из розетки. По его перекошенному от страха лицу были размазаны слюны и кровь. Я повернулся и пошел домой.

Я шел домой как сомнамбула. Вакуум внутри меня ощущался просто физически. Не хотелось ничего. Когда я подошел к дому, это состояние стало сменяться еще более противным. На мокром после дождя асфальте шевелились выползающие из земли черви.

По вечерам я играл со своей двоюродной сестренкой, а сегодня я не сумел выложить ей из мозаики цветов.

Как-то я прогулял день занятий в МГУ: сидел в своей комнате в общежитии и ничего не делал.

Вдруг в дверь постучали и вошла комендантша. За ней человек в кожаном плаще и милиционер.

Первая мысль: "Доучился!" Хотя бояться мне было нечего.

– Здравствуйте, – поздоровался человек в кожаном пальто не представляясь.

– Здравствуйте, – ответил я растерявшись.

С комендантшей у нас были натянутые отношения из-за беспорядка в нашей комнате.

– А я, вот, прибраться собирался... – пробормотал я.

– Не желаете ли проехать с нами? – спросил незнакомец в кожаном пальто. Он был лет двадцати восьми, среднего роста, спортивного вида.

– Нет. Не желаю, – ответил. – А что случилось?

– Ничего не случилось. Нам нужны понятия. Посмотрите на убийцу.

"Ну, если на убийцу, тогда ладно".

– Хорошо, – ответил я.

– Только, пожалуйста, возьмите еще кого-нибудь с собой. Для следственного эксперимента нужны двое понятий.

Я пригласил еще одного прогульщика, и скоро мы на милицейском "бобике" приехали в районное отделение. Там записали наши данные, адреса и приступили к делу.

Привели убийцу. Это был маленький невзрачный мужичок с пугливым взглядом. В кирзовых сапогах и шляпе с очень широкими полями. Неопределенной национальности. Помню, что имя было русское, а фамилия какая-то необычная.

Ему представили понятий, то есть нас, и сказали, что весь эксперимент будут снимать на видео пленку.

– Для "Вечерней Москвы", – пошутил человек в кожаном пальто, оказавшийся следователем.

– Не надо снимать, – вдруг ни с того ни с сего запротестовал преступник.

Его минуты три пытались образумить, а затем куда-то вывели и через пару минут привели обратно. Больше он не сопротивлялся.

Нас немного поснимали здесь в комнате, а потом повезли на место убийства.

Это было совсем недалеко. Здесь строилось какое-то посольство. Убитый и убийца были здесь рабочими.

Кругом были навалены огромные кучи песка и глины. Моросил дождик, и ноги проваливались в грязь. Было холодно. Я пожалел, что согласился, когда вылез из машины.

Рабочие со стройки наблюдали за нами. Кто-то махнул арестованному рукой.

Снимать начали возле бытовки. Подследственный рассказал, какого числа все произошло. Затем вошли в бытовку.

– В девять часов вечера я сидел здесь один.

Далее из его рассказа следовало, что сюда ворвался его приятель в совершенно пьяном виде и стал угрожать, требуя деньги. Затем завязалась драка, и пьяный схватил нож. Но подследственный отобрал нож и стал наносить им удары.

Все это он рассказывал, показывая, где что происходило. Следовательно, пристегнутый к нему наручниками, послушно ходил за ним. Удары имитировались линейкой.

Затем мы вышли из бытовки, чтобы проследить путь, которым тащили убитого. Нам объяснили, что он был закопан в куче песка. Когда мы приблизились к этому месту, то увидели неглубокую яму, в которой раньше лежал труп.

Мне все это уже успело надоест. Я еще ничего не ел, и к тому же у меня начинался насморк, я промочил ноги. Я злился на этого мужика, что он так долго и нудно рассказывает, повторяя одно и то же по нескольку раз.

И тут я разглядел в той яме черную пуговицу, какие бывают на спецовках.

Просто кого-то убили...

В детстве я несколько раз видел, как резали поросенка. В первый раз я забрался на чердак и заткнул уши. Во второй вышел посмотреть. В третий раз я сам смолил его палящей лампой и спокойно наблюдал за разделкой туши. Эффект привыкания.

Гордость первого ощущения холода приклада. Три одиночных в грудную мишень на оценку и девять очереди в пространство. Чувство ответственности и внезапное могущество...

Азарт охотника и ничего не значащая, почти не настоящая кровь убитого животного...

Страх в глазах и разбитое лицо своего первого детского врага. Радость победителя и опустошение победой...

Скоро закончился следственный эксперимент. Нас привезли обратно в отделение. Прокрутили пленку. Мужичок, видимо, был поражен сознанием того, что и он может существовать на экране телевизора.

Все заулыбались, увидев себя.

Мы расписались под протоколом, и нас отпустили, выдав справки, что этот день мы провели на следственном эксперименте.

Все эксцессы начинались через неделю после приезда Мишки в деревню. Эту неделю дедушка с бабушкой чуть ли не носили его на руках, хвалили лучшими словами. Дедушка Антон Дмитриевич водил его на пасеку, учил общаться с пчелами, давал кормить поросенка. Бабушка Василиса Григорьевна сюсюкала с ним, расчесывала его непослушную шевелюру и каждый день стирала его грязные сорочки. Кормили Мишку как на убой. По его приезде Антон Дмитриевич резал гуся, и это был официальный ритуал начала Мишкиного проживания в деревне.

Через неделю Мишка привыкал к старикам, от которых за год успевал отвыкнуть, переставал стесняться и восстанавливал прошлогодние знакомства с деревенскими пацанами. И вот тогда все начиналось...

Ни дедушка, ни бабушка не могли с ними совладать. Для начала он подрался с соседским сопливым пацаном Витькой, который был на год его младше. Мишка разбил ему нос, а Витька плакал и орал на всю улицу: "Тити выпутно!!!", что означало: "Кишки выпущу!". Антон Дмитриевич вечером долго журил Мишку, и в конце концов, Мишка сам зарыдал, не выдержав напора дедушкиных убедительных слов. Василиса Григорьевна, которая была напугана выходкой

внука, все же вступилась за Мишку и сказала дедушке, чтоб он не был так строг. Дедушка смягчился, но взял с Мишки слово, что больше ничего подобного не повторится...

На следующий день Мишка вышел на улицу и увидел Витьку, который тут же залез на забор своего двора. Мишка хотел гордо пройти мимо, но Витька запустил в него зеленым яблоком. Мишка не мог теперь уйти, но и сделать ничего не мог, — как только он приближался, Витька перебирался на яблоню и продолжал обстрел. Кончилось все тем, что Мишка попал Витьке в лоб камнем и тот свалился с забора. В этот вечер Мишку к деду привел Витькин отец. Антон Дмитриевич накричал на Мишку, и Мишка снова заплакал.

Дальше — хуже. Через день он запер стариков во флигеле на большой амбарный замок. Напрасны были все увещевания и угрозы Антона Дмитриевича. Он стоял на стуле и, высунув голову в форточку, пытался образумить внука, который преспокойно сидел на черешне перед самым его носом и делал вид, что ничего не слышит. Потом он слез с черешни и пошел купаться на речку. Благо соседка пришла случайно и отперла стариков. Если бы не Василиса Григорьевна — выпал бы Антон Дмитриевич Мишке хорошо. А так все кончилось крупным вечерним скандалом.

Потом Антон Дмитриевич был с Мишкой в магазине и купил ему лук. Но в тот же вечер поломал его, потому что Мишка сразу же по возвращении домой пустил ему стрелу в лоб.

Приехала Мишкина тетка Нюра и за что-то надрала племяннику уши. К несчастью, старики ушли на базар, а тетка Нюра полезла на дерево рвать черешню. Когда она нарвала полный бидон и собиралась слезать на землю, то увидела, что под деревом стоит Мишка с кочергой в руке. На его глазах еще не высохли слезы недавней обиды. "Миша, Миша, ты что!" — пыталась отвлечь она Мишку, медленно спускаясь с дерева. Мишка хватил ее кочергой по ногам, тетка залезла обратно на дерево. Через несколько минут она сделала еще одну попытку, но Мишка ударил еще сильнее. Тетка взвыла и забралась на самую толстую ветку, уселась там и стала осыпая племянника проклятьями. Скоро пришли старики. Тетка спустилась на землю. У Мишки забрали кочергу, а самого его еле вырвали из рук разъяренной тетки. Тетка вечером уехала, но Антон Дмитриевич сам впервые выдрал Мишку ремнем. После этого Мишка затих.

Но вдруг за неделю до отъезда он принес в дом бомбу.

Это было вечером. Антон Дмитриевич лежал в своей комнате и читал газеты. Василиса Григорьевна собирала Мишке ужин. Появился Мишка и прошмыгнул в комнату. Василиса Григорьевна успела заметить, что лицо его было слишком сосредоточено и будто бы он что-то прятал

за спиной. Заинтересовавшись, она тихо заглянула в зал и увидела внука с настоящей авиационной бомбой в руках. Он стоял посреди зала и раздумывал, куда бы ее засунуть на первое время. Василиса Григорьевна воскликнула: "Миша, что это у тебя?!" Мишка кинулся в угол и прижал бомбу к груди. "Отец, отец, иди скорей сюда. Ой, Боже!" – старушка вот-вот готова была упасть в обморок. Прибежал Антон Дмитриевич и, увидев бомбу, вступил в переговоры с внуком. Но все было напрасно – Мишка заявил, что выменял ее на свой любимый перочинный ножик и не отдаст никогда. Антон Дмитриевич медленно приближался к нему, пытаясь отвлечь разговором. Мишка все понял и, неожиданно проскочив мимо старика, убежал в другую комнату. Комнаты в доме были сквозные, и его долго не могли поймать. А когда все-таки поймали, то обнаружили, что у него бомбы нет. Перевернули вверх дном весь дом. Бомбы нигде не было. Ничего не дал крайне строгий допрос. Мишка

запирался, как партизан, и вдобавок еще заплакал. Старики решили лечь спать, а утром уж разобраться окончательно и, если потребуется, позвонить в город Мишкиному отцу, тот уж сумеет с ним справиться. И вот, укладываясь спать, Василиса Григорьевна обнаружила бомбу под своей периной. Спать не пришлось еще долго. Антон Дмитриевич вынес бомбу во двор и от соседей позвонил в военкомат. Машина со специалистом приехала часа через два. Все это время дедушка сидел во дворе, оберегая бомбу. Специалист сказал, что бомба пустая, одна железяка. В этот вечер Мишку выпороли второй раз.

А потом каникулы кончились, и за Мишкой приехали родители. Антон Дмитриевич зарезал еще одного гуся. Ни отцу, ни матери старики ничего не рассказали. Василиса Григорьевна поплакала, прощаясь с внуком. Мишка уехал, а на следующий год, как всегда, приехал. Старики обрадовались. Все началось сначала.

АНОНС

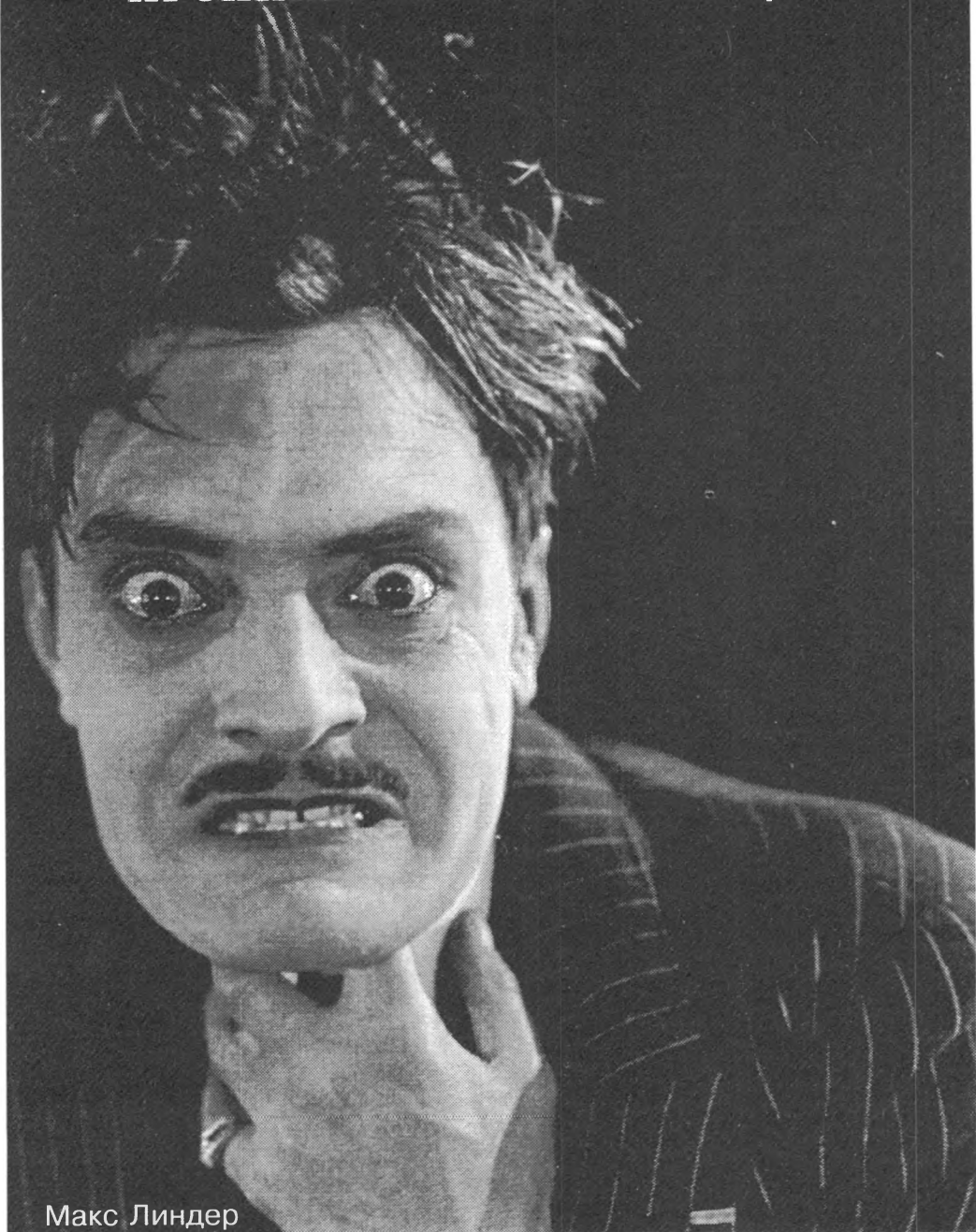
В следующем
номере:
сценарий
Елены Райской

"Я – русский солдат"

по мотивам повести
Бориса Васильева
"В списках не
значился".
Фильм ставит
режиссер
Андрей Малюков.

Дэвид Робинсон

ХРОНИКА КИНЕМАТОГРАФА

Макс Линдер

1900

СОБЫТИЯ
МИРОВОЙ
ИСТОРИИ

11 апреля. Открывается Всемирная Парижская выставка.

30 апреля. Гавайские острова становятся территорией США.

21 июля. Начало Ихэтуаньского ("Боксерского") восстания в Китае.

29 июля. Убийство Умберто I, короля Италии.

– Макс Планк разрабатывает квантовую теорию.

– Артур Эванс начинает раскопки на Крите, приведшие к открытию Минойской культуры.

– В США Р.А.Фессенден впервые передает по радио человеческий голос.

– Густав Малер "Симфония № 4", Джакомо Пуччини "Тоска".

– Анри Луи Бергсон "Смех", Зигмунд Фрейд "Толкование сновидений", Джозеф Конрад "Лорд Джим", Теодор Драйзер "Сестра Кэрри", А.П.Чехов "Дядя Ваня".

Родились: Генрих Гиммлер (7 октября), Маргарет Митчелл (8 октября).

Скончались: Джон Рескин (20 января, 80), Стивен Крейн (5 июня, 28), Фридрих Ницше (25 августа, 56), Оскар Уайльд (30 ноября, 44).

– С. Полякофф патентует систему звуковоспроизведения с использованием фотоэлектрического элемента.

– На Всемирной Парижской выставке представлены новые достижения в области кинотехники: Луи Люмьер демонстрирует гигантский экран размером 21x16 метров, Рауль Гримуан-Сансон представляет "Синеораму", круговой панорамный экран, на который проецируется изображение 10 кинопроекторов, снятое на 70-мм раскрашенную вручную пленку, Клеман Морис и Анри Лиоре показывают "Фоно-синема-театр", систему кинопроекции с синхронным воспроизведением звука, записанного на пластинку.

КИНО

Франция

"Человек-оркестр" (Ж. Мельес)

"Жанна д'Арк" (Ж. Мельес)

"Рождественский сон" (Ж. Мельес)

Великобритания

"Нападение на миссию в Китае" (Джеймс Уильямсон)

"Лупа бабушки" (Дж. А. Смит)

"Последние дни Помпеи" (Р. У. Пол)

США

"Китайцы убивают христиан" (Любин)

Серия "Счастливый хулиган" (Вайтаграф)

Родились: Морис Жобер (3 января), Жак Превер (4 февраля), Луис Бунюэль (22 февраля), Герберт Биберман (4 марта), Спенсер Треси (5 апреля),

Детлеф Зирк (Дуглас Сирк) (26 апреля), Николай Охлопков (6 мая), Алес-

сандрो Блазетти (3 июля), Роберт Съодмак (8 августа), Мервин Ле Рой

(15 октября), Ламар Тротти (18 октября), Жан-Поль Ле Шануа (25 октября),

Сергей Васильев (4 ноября), Марк Аллегре (22 декабря).

ФИЛЬМЫ

1901

СОБЫТИЯ
МИРОВОЙ
ИСТОРИИ

1 января. Образование Австралийского Союза.

12 апреля. Вывод американских войск с Кубы.

16 апреля. Первое использование беспроводного телеграфа в море.

Продолжение. Начало см. №1, 1995 г.

КИНО

ФИЛЬМЫ

21 апреля. Скандал при открытии скульптурного портрета Виктора Гюго работы Огюста Родена в Гран-Пале в Париже.

6 сентября. Убийство Президента США Уильяма Мак-Кинли.

7 сентября. "Боксерское" восстание заканчивается подписанием Пекинского мира.

14 сентября. Теодор Рузвельт становится Президентом США.

– Голод в Индии: за период с 1899 по 1901 г. умерло 1. 250 тыс. человек.

– Антонин Дворжак "Русалка", Сергей Рахманинов "Второй концерт для фортепиано с оркестром".

– Редьярд Киплинг "Ким", Томас Манн "Будденброки", А.П.Чехов "Три сестры".

Родился: Андре Мальро (3 ноября).

Скончались: Джузеппе Верди (27 января, 87), Анри Тулуз-Лотрек (9 сентября, 36).

Январь. В Нью-Йорке открывается новая студия Эдисона.

15 июля. Т. Эдисон выигрывает судебное дело о нарушении патентных прав против компании "Американ Мьютоскоп энд Байограф компани".

Франция

"Освоение воздуха" (Ф. Зекка/Пате)

"Синяя Борода" (Ж. Мельес)

"История одного преступления" (Ф. Зекка/Пате)

"Красная Шапочка" (Ж. Мельес)

Великобритания

"Большой глоток" (Дж. Уильямсон)

"Пожар!" (Дж. Уильямсон)

"Волшебный меч, или Средневековая тайна" (У.Р.Бут/Р.У.Пол)

"Скрудж, или Призрак Марли" (У.Р.Бут/Р.У.Пол)

США

"Джек и бобовый стебель" (Эдвин С. Портер)

Родились:

Михаил Ромм (24 января), Кларк Гейбл (1 февраля), Гэри Купер (7 мая), Витторио Де Сика (7 июля), Александр Алексеев (5 августа), Жан Грემийон (3 октября), Ли Страссберг (17 ноября), Уолт Дисней (5 декабря), Марлен Дитрих (27 декабря), Иван Пырьев (17 ноября), Николай Шенгелая (19 августа), Юлия Солнцева (7 августа).

"Большой глоток"

1902

10 апреля. Буры принимают условия капитуляции, предложенные Англией.

10 декабря. Завершение строительства Асуанской плотины.

21 декабря. Маркони посылает первое трансатлантическое телеграфное сообщение.

– Клод Моне "Мост Ватерлоо".

– Клод Дебюсси "Пелееас и Мелизанда".

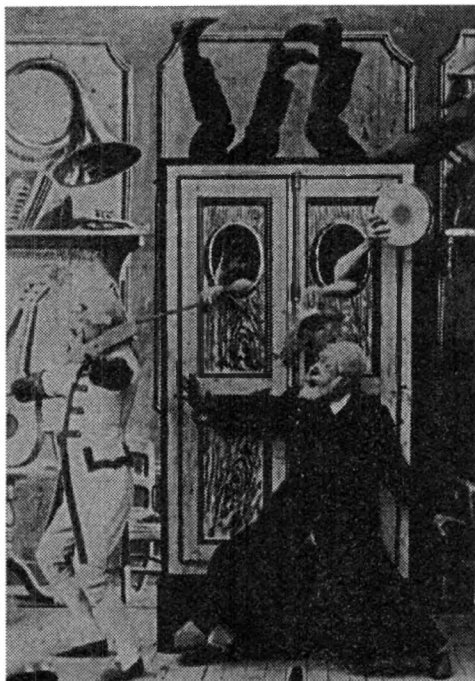
– М. Горький "На дне", Герберт Уэллс "Первые люди на Луне", Артур Конан-Дойл "Собака Баскервилей".

Скончался Эмиль Золя (29 декабря, 62).

СОБЫТИЯ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

10 марта. Решение суда по делу "Эдисон против "Американ Мьютоскоп энд Байограф компани" пересмотрено в пользу последней.

– Уильям Баркер начинает производство фильмов на киностудии в Илинге.

Жорж Мельес "Шкаф братьев Дэвенпорт"

Франция

"Шкаф братьев Дэвенпорт" (Ж. Мельес)

"Катастрофа с воздушным шаром" (Ж. Мельес)

"Катастрофа на Мартинике" (Ф.Зекка/Пате)

"Извержение вулкана Монпелье" (Ж. Мельес)

"Робинзон Крузо" (Ж. Мельес)

"Жертвы алкоголизма" (Ф.Зекка/Пате)

"Страсти" (Люсьен Нонге, Ф.Зекка/Пате)

"Путешествия Гулливера" (Ж. Мельес)

"Путешествие на Луну" (Ж. Мельес)

Великобритания

"Коронация Их Королевских Величеств Короля Эдуарда VII и Королевы Александры" (Ж. Мельес, Дж. А. Смит/Уорвик)

"Бесславный мир" (Сесил Хепурт)

США

"Назначение свидания по телефону" (Э. С. Портер)

Родились: Хайнц Рюман (7 марта), Макс Офюльс (6 мая), Анатолий Литвак (10 мая), Жорж Ван-Парис (7 июня), Борис Барнет (16 июня), Уильям Уайлер (1 июля), Лени Рифеншталь (22 августа), Чезаре Дзаваттини (20 сентября), Энтони Асквит (9 ноября), Жан Пенлеве (20 ноября).

1903

7 декабря. Первый продолжительный полет летательного аппарата тяжелее воздуха братьев Райт близ поселка Киттихок в Сев. Каролине.

– В Детройте Генри Форд основывает компанию "Форд мотор компани".

– Генри Джеймс "Послы", Джордж Бернард Шоу "Человек и сверхчеловек".

Родились: Жорж Сименон (13 февраля), Арам Хачатурян (6 июня), Джордж Оруэлл (25 июня), Ивлин Во (28 октября).

Скончались: Поль Гоген (8 мая, 54), Камиль Писсарро (12 ноября, 73).

– Чарльз Урбан основывает в Лондоне компанию "Чарльз Урбан трейдинг компани".

– "Байограф" начинает продажу своих фильмов.

– Расширяется система проката фильмов. Среди первых прокатных фирм "Братья Майлз" (Сан-Франциско), "Персевал Уотерз Кинограф Ко." (Нью-Йорк), "Юджин Клайн энд Ко." (Чикаго) и др.

– "Байограф" окончательно переходит с 70-мм на 35-мм пленку.

КИНО

ФИЛЬМЫ

СОБЫТИЯ
МИРОВОЙ
ИСТОРИИ

КИНО

ФИЛЬМЫ

Франция

"Спящая красавица" (Пате)
"Дон-Кихот" (Пате)
"Осуждение Фауста" (Ж. Мельес)
"Волшебный фонарь" (Ж. Мельес)
"Меломан" (Ж. Мельес)
"Страсти" (Ф. Зекка, А. Нонге)
"Царство фей" (Ж. Мельес)

Великобритания

"Алиса в Стране чудес" (С. Хепуорт)
"Наглый грабеж среди бела дня" (Фрэнк Моттершоу)
"Сон Дороти" (Дж. А. Смит)

США

"Большое ограбление поезда" (Э. С. Портер)
"Жизнь американского пожарного" (Э. С. Портер)
"Хижина дяди Тома" (Э. С. Портер)
"Пионеры" (Уоллес Мак-Кэтчен)

Родились: Златан Дудов (30 января), Юлий Райзман (15 февраля), Мадлен Рено (21 февраля), Григорий Александров (23 февраля), Фернандель (8 мая), Шарль Спаак (25 мая), Боб Хоуп (29 мая), Альф Шёберг (21 июня), Николай Черкасов (27 июля), Клод Отан-Лара (5 августа), Ясудзиро Одзу (15 декабря), Пьер Брассёр (22 декабря), Михаил Калатозов (23 декабря).

1904

СОБЫТИЯ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

10 февраля. Нападение японского военного флота на Порт-Артур. Начало Русско-японской войны.

8 апреля. Заключение англо-французского договора "Антанат кордиаль" ("Сердечное согласие").

– Эрнест Резерфорд и Фредерик Содди формулируют теорию радиоактивности.

– Джакомо Пуччини "Мадам Баттерфляй".

– А. П. Чехов "Вишневый сад", Джеймс Мэтью Барри "Питер Пэн", Джозеф Конрад "Ностром".

Родились: Джордж Баланчин (9 января), Глен Миллер (1 марта), Кристофер Айшервуд (17 сентября).

Скончались: Антонин Дворжак (1 мая, 62), Антон Павлович Чехов (5 июля, 44).

КИНО

Апрель. Джордж Хейл, бывший капитан пожарной команды из Канзас-Сити, демонстрирует на Всемирной выставке в Сент-Луисе свой аттракцион "Тур Хейла" (зрителей сажали в вагон, вагон трясли, а на экране возникало изображение знаменитых пейзажей Европы и Америки). Аттракцион имел огромный успех, который, однако, оказался непродолжительным.

ФИЛЬМЫ

Франция

"Христофор Колумб" (Пате)
"Индейцы и ковбои" (Пате)
"Путешествие через невозможное" (Ж. Мельес)

Великобритания

"Нападение на японский конвой" (Фрэнк Моттершоу)
"Нападение на русский аванпост" ("Гомон")
"Японцы против русских" (Р. У. Пол)

США

"Личное" (Байограф)

"Том, Том, сын трубача" (Байограф)

Родились: Кэри Грант (18 февраля), Жорж Садуль (4 февраля), Сальвадор Дали (11 марта), Джон Гилгуд (14 апреля), Жан Габен (17 мая), Грегг Толанд (29 мая), Джонни Вайсмюллер (2 июня), Петер Лорре (26 июня), Кристиан-Жак (4 сентября), Сергей Юткевич (15 сентября).

Скончались: Эдвард Мейбридж (8 мая), Этьен-Жюль Маре (15 мая).

1905

1 января. Официальное открытие Транссибирской железной дороги.

22 января. "Кровавое воскресенье" в Петербурге.

10 марта. Поражение русской армии под Мукденом.

7 июня. Норвегия провозглашает свою независимость от Швеции.

27 июня. Восстание на броненосце "Потемкин".

Июль. Первая теория относительности Альберта Эйнштейна.

3 июля. Расстрел антиправительственной демонстрации в Одессе. Всеобщая стачка в Санкт-Петербурге.

8 ноября. Еврейский погром в Одессе. Погибло 1000 евреев.

6 декабря. Руаль Амундсен открывает магнитный полюс Земли.

– Клод Дебюсси "Море", Рихард Штраус "Саломея", Франц Легар "Веселая вдова".

Родились: Кристиан Диор (21 января), Жан-Поль Сартр (21 июня).

Скончались: Жюль Верн (24 марта, 77), Сэр Генри Ирвинг (13 октября, 67).

Июль. Хэрри Дэвис строит в Питсбурге кинотеатр "Никельодеон", успех которого привел к повсеместному распространению никельодеонов.

16 декабря. Начинается издание журнала "Вэрайети".

– В Массачусетсе принимается закон о технике безопасности в кинотеатрах.

– Демонтаж студии Т. Эдисона "Черная Мария".

– Фирма "Гомон" строит студию в Бютт-Шомон.

Франция

"Мечта о Луне" (Ф. Зекка, Гастон Вель)

"Рождественский ангел" (Ж. Мельес)

"Десять жен на одного мужа" (Ф. Зекка)

"Революция в России" (Люсьен Нонге/Пате)

Италия

"Разграбление Рима" (Филотео Альбертини)

Великобритания

"Клептоманка" (Э.С.Портер/Эдисон)

"Дочь мельника" (П. Мак-Кэтчен)

Родились: Луиджи Дзампа (2 января), Роберт Донат (18 марта), Григорий Козинцев (22 марта), Жан Виго (26 апреля), Генри Фонда (16 мая), Лиллиан Хеллман (20 июня), Микию Нарузе (20 августа), Грета Гарбо (18 сентября), Илья Трауберг (20 ноября), Пэр Лоренц (11 декабря), Иосиф Хейфец (17 декабря).

"Жизнь Чарльза Писа" (Великобритания, 1905)

СОБЫТИЯ
МИРОВОЙ
ИСТОРИИ

КИНО

ФИЛЬМЫ

Грета Гарбо. Фотомонтаж (1931)

1906

СОБЫТИЯ
МИРОВОЙ
ИСТОРИИ

7 апреля. Извержение вулкана Везувий.

19 апреля. Землетрясение в Сан-Франциско.

3 октября. Принятие сигнала "SOS" в качестве международного сигнала бедствия.

14 декабря. В Германии принята на вооружение первая подводная лодка "У-1".

– Джон Голсуорси "Собственник".

– Жорж Руо "Перед зеркалом".

Родились: Сэмюэл Беккет (13 апреля), Дмитрий Шостакович (25 сентября).

Скончались: Генрик Ибсен (3 мая, 78), Поль Сезанн (22 октября, 67).

17 августа. В Париже основана кинокомпания "Эклипс".

13 декабря. В Париже основана кинокомпания "Компани де синематограф Теофиль Пате".

– Эжен Лост патентует систему фотографической записи звука на киноплёнку.

– Дж. А.Смит и Чарльз Урбан патентуют систему "кинематокolor" и делают первые цветные фильмы.

КИНО

ФИЛЬМЫ

Франция

"Пожарные" (Ж. Мельес)

"Жак-трубочист" (Ж. Мельес)

"Повешенный" (Луи Ганье, с Максом Линдером)

"Жизнь Христа" (Алис Ги, Викторьен Жассе)

Италия

"Рождественский базар" (Гастон Вель)

"Цыганка" (Г. Вель)

"Отелло" (Марио Казерини)

"Влюбленный Пьеро" (Марио Казерини)

Великобритания

"Поездка Дика Тёрпина в Нью-Йорк" (Льюлин Фицхамон/Хепуорт)

США

"Похитители автомобилей" (Вайтаграф)

"Дэниел Бун, или Эпоха пионеров в Америке" (Э.С.Портер)

"Сон лакомки" (Э.С.Портер)

"Тайна Долины Смерти" (Любин)

Родились: Роберто Росселлини (8 мая), Сергей Герасимов (21 мая), Билли Уайлдер (22 июня), Энтони Манн (30 июня), Жак Беккер (15 сентября), Вольфганг Штаудте (9 октября), Лукино Висконти (2 ноября), Отто Преминджер (5 декабря), Кэррол Рид (30 декабря).

M. MAX LINDER

1907

СОБЫТИЯ
МИРОВОЙ
ИСТОРИИ

8 сентября. Д-р Сунь Ятсен основывает республиканскую партию гоминьдан.

10 сентября. Новая Зеландия становится автономным доминионом.

– Выставка живописи кубистов в Париже.

– Пабло Пикассо "Авиньонские девушки", Анри Матисс "Свет, покой и нега".

КИНО

ФИЛЬМЫ

– Фредерик Делиус "Деревенские Ромео и Джульетта", Рихард Штраус "Электра".

– М. Горький "Мать", Джозеф Конрад "Секретный агент", Джордж Бернард Шоу "Майор Барбара".

Родились: Дафни дю Морье (13 мая), Альберто Моравиа (28 ноября).

Скончались: Жорис Карл Гюйсманс (12 мая, 59), Эдвард Григ (4 сентября, 64), Альфред Жарри (1 ноября, 33).

5 февраля. Дж.М.Андерсон и Джордж К. Спур основывают в Чикаго компанию "Эссеней".

1 ноября. Городской совет Чикаго запрещает "показ неприличных и безнравственных фильмов" – первый известный случай цензуры в кино.

Дания

"Охота на львов" (Вигго Ларсен)

"Дама с камелиями" (Вигго Ларсен)

Франция

"Первые шаги на льду" (Луи Ганье, с Максом Линдером)

"Гамлет" (Ж. Мельес)

"Туннель под Ла-Маншем" (Ж. Мельес)

Германия

"Разбойники"

Италия

"Приключения Пульчинеллы" (Гастон Вель)

"Гарибальди" (Чинес)

"Юдифь и Олоферн" (Чинес)

Россия

"Борис Годунов" (А. Дранков)

"Донские казаки" (А. Мэтр/Пате)

"Князь Серебряный" (А. Дранков)

Родились: Ласло Бенедек (4 марта), Миклош Роша (18 апреля), Фред Циннеманн (29 апреля), Лоуренс Оливье (22 мая), Джон Уэйн (26 мая), Робер Брессон (25 сентября), Ив Аллегре (17 октября), Ванда Якубовская (10 ноября), Анри-Жорж Клузо (20 ноября).

1908

СОБЫТИЯ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

22 мая. Братья Райт патентуют свой летательный аппарат.

3 июля. Начало Младотурецкого восстания в г.Монастырь (Македония).

5 октября. Австро-Венгрия, с одобрения России, аннексирует Боснию и Герцеговину. Болгария провозглашает свою независимость от Турции.

24 декабря. Открытие в Париже первого Авиасалона.

– Берлинская конвенция по авторскому праву.

– Эдвард Морган Форстер "Комната с видом", Кеннет Грэхем "Ветер в ивах", Анатоль Франс "Остров пингинов".

Родились: Симона де Бовуар (9 января), Йен Флеминг (28 мая), Уильям Сароян (31 августа), Оливье Мессиаан (10 декабря).

Скончался: Николай Римский-Корсаков (20 июня, 63).

КИНО

27 января. Д-р Х. Кэмпбелл использует кинофильмы для иллюстрации своих лекций по медицине в Лондоне.

9 сентября. В Нью-Джерси зарегистрирована корпорация "Моушн пикчер пей-тентс компани", объединившая крупнейшие американские кинокомпании для установления контроля над киноиндустрией путем скупки всех ключевых патентов. Известна также как "Пейтентс Трест", или "Трест".

- Число никельдеонов в США доходит до 8 тысяч.
- Строительство первой киностудии в Японии, в Токио.
- Фирма "Истман-Кодак" начинает выпуск ацетатной пленки.

Франция

"Убийство Герцога Гиза"
(Шарль Ле Баржи, Андре Кальметт/Фильм д'Ар)

"Золушка" (Альберто Капеллани/Пате)

"История цивилизации" (Ж. Мельес)

"Прометей" (Луи Фейад/Гомон)

"Рейд Париж-Нью-Йорк в автомобиле" (Ж. Мельес)

Начало серии о Нике Картере (Викторьен Жассе/Эклер)

Италия

"Граф Монте-Кристо" (Луиджи Маджи)

"Ромео и Джульетта" (Марио Казерини)

"Последние дни Помпеи"
(Луиджи Маджи)

Норвегия

"Опасная жизнь рыбака" (Норск кинематограф)

Польша

"Антон в первый раз в Варшаве" (с Антоном Фертнером)

Россия

"Стенька Разин" (Василий Гончаров/А. Дранков)

Великобритания

"Ромео и Джульетта" (Гомон)

США

"Приключения Долли" (Д. У. Гриффит/Байограф)

"Много лет спустя" (Д. У. Гриффит)

"Юлий Цезарь" (Вайтаграф)

Родились: Жан Деланнуа (12 января), Александр Зархи (18 февраля), Анна Маньяни (7 марта), Майкл Редгрейв (20 марта), Хельмут Койтнер (25 марта), Дэвид Лин (25 марта), Бетт Дэвис (5 апреля), Дон Амиче (31 мая), Бьярн Хеннинг-Йенсен (6 октября), Жак Тати (9 октября).

"Убийство Герцога Гиза"

1909

6 апреля. Роберт Пири достигает Северного полюса.

18 мая. Первое выступление в Париже балетной труппы Сергея Дягилева.

25 июля. Перелет Луи Блерио через Ла-Манш.

- Анри Матисс "Танец".

- Густав Малер "Симфония № 9", Франц Легар "Граф Люксембург".

ФИЛЬМЫ

СОБЫТИЯ
МИРОВОЙ
ИСТОРИИ

КИНО

– Морис Метерлинк "Синяя птица".

1 января. "Моушн пикчер пейтентс компани" (Патентный трест) начинает свою деятельность.

Февраль. В Париже состоялся Международный конгресс кинопроизводителей и кинопрокатчиков под председательством Жоржа Мельеса. Конгресс окончательно провозгласил отказ от прямой продажи фильмов кинотеатрам и переход к системе проката.

25 марта. Первое заседание Американского национального цензурного комитета.

8 сентября. Компания "Эссеней" переезжает из Чикаго в Калифорнию.

– Компания "Вайтаграф" выпускает первый многочастевый фильм.

ФИЛЬМЫ

Франция

"Последний реквием Моцарта" (Э. Арно/Гомон)

Италия

"Граф Уголино" (Джованни Пастроне)

"Кармен" (Джероламо Ло Савио/Фильм д'Арте Итальяна)

"Нерон" (Луиджи Маджи/Артуро Амброзио)

Россия

"Боярин Орша" (Петр Чардынин/А.Ханжонков)

"Мертвые души" (Петр Чардынин/А.Ханжонков)

"Бахчисарайский фонтан" (Яков Протазанов)

"Мазепа" (Василий Гончаров/А.Ханжонков)

США

"Ламермурская невеста" (Вайтаграф)

"Король Лир" (Вайтаграф)

"Одинокая вилла" (Д. У. Гриффит/Байограф)

"Пиппа проходит" (Д. У. Гриффит/Байограф)

Родились: Андре Кайатт (3 февраля), Джозеф Лоузи (14 января), Анри Алкан (10 февраля), Джозеф Л. Манкиевич (11 февраля), Леонид Луков (2 мая), Эррол Флинн (20 июня), Марсель Карне (18 августа), Элиа Казан (7 сентября), Гуннар Бьёрнstrand (13 ноября).

1910

10 марта. Отмена рабства в Китае.

27 марта. Извержение вулкана Этны.

22 июня. Дирижабль "Германия" графа фон Цеппелина становится первым летательным аппаратом, перевозящим пассажиров за плату.

– Александр Скрябин "Прометей", Джакомо Пуччини "Девушка с Запада".

– Зигмунд Фрейд "Психоанализ", Э.М.Форстер "Хауардс-Энд".

Родился: Жан Жене (19 декабря).

Скончался: Лев Николаевич Толстой (21 ноября, 82).

– Флоренс Лоренс – первая американская киноактриса, чье имя становится известно публике (до этого она именовалась "девушкой из "Байографа").

СОБЫТИЯ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

КИНО

Таким образом, было положено начало системе "звезд". В это же время первые кинозвезды появляются и в Европе: Аста Нильсен – в Дании, Хенни Портен – в Германии, Франческа Бертини – в Италии.

Дания

"Бездна" (Урбан Гад)

"Гамлет" (Август Блом)

Франция

"Две сиротки" (Альберто Капеллани)

Серия "Бебе" (Луи Фейад)

Россия

"Идиот" (Петр Чардынин)

"Княжна Тараканова" (Кай Хансен, Андре Мэтр)

"Пиковая дама" (Петр Чардынин)

США

"Дитя гетто" (Д. У. Гриффит)

ФИЛЬМЫ

"Рамона" (Д. У. Гриффит)

Родились: Луиза Райнер (12 января), Винсенте Минелли (28 февраля), Акира Куросава (23 марта), Жан Ануй (23 июня), Жан-Луи Барро (8 сентября).

1911

1 января. Панчо Вилья и Эмилиано Сапата свергли мексиканского диктатора Порфирио Диаса.

29 сентября. Начало войны между Турцией и Италией.

3 ноября. Марокко становится французским протекторатом.

5 ноября. В результате итало-турецкой войны Италия аннексирует Ливию, Триполитанию и Киренаику.

14 декабря. Руаль Амундсен сообщает, что достиг Южного полюса.

– В Мюнхене образована группа художников "Голубой всадник" во главе с Василием Кандинским и Францем Марком.

– Рихард Штраус "Кавалер Роз", Морис Равель "Дафнис и Хлоя", Игорь Стравинский "Петрушка".

Родился: Теннесси Уильямс (26 марта).

Скончался: Густав Малер (18 мая, 51).

КИНО

Апрель. В США поступают в продажу открытки с портретами кинозвезд.

– В Калифорнии появляются студии "Вайтаграф", "Селиг", "Пате", "Бизон", "Байограф", "Калем", "Эссеней".

– В Париже открывается "Гомон-Палас", самый большой кинотеатр в мире.

ФИЛЬМЫ

Дания

"Четыре дьявола" (Роберт Динесен, Альфред Линд)

"Балерина" (Август Блюм)

Франция

"Дама с камелиями" (Андре Кальметт)

"Галлюцинации барона Мюнхгаузена" (Ж. Мельес)

"Отверженные" (Альберто Капеллани)

Серия "Зигомар" (Викторьен Жассе)

Греция

"Камо грядеши, Спиридон?" (Спирос Димитракопулос)

Италия

"Освобожденный Иерусалим" (Энрико Гаццони)

Румыния

"Роковая любовь" (Григор Брезеану)

Великобритания

"Генрих VII" (Уилл Баркер)

"Ричард III" (Фрэнк Бенсон)

США

"Битва" (Д. У. Гриффит)

"Энох Арден" (Д. У. Гриффит)

Венесуэла

"Дама из Кайены" (Э. Циммерман)

Родились: Джон Стёрджес (3 января), Мерль Оберон (19 февраля), Джин Харлоу (3 марта), Джинджер Роджерс (16 июля), Никлас Рей (7 августа), Сэмьюэл Фуллер (12 августа), Нино Рота (11 декабря), Жюль Дассен (18 декабря).

1912

СОБЫТИЯ
МИРОВОЙ
ИСТОРИИ

17 января. Капитан Скотт достигает Южного полюса через месяц после Амундсена.

12 февраля. Провозглашение Китайской Республики.

15 апреля. Гибель "Титаника".

11 октября. Турция вторгается в Сербию.

19 октября. Войска союзников входят в Турцию.

4 декабря. Перемирие между Турцией и союзниками, кроме Греции.

– Бенито Муссолини становится редактором социалистической газеты "Аванти".

– Изобретен целлофан.

– Казимир Функ вводит в обиход слово "витамин".

– Арнольд Шёнберг "Лунный Пьеро", Рихард Штраус "Ариадна на Наксосе".

Родились: Лоренс Даррелл (27 февраля), Эжен Ионеско (26 ноября).

Скончались: Роберт Фолкон Скотт (март, 41), Август Стриндберг (14 мая, 63), Жюль Массне (13 августа, 70).

Февраль. Открытие первой венгерской киностудии "Гунния".

Апрель. Зарегистрирована компания "Уорнер фичерз".

Июль. Консорциум небольших кинофирм "Сейлз компани" преобразован в корпорацию "Юниверсал филм мэнюфэкчеринг компани".

23 сентября. Первые фильмы вновь образованной студии "Кистоун" Мак Сеннетта.

– В Японии основана первая кинокомпания "Никкацу".

– Создание американской кинокомпания "Мьючуел филм компани".

– Герберт Т. Калмус основывает компанию "Техниколор", юридически оформленную в 1915 году.

КИНО

Чехословакия

"Фауст" (Антонин Пех)

Франция

"Золушка" (Ж. Мельес)

"Дитя Парижа" (Монс Перре)

"Королева Елизавета" (Луи Меркантон, с Сарой Бернар в главной роли)

Германия

"Чудо" (Макс Райнхардт)

"Пражский студент" (Пауль Вегенер, Хенрик Гален)

"Пляска смерти" (Урбан Гад)

Япония

"История жизни Тасуке Шиобара"

Норвегия

"Анни – история проститутки" (Адам Эриксен)

Россия

"Месть кинематографического оператора" (Владислав Старевич)

"Веселые сценки из жизни животных" (Владислав Старевич)

Великобритания

"Оливер Твист" (Томас Бентли)

США

"Нью-йоркская шляпка" (Д. У. Гриффит)

"Пленник Зенды" (Эдвин С. Портер)

Родились: Тадаси Имаи (8 января), Иржи Трнка (24 февраля), Ян Рыбковски

(14 марта), Жан Вилар (25 марта), Жорж Франжю (12 апреля), Кането Синдо

(28 апреля), Джин Келли (23 августа), Александр Маккендрик (8 сентября), Ми-

келанджело Антониони (29 сентября), Кэйскэ Киносита (5 декабря).

ФИЛЬМЫ

Дэйвид Уорк Гриффит

1913

СОБЫТИЯ
МИРОВОЙ
ИСТОРИИ

3 февраля. Возобновление войны на Балканах.

10 февраля. В Англии получено сообщение о гибели капитана Скотта и его товарищей.

30 мая. В Лондоне подписан Балканский мирный договор.

1 июля. Начало военных действий между Грецией и Болгарией.

11 июля. Румыния объявляет войну Болгарии.

6 августа. Заключение мира на Балканах.

28 августа. В Гааге открывается Дворец Мира.

14 ноября. Рабиндранат Тагор получает Нобелевскую премию.

– Александр Скрябин "Прометей", Игорь Стравинский "Весна священная".
– Зигмунд Фрейд "Тотем и табу", Д. Г. Лоренс "Сыновья и любовники",
Томас Манн "Смерть в Венеции", Марсель Пруст "По направлению к Свану".

Родились: Альбер Камю (7 ноября), Бенджамин Бриттен (22 ноября).

25 сентября. Чарльз Чаплин подписывает свой первый контракт с компанией "Кистоун".

КИНО

Чехословакия

"Проданная невеста" (Макс Урбан)

Франция

"Фантомас" (Луи Фейад)

Италия

"Антоний и Клеопатра" (Энрико Гаццони)

"Камо грядеши?" (Энрико Гаццони)

"Последние дни Помпеи" (Элеутерио Родольфи)

Швеция

"Ингеборг Хольм" (Виктор Шёстрём)

"Голос крови" (Виктор Шёстрём)

"Вампир" (Мориц Стиллер)

Великобритания

"Дэвид Копперфилд" (Томас Бентли)

"Гамлет" (Хей Плам)

"Айвенго" (Лидам Бэнтон)

США

"Война полов" (Д. У. Гриффит)

"Айвенго" (Герберт Бренон)

Россия

"Стрекоза и муравей" (Владислав Старевич)

"Сумерки женской души" (Евгений Бауэр)

"Трехсотлетие дома Романовых" (Николай Ларин, Александр Уральский)

Родились: Рене Клеман (18 марта), Иржи Вейсс (29 марта), Тайрон Пауэр (5 мая), Стенли Крэймер (Краммер) (28 сентября), Берт Ланкастер (2 ноября), Вивьен Ли (5 ноября), Жан Маре (11 декабря).

"Фантомас"

ФИЛЬМЫ

1914

СОБЫТИЯ
МИРОВОЙ
ИСТОРИИ

28 июля. Убийство в Сараево Гаврилой Принципом наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги.

28 июля. Австро-Венгрия объявляет войну Сербии.

КИНО

ФИЛЬМЫ

3 августа. Германия объявляет войну Франции.
15 августа. Открытие для судоходства Панамского канала.
17 августа. Высадка во Франции британского экспедиционного корпуса.
23 августа. Япония объявляет войну Германии.
6-10 сентября. Поражение германской армии на Марне.
4 ноября. Турция объявляет войну России, Великобритании, Франции и Сербии.
5 ноября. Великобритания аннексирует Кипр и объявляет войну Турции.
– Джеймс Джойс "Дублинцы", Андре Жид "Подземелья Ватикана".

2 февраля. Выход первого фильма Ч. Чаплина "Зарабатывая на жизнь". Знаменитый костюм бродяги появился в его втором фильме "Детские автомобильные гонки в Венайсе", выпущенном 7 февраля.

8 мая. Уильям Ходкинсон основывает прокатную компанию "Парамаунт пикчерз".

Ноябрь. Чарльз Чаплин подписывает контракт со студией "Эссеней".

Дания

"Видения курильщика опиума" (Хольгер Мадсен)

Франция

"Девяносто третий год" (Альберто Капеллани)

"Фантомас против Фантомаса", "Подставной судья" (Луи Фейад)

Германия

"Голем" (Пауль Вегенер, Хенрик Гален)

"Венецианская ночь" (Макс Рейнхардт)

Италия

"Кабирия" (Джованни Пастроне)

Россия

"Анна Каренина" (Владимир Гардин)

"Крейцеров соната" (Владимир Гардин)

"Жизнь в смерти" (Евгений Бауэр)

"Немые свидетели" (Евгений Бауэр)

Швеция

"Дети улицы" (Виктор Шёстрём)

США

"Тесто и динамит" (Ч. Чаплин)

"Совесь-мститель" (Д. У. Гриффит)

"Прерванный роман Тилли" (Мак Сеннетт)

"Опасные похождения Полины" (Луи Ганье)

"Девушка с золотого Запада" (Сесиль Б. Де Милль)

Родились: Витторио Коттафави (30 января), Алек Гиннесс (2 апреля), СузоЧекки д'Амико (21 июля), Луи де Фюнес (31 июля), Пьетро Джерми (14 сентября), Маргерит Дюрас (4 апреля).

"Кабирия"

1915

СОБЫТИЯ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

19 января. Первые налеты "цепелинов" на Великобританию.

Апрель-июно. Массовое убийство турками около 1 миллиона армян.

25 ноября. Возрождение Ку-Клукс-Клана в Атланте. 4 декабря он официально признан в Джорджии.

20 декабря. Эвакуация британских, австралийских и новозеландских войск из Галлиполи.

- Альберт Эйнштейн формулирует общую теорию относительности.
- Д. Г. Лоренс "Радуга", Уильям С. Моэм "Бремя страстей человеческих".
- Родились:** Святослав Рихтер (20 марта), Сол Беллоу (10 июня), Эдит Пиаф (19 декабря).
- Скончался:** Александр Скрябин (27 апреля, 43).

1 февраля. Зарегистрирована компания "Фокс филм корпорейшн".

Октябрь. Постановление Верховного суда о роспуске "Патентного треста" Эдисона.

– Начало применения цветного процесса "Агфа-колор" (трехцветная мозаичная система).

Франция

"Вампиры" (Луи Фейад)

"Безумие доктора Тюба" (Абель Ганс)

Германия

"Унтер-офицер" (Альфред Хальм)

"Бедная Мария" (Эрнст Любич)

Италия

"Ассунта Спина" (Густаво Серена)

Россия

"Дети века" (Евгений Бауэр)

"Портрет Дориана Грея" (Всеволод Мейерхольд)

"Война и мир" (Владимир Гардин)

Великобритания

"Бутылка" (Сесил Хепурт)

"Джейн Шор" (Уил Баркер)

США

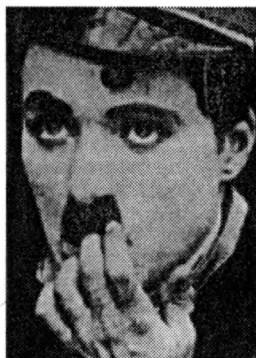
"Банк" (Ч. Чаплин)

"Рождение нации" (Д. У. Гриффит)

"Кармен" (Сесиль Б. Де Милль)

"Чемпион" (Ч. Чаплин)

Родились: Энтони Куинн (21 апреля), Орсон Уэллс (6 мая), Марио Моничелли (15 мая), Юл Бриннер (12 июля), Ингрид Бергман (29 августа), Артур Миллер (17 октября), Кон Итикава (20 ноября), Фрэнк Синатра (12 декабря).

"Банк"

1916

3 июля. Начало совместной операции британских и французских войск на Сомме.

6 июля. Русско-японский мирный договор.

30 декабря. Убийство Григория Распутина.

– Анри Матисс "Три сестры".

– Джеймс Джойс "Портрет художника в юности", Бласко Ибаньес "Четыре всадника Апокалипсиса", Леонид Андреев "Тот, кто получает пощечины".

Родился Иегуди Менухин (22 апреля).

Скончались: Генри Джеймс (28 февраля, 72), Генрик Сенкевич (15 ноября, 70), Джек Лондон (22 ноября, 40).

24 января. Основано Американское общество киноинженеров.

– В Италии вышел "Манифест футуристического кино".

КИНО

ФИЛЬМЫ

СОБЫТИЯ
МИРОВОЙ
ИСТОРИИ

КИНО

ФИЛЬМЫ

Дания

"Вечный мир" (Хольгер Мадсен)

"За Родину" (Август Блом)

Франция

"Богема" (Альберто Капеллани)

"Корсиканские братья" (Андре Антуан)

"Жюдекс" (Луи Фейад)

"Блеф" (Жак Фейдер)

Россия

"На бойком месте" (Чеслав Сабинский)

"Умирающий лебедь" (Евгений Бауэр)

"Пиковая дама" (Яков Протазанов)

Швеция

"Любовь и журналистика" (Мориц Стиллер)

Великобритания

"Битва на Сомме" (Джеффри Молинз)

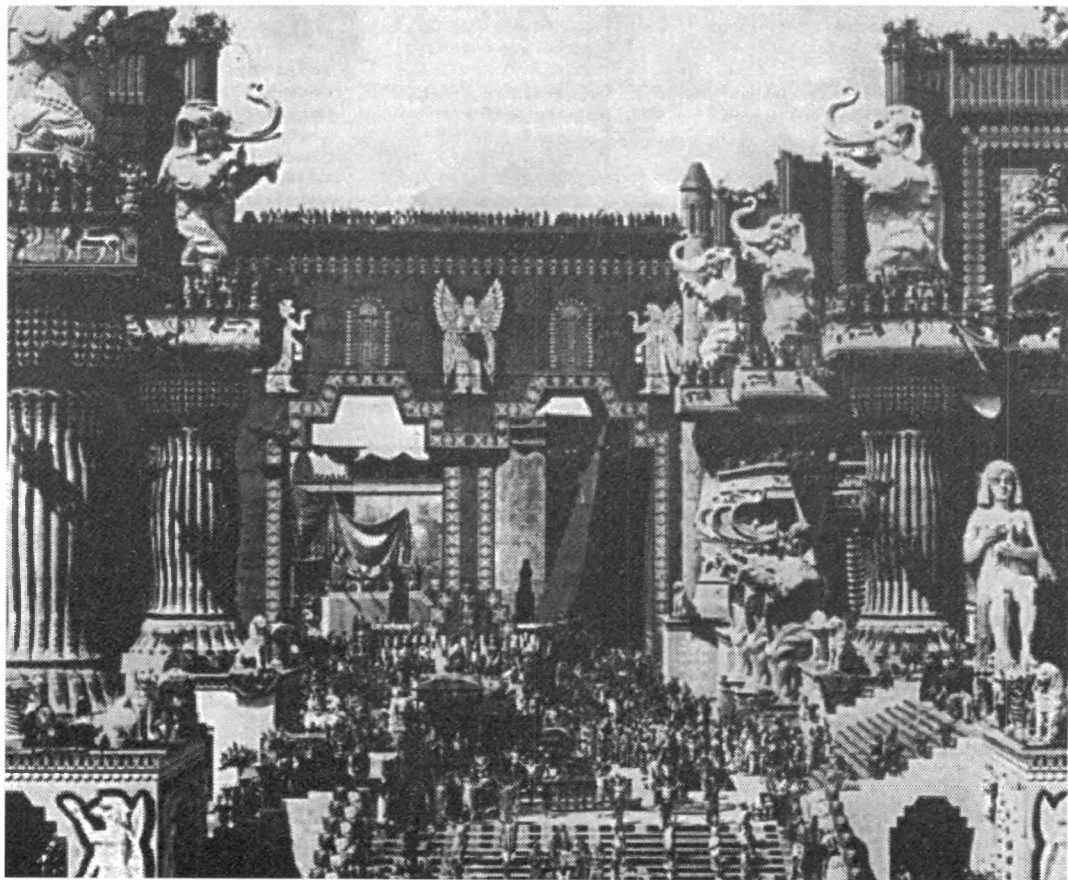
США

"Пожарный", "Бродяга" и др. (Ч. Чаплин)

"Цивилизация" (Томас Инс, Реджинальд Баркер, Реймонд Б. Уэст)

"Нетерпимость" (Д. У. Гриффит)

Родились: Бернар Блие (11 января), Масаки Кобаяси (14 февраля), Берт Хаанстра (31 мая), Луиджи Коменчини (8 июня), Оливия де Хэвиленд (1 июля), Питер Финч (28 сентября), Ричард Флейшер (8 декабря), Кирк Дуглас (9 декабря).

"Нетерпимость"

Сначала кинофильмы демонстрировались в театрах варьете и "пенни-аркадах". ("Пенни-аркады" – увеселительные заведения, объединявшие кинетоскоп, фонограф и другие автоматы, существовавшие в Америке и Европе.

Созданы в 1895 году агентом "Эдисона" в Буффало Митчеллом Марком.) Свой первый постоянный дом они об-

рели после 1905 года, когда предприимчивый импресарио из Питтсбурга переоборудовал магазин под кинотеатр и назвал его "Никельдеон". Эта идея стала распространяться со скоростью лесного пожара: к 1914 году в Америке насчитывалось 14 тысяч кинотеатров различной вместимости, продававших более 30 миллионов билетов в неделю. К этому времени появились многочастевые фильмы, а публика стала разборчивее и требовательнее, что повлекло за собой возникновение комфортабельных, специально построенных дворцов-кинотеатров, где фильмы демонстрировались под аккомпанемент симфонического оркестра. Высшим достижением в этой области стал великолепный "Гомон-Палас", рассчитанный на 5 тысяч зрителей, который открылся в Париже в 1911 году.

ОТ "ПЕННИ-АРКАДОВ" К ДВОРЦАМ КИНО

1917

СОБЫТИЯ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

9 марта. Голодные бунты в Петрограде перерастают в Февральскую революцию.

15 марта. Отречение царя Николая II от престола.

6 апреля. США объявляет войну Германии, Австро-Венгрия объявляет войну США.

11 июля. Провозглашение независимости Финляндии.

7 ноября. В России большевики свержают Временное правительство (Октябрьская революция).

– Сергей Прокофьев "Классическая симфония", Игорь Стравинский "Солдатская сказка", Эрик Сати, Жан Кокто, Пабло Пикассо "Парад".

– Карл Густав Юнг "Бессознательное".

Родились: Джон Ф. Кеннеди (29 мая), Индира Ганди (19 ноября).

Скончались: Эдгар Дега (28 сентября, 83), Огюст Роден (17 ноября, 77).

КИНО

25 апреля. Основание компании "Фёрст нэшнл эгзибиторз сёркьют" (Ферст нэшнл), которая сначала занималась только прокатом, но вскоре перешла к производству фильмов.

17 июля. Ч. Чаплин подписывает "миллионный" контракт с "Ферст нэшнл".

– Шандор Корда и Мориц Пачтори строят в Будапеште студию "Корвин".

– Путем слияния нескольких крупных немецких кинокомпаний образуется студия "УФА" ("Универсум фильм актиен гезельшафт").

– Общество киноинженеров утверждает стандартную скорость проекции – 16 кадров в секунду (с появлением звукового кино скорость увеличилась до 24 кадров в секунду).

ФИЛЬМЫ

Болгария

"Любовь – это безумие" (Васил Гендов)

"Сыновья балкан" (Васил Гендов)

Дания

"Клоун" (А. В. Сандберг)

Франция

"Матерь скорбящая" (Абель Ганс)

"Виновный" (Андре Антуан)

Венгрия

"Гаррисон и Баррисон" (Шандор (Александр) Корда)

"Зонтик Св. Перта" (Шандор Корда)

"Мальчишки с улицы Пал" (Бела Балог)

Италия

"Пепел" (Фебо Мари, Артуро Амброзио-мл.)

"Сатанинская рапсодия" (Нино Оксалио)

Япония

"Живой труп" (Икеру Шикабане)

Россия

"Сатана ликующий" (Яков Протазанов)

"Революционер" (Евгений Бауэр)

Швеция

"Терье Виген" (Виктор Шёстрём)

"Лучшие фильмы Томаса Гроля" (Мориц Стиллер)

Великобритания

"Маски и лица" (Фред Пол)

США

"Клеопатра" (Дж. Гордон Эдвардс)

"Лечение", "Иммигрант", "Тихая улица" (Ч. Чаплин)
"Ребекка с фермы Саннибрук" (М. Нейлан)

Родились: Эрнест Боргнин (24 января), Раф Валлоне (17 февраля), Даниэль Дарьё (1 мая), Жан Руш (31 мая), Роберт Митчем (6 августа), Жан-Пьер Мельвиль (20 октября), Джоан Фонтейн (22 октября), Дино ризи (23 декабря).

Скончался: Эмиль Бауэр (9 июня).

1918

5 марта. Провозглашение Москвы столицей России.

16 июля. Расстрел царской семьи.

15 октября. Провозглашение Чешской Республики. (Первый президент – Томаш Масарик.)

17 октября. Провозглашение независимости Венгрии.

3 ноября. Заключение перемирия между Австрией и Союзными державами.

9 ноября. Отречение от престола кайзера Вильгельма II.

– Освальд Шпенглер "Закат Европы".

– Бела Барток "Замок герцога Синяя Борода".

Родились: Элла Фитцджеральд (25 апреля), Леонард Бернстайн (25 августа), Александр Солженицын (11 ноября).

Скончались: Густав Климт (6 февраля, 55), Клод Дебюсси (25 марта, 55), Гийом Аполлинер (11 ноября, 38).

Январь. Чарльз Чаплин переезжает в собственную студию в Голливуде, где работает до 1925 года.

25 августа. Американский Совет по военной промышленности признает кино одной из основных отраслей и освободит ее служащих от призыва в армию.

Франция

"Я обвиняю" (Абель Ганс)

"Труженики моря" (Андре Антуан)

"Новая миссия Жюдекса" (сериал, Луи Фейад)

Германия

"Кармен" (Эрнс Любич)

"Пауки" (Фриц Ланг)

Швеция

"Горный Эйвинд и его жена" (Виктор Шестрём)

Великобритания

"Домби и сын" (Дж. Пирсон)

США

"Слепые мужа" (Эрик фон Штрогейм)

"Не надо менять мужа" (Сесиль Б. де Милль)

"На плечо!" (Ч. Чаплин)

СССР

"Отец Сергей" (Яков Протазанов)

"Барышня и хулиган" (Владимир Маяковский)

"Проект инженера Прайта" (Лев Кулешов)

Родились: Андре Базен (8 апреля), Ингмар Бергман (14 июля), Роберт Олдрич (9 августа), Рита Хейворт (17 октября).

СОБЫТИЯ
МИРОВОЙ
ИСТОРИИ

КИНО

ФИЛЬМЫ

Продолжение в следующем номере

A black and white photograph of Marlene Dietrich. She is shown from the chest up, in profile, looking towards the left. Her hair is styled in a voluminous, wavy manner and is adorned with a large, elaborate headpiece made of numerous light-colored flowers. The background is dark and out of focus. The text 'Марлен Дитрих' is printed in the upper right corner, and 'Азбука моей жизни' is printed in the lower left corner.

Марлен Дитрих

Азбука моей жизни

М

МЕСТЬ (Rache). Закономерная реакция побежденного народа. Победитель, который не понимает этого, – просто тупица.

МЕЧТА (Traum). Рихард Штраус, Рихард Трауберг, красота, любовь, мир – и все это безо всякой меры!

МОДА (Mode). Не следуй за ней слепо, как в темном переулке. Помни, что ты не манекен, для которого создается мода.

МОЛОДНЯК (Nachwuchs). Что бы ты ни делал для своих детей, в определенном возрасте они упрекнут тебя за это. Любое твоё решение подвергнется осуждению. Никогда не спорь и не пытайся очиститься от возложенных на тебя грехов. Это пройдет как корь. Единственное, на чем нужно настаивать, – чтобы они учили иностранные языки. Это они тебе простят.

МОЛОКО (Milch). Сомневаюсь, что оно так уж нужно взрослым. Я росла в эпоху, когда молока не было. Мои зубы – хороши, и врачи довольны состоянием моих костей.

МОНТАЖЕР (Cutter). Всегда находится рядом с киноплёнками. Для него нет ничего невозможного. В его власти не только изменить действие, но ускорить или замедлить темп, повлиять на общее воздействие ленты. Монтируя звук, он может, если нужно, с точностью хирурга вырезать ненужный вздох, не пуская при этом крови.

МУДРОСТЬ (Weisheit). У кого больше мудрости, у того больше печали. Кто много учится, тот больше страдает.

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА (Mannerkleidung). Костюмы – черные, серые, синие. Рубашки – голубые, белые, кремовые. Галстуки – черные, темно-синие. Обувь – черная. Только англичане могут позволить себе носить коричневые костюмы и коричневые ботинки на толстой подошве и выглядеть при этом элегантно. Никто другой не должен даже пытаться подражать им.

МУЖЧИНА (Man). Он хочет быть принцем, скакать на лошади и защищать всех женщин. Образ, который создает мужчина, думая об идеальной женщине, похож на образ, который создают женщины, думая об идеальном мужчине.

МЫТЬЕ ПОСУДЫ (Yeschirrspulen). Женщина стоит у мойки вся в брызгах воды и клубах пара. Но проходит минута после утомительной процедуры, и она возрождается как Феникс из пепла. А вот мужчинам этого не дано. Нет более печального зрелища, чем мужчина в фартуке перед кухонной мойкой. Женщины не должны требовать от мужчины, чтобы он мыл посуду. Ведь когда она влюбилась в него, он не стоял возле мойки, даже если его профессия – жестянщик.

МЯСО (Fleisch). Никогда не готовьте только что вынутое из холодильника мясо. Блюдо получится сухим и безвкусным, если замороженное мясо сразу поставить на огонь. Его нужно выдержать по меньшей мере час при комнатной температуре. Ваша неудача обнаружится тотчас, как только вы поместите мясо в гриль или духовку. Сок вытечет наружу, и мясо станет жестким, как подошва.

Н

НАГОТА (Nacktheit). Легка для красивых людей, тяжела для уродливых.

НАКАЗАНИЕ (Strafe). Только тот, кто любит детей, может подвергать их наказанию.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ (Nationalitat). Совсем не легко поменять национальность, особенно если твоя родная страна исповедует взгляды, которые отвергаются цивилизованным обществом, и ценности, которым ты поклонялся в детстве, начинают подаваться в искаженном виде. Это вселяет в душу чувство страха и неуверенности, побуждая искать защиты за пределами родины.

НЕБО И ЗЕМЛЯ (Himmel und Erde). Любимые блюда сельских жителей – яблоки (небо) и картофель (земля). Нарезанные яблоки варятся с сахаром или медом. Картошка варится в кожуре. Оба блюда ставятся на стол, и каждый по желанию может отведать плоды неба и земли.

НЕБРЕЖНОСТЬ (Nachlassigkeit). Непростительна, особенно по отношению к людям.

НЕВРОТИК (Neurotik). Чем больше я занята, тем меньше времени для неврозов.

НЕГЛИЖЕ (Neglige). Предмет туалета, покупаемый перед замужеством с особой надеждой, но продолжающий без дела болтаться в шкафу, в то время как год за годом тело втискивается в унылое домашнее платье.

НЕЖНОСТЬ (Zartlichkeit). Гораздо большее проявление любви, чем страстные объятия.

НЕЗАВИСИМОСТЬ (Unabhangigkut). Финансовая независимость чудесна, она позволяет сохранять приверженность собственным принципам и мнениям, не углубляясь в поиски, к которым толкает нужда.

НЕНАВИСТЬ (Hass). Не верю, что можно ненавидеть того, кто мне лично навредил. Для ненависти необходимы более весомые основания, чем моя персона.

НЕОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ (Unterlassungssunden). Самый черный из всех грехов.

НЕРЕШИТЕЛЬНОСТЬ (Unentschlossenheit). Чем прекраснее сердце и душа женщины, тем больше сомнений испытывает мужчина. Куда больше привлекает его внешность, хотя и она не может удержать навсегда.

НЕУБРАННАЯ ПОСТЕЛЬ (Ungemachtes Bett). Мужчина охотнее видит дома неубранную постель и счастливую жену, чем образцово заправленную постель и недовольную жену. Мой совет: заправляй постель и будь счастливой!

НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ (Unbefriedigtsein). Возникает, когда хотят достичь лежащее за пределами собственных возможностей. Поэтому жалобы на эту модную болезнь лишены всякой логики.

НЕУНЫВАЮЩИЙ (Zeichtbeschwint). Приятная манера вести дела.

НИКА САМОФРАКИЙСКАЯ (Nike von Samothrake). В Лувре античные скульптуры стоят

одна подле другой. Многочисленные Венеры, Афродиты и Дианы застыли в каменном безмолвии. Не ограничивайтесь их созерцанием. Достаточно отвести глаза от их округлых плеч и посмотреть вверх, чтобы увидеть чудо – Нику Самофракийскую. Ветер прижал к ее телу плащ. В ней одной больше жизни и красоты, чем во всех античных дамах, стоящих внизу. Секрет прост. Нужно что-то делать, а не быть просто красивой. Другие античные героини просто стоят, а Ника стремится вперед, олицетворяя победу.

НОЖ (Messer). Самый большой друг повара. Всегда должен быть острым!

НОРКА (Nerz). Символ успеха для потратившего деньги на мех и для женщины, которая его носит. Меховое пальто из норки дает покупателю показать свою щедрость, а носящему чувство люкса, гарантии и тепла. Символы необходимы! Если мужчина в состоянии купить норку, он должен это сделать без лишних разговоров, а если у него нет такой возможности, женщине следует смириться. Не нужно устраивать дискуссии на эту тему.

НОРМА (Norm). Каждый имеет собственное представление о том, что есть норма. Следует исходить из того, что говорят об этом психиатры. Мы нуждаемся в определенных нормах, чтобы другие воспринимали нас без недоумения.

НОЧНОЙ РЕСТОРАН (Nachtlokal). Я люблю ночные рестораны, открытые русскими в Париже. Песни о васильках, исполняемые в сопровождении сладкозвучных скрипок, неизменно доводили меня до слез. Современные ночные заведения меня совершенно не интересуют.

ОАЗИС (Ouse). Книжная лавка на углу 5 Авеню и 52-й улицы, которая остается открытой всю ночь.

ОБУВЬ (Schue). Важнейшая часть туалета, даже более важная, чем одежда. Хорошая обувь придает внешности элегантность. Лучше купить одну пару хороших дорогих туфель вместо трех пар дешевых, но плохих.

Большинство женщин буквально помешаны на обуви разных форм и фасонов. Постоянно меняется форма носка. В одном сезоне модны округленные, в другом острые или квадратные. То же самое происходит и с каблуками. То они широкие и увесистые, то наоборот маленькие и острые.

А теперь несколько слов о том, что и как носить. Никогда не одевайте высокие острые каблуки с костюмом для улицы. Не носите обувь с открытым носком после обеда, если хотите казаться элегантной. Ее можно использовать в ансамбле с летним платьем, когда светит солнце. Не одевайте открытые туфли белого, черного, коричневого или голубого цветов, но предпочитайте тона, которые не контрастируют с чулками.

Лучше отказаться от белой обуви. Она делает ногу больше и тяжелее. Лаковая обувь часто вселяет чувство беззаботности, но она вовсе не элегантна. То же самое можно сказать о красных туфлях, которые подходят только к летнему платью.

У кого есть лишние деньги, может купить вечерние туфли белого или бежевого цвета. Их можно надеть к любому платью, в том числе и черному, подобрав соответствующий тон чулок.

Если вы купили обувь из пластика, то нужно подобрать соответствующую сумку, украшения и прочие аксессуары.

ОБЪЕКТИВНОСТЬ (Objektivitat). Вопреки устоявшимся представлениям, можно рассматривать вполне объективно собственные решения и поступки.

ОВЕН (Widder). Учтите, что женщины, родившиеся под этим знаком, любят переставлять мебель. Не забывайте об этом, если вы собираетесь жениться.

ОДЕВАНИЕ (Ahkleiden). Должно происходить очень быстро, чтобы не заставлять других ждать. Вечер испорчен для того, кто решил повести женщину своей мечты в ресторан, но должен ждать ее целый час. Пустой желудок не позволяет глазам наслаждаться красотой. Появляется плохое настроение, и даже самая красивая женщина перестает быть красивой.

ОДЕЖДА (Rleidung). Основное правило: никогда не бегите за последней модой, чтобы не выглядеть смешной в глазах окружающих. Не покупайте зеленые, красные и прочие яркие одежды. Гардероб должен состоять из вещей, которые всегда в ходу. Отдавайте предпочтение черным, голубым и серым костюмам. Не покупайте того, что вам не идет. Не доверяйте тем продавцам, которые говорят, что выгоднее купить пять платьев, чем одно за одну и ту же цену. Не покупайте дешевых материалов, даже если платье кажется привлекательным. Не говорите себе: я не могу позволить себе одежду из дорого материала. Лучше подкупите и купите хороший костюм. Если есть костюм серого цвета, вам нужно приобрести два темных платья, одну черную шерстяную юбку, черный и серый пуловеры, чтобы весь год чувствовать себя прилично одетой.

Летом старайтесь носить простые платья, легко стирающиеся. Еще один совет: не злоупотребляйте химчисткой. Пятно замойте водой с мылом, а потом прогладьте. Костюм будет дольше носиться. Если вы копите деньги на хорошее темное платье, то до его приобретения можете обойтись черной юбкой и черным пуловером. Ваш ансамбль очень украсят бусы.

ОДИНОЧЕСТВО (Allein sein). Признаюсь, лично я люблю иногда оставаться одна. Так легче выполнять домашние обязанности, осуществлять заботу о детях и муже. Но когда все закончено, женщина не хочет оставаться в одиночестве (если, конечно, она нормальная).

ОМЛЕТ (Schaumomelett). Если вдруг возникла потребность в десерте, приготовить его совсем не сложно. Исходите из нормы – 2 желтка и 3 ложки сахарного песка на человека. Все хорошо перемешать. Белки поставить на лед. Масло растопить в сковороде, пока оно не станет золотистым. Желтковую массу вылить в сковороду и поставить на огонь. Подождать 2 минуты. Если омлет поднялся до краев сковороды, с помощью ножа вернуть назад. Если он слишком зарумянился – убавьте огонь. Выложите на тарелку нижней стороной. Приготовьте вторую часть омлета и положите на первую как сэндвич. Есть нужно теплым. Лучше начинать готовить, когда гости закончили с главными блюдами и вышли покурить.

ОНАССИС, Аристотеллес (Onassis, Aristoteles). Один из немногих богатых людей, кто не показался мне скучным.

ОПТИМИЗМ (Optimismus). Хорошо бы иметь его всем. Для слез еще будет время.

ОРДЕН (Orden). Великая честь и радость. Кто заслужил этот знак отличия, должен воспринимать его с гордостью и благодарностью. Люди, утверждающие, что им это безразлично, говорят неправду.

ОРФОГРАФИЯ (Orthographie). Многие американцы, даже из числа тех, кто закончил

университеты, не умеют правильно писать. В Европе такой ученик не может быть принят в высшую школу, а кроме того, он бы стал черной овцой своей семьи.

ОСВЕТИТЕЛИ (Beleuchtern). Эти люди, населяющие съемочные павильоны всего мира, отлиты из материала, формы которых, к счастью, еще не разрушены. Они – становой хребет любой студии, большие индивидуалисты и профессионалы, без которых нельзя снять фильм. Благодаря им реализуются истинные возможности кино как искусства. Такие профессионалы встречаются среди каждой национальности. Поэтому я могу работать на студии любой страны и чувствовать себя как дома.

"ОСКАР" ("Oscar"). Эта премия Американской Академии киноискусства – самое большое надувательство, какое только можно выдумать. Чарлз Лаутон смеялся, когда говорил о странной системе, которой пользуется Академия, определяя фильмы, достойные награждения. Помню, он говорил: "Дайте мне роль слепого. Нужно только закрыть глаза, осторожно передвигаться по лестнице и ощупывать ступеньки. Держу пари, в таком фильме всегда будут лестницы, чтобы актеру было легче играть, и ты увидишь – наградам не будет конца".

Я сама ни разу не была представлена к "Оскару", и это о чем-то говорит. Даже выдвижение на "Оскар" уже возводит в определенный ранг.

Вот перечень ролей, которым гарантируется "Оскар": известные библейские персонажи, священники, а также жертвы недугов или пороков, как слепота, глухота, немота (все это вместе или отдельно), пьянство, безумие, шизофрения и другие душевные заболевания, если все это сыграно в имевшем успех фильме. Чем трагичнее ситуация, тем вернее присуждение "Оскара". Воплощение горестных созданий будет рассматриваться как особенно трудное. Однако это неверно. Это только драматично и, следовательно, эффектно.

Решение о присуждении "Оскара" принимается лицами, работающими в кино и совершенно не ясно, почему даже они отождествляют актера с его ролью. Понятно, когда это делают зрители, но для критиков это недопустимо. Чтобы награждение "Оскаром" имело смысл, нужно время от времени присуждать эту премию актеру, который блистательно сыграл неудачно написанную роль в не очень известном фильме. Скепсис возникает еще и потому, что голосующие члены Академии часто находятся под влиянием дружеских связей или зависти. А сама процедура! Я видела актрис, которые почти без чувств поднимались на сцену, чтобы поблагодарить каждого – от уборщицы туалета до режиссера, "без которых этот фильм не мог состояться". У нас не найдется актера, который сказал бы: "Я один создал все это и мне некого благодарить. Я заработал эту награду сам". А затем, никого не благодаря, не целуя, не проливая слез, на глазах у всех отказался бы от "Оскара". Вот это была бы потеха!

ОСНОВАТЕЛЬНОСТЬ (Yrundlichkeit). Одна из черт немецкого национального характера. Но чтобы иметь ее в крови, нужно не только с ней родиться, но и соответствующим образом воспитываться.

ОТКЛАДЫВАТЬ ДЕНЬГИ (Yeld anlegen). Что должно делать и не делают, потому что "детям всегда нужны ботинки".

ОТЦЫ (Vater). Большинство из них заботится о том, что бы дать сыновьям шанс, которого сами не имели. Но жалуясь на недостатки собственного образования, они едва ли могут сказать что-то определенное об образовании сыновей. Король, ощущавший собственную непригодность для государственных дел, мог освободиться от своих обязанностей. Отцы этого не могут. Если сыновья понимают это парадоксальное состояние, они сами решают возникающую дилемму.

СОДЕРЖАНИЕ

- Наше зарубежное кино
2 Интервью с Отаром Иоселиани
11 О. Иоселиани "Охота на бабочек"
47 Иоселиани о Пятигорском
64 А. Пятигорский, О.Кантли "Человек не как другие"
82 Б. Носик "Конечно, он был поставлен русскими..."
- Дебют
88 Г. Параджанов-Анин "Уродина"
- Прибытие поезда
101 В. Залотуха "Дорога"
- Мемуары
116 В. Фрид "58 1/2" (продолжение)
- Проза кинодраматургов
135 В. Черных "Поджигательница"
- Из жизни звезд
143 П. Бескинд "Квентин Тарантино"
186 М. Дитрих "Азбука моей жизни" (продолжение)
- Мастерская
157 А. Казанцев "На позиции"
160 Р.Голев "Из дневника сценариста"
- К 100-летию кинематографа
164 Д.Робинсон "Хроника кинематографа" (продолжение)

Главный редактор Н.Рюрикова

Ответственный секретарь М.Сергиенко. Выпускающий редактор Ю.Гирба.
Компьютерная верстка и дизайн О.Дорофеевой и А.Макаровой.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Сдано в набор 20.03.95. Подписано к печати 28.03.95. Формат 70x100/16. Усл.печ.л. 14,5. Усл.кр.отт. 14,5. Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура "прагматика". Тираж 15000 экз. Заказ № 3110

Издание осуществлено совместно с Издательско-полиграфическим центром Аэрофлота "ПАНАС-АЭРО"

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени ПО "Детская книга" Роскомпечати. Адрес 127018, Москва, Суцевский вал, 49

Адрес редакции: 103006, Москва, Воротниковский пер., 12
Телефоны: 299-11-78, 299-47-74, 209-60-23

КУРС В н и м а н и е! КОНКУРС КОНКУРС

Журнал "Киносценарии" объявляет закрытый конкурс среди профессионалов, работающих в кино на лучший сценарий

под девизом
"З е р к а л о"

"Зеркало" – это не только фильм Тарковского, ставший этапом в отечественной кинематографии, это - своего рода точка отсчета;

"Зеркало" – это способ отображения окружающей нас действительности;

"Зеркало" – это возможность пристально взглядеться в себя, в нас;

"Зеркало" – это способ увидеть прошлое и будущее России, ибо одно без другого невозможно.

Конкурс будет проходить в два этапа:

I этап – конкурс заявок.

Присланные на конкурс заявки до 1 мая 1995 г. должны соответствовать девизу конкурса, не превышать 10 машинописных страниц, содержать основную идею фильма и краткое изложение сюжета. Заявка должна быть подписана зашифрованным девизом. Этот же девиз должен быть написан на запечатанном конверте, в который вложены сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, адрес и телефон. Каждый автор может прислать на конкурс не более 3-х заявок.

Заявки, присланные на конкурс, авторам не возвращаются.

Жюри, в состав которого наряду с деятелями искусств впервые в истории отечественных конкурсов войдут представители крупнейших банков и коммерческих структур, выберет 10 лучших заявок. Итоги 1-го этапа будут объявлены к 1 июня 1995 года.

Победители получат равные премии по 1000 долларов США.

II этап – конкурс сценариев. Он будет проходить с 1 июня по 20 сентября 1995 года. Авторы заявок-победителей I-го этапа будут приглашены к участию во II-ом этапе конкурса – на лучший сценарий. Сценарии, написанные по соответствующим заявкам, должны быть представлены конкурсному жюри не позднее 1 сентября 1995 г.

Победители II-го этапа получат премии:

I премия	– \$ 15000
II премия	– \$ 10000
III премия	– \$ 7000
две поощрительных премии	– по \$ 3000

Организаторы конкурса не исключают возможности роста суммы всех премий.

Заявки и сценарии-призеры будут опубликованы на страницах журнала "Киносценарии".

Предполагается, что постановку фильмов по премированным сценариям, спонсируют коммерческие и банковские структуры, участвовавшие в работе жюри.

Заявки с пометкой "Конкурс "Зеркало" присылайте на адрес редакции:
103 006 Москва, Воротниковский переулок, 12

Телефоны для справок: 299-47-74; 251-95-20; Fax 209-60-23.

КИНО №2

СЦЕНАРИИ

В следующем номере
читайте статью о
Джоди Фостер
("Молчание ягнят",
"Обвиняемая",
"Нелл")